

MIRIAM GEBHARDT

CRIMES UNSPOKEN

THE RAPE OF GERMAN WOMEN
AT THE END OF
THE SECOND WORLD WAR

Оглавление

[Обложка](#)

[Титульная страница](#)

[Авторское право](#)

[Благодарности](#)

[Введение](#)

[1 Семьдесят лет слишком поздно](#)

[Неправильные жертвы?](#)

[Сколько человек пострадало](#)

[Сексуальная агрессия против мужчин](#)

[Несколько слов о методе](#)

[Примечания](#)

[2 Берлин и Восток - хроника предсказанной беды](#)

[Великий страх](#)

[Красная Армия наступает](#)

[Берлин](#)

[Год спустя](#)

[Другой взгляд](#)

[Примечания](#)

[3 Южная Германия - кто защитит нас от американцев?](#)

[Ничье время](#)

[Умеренное негодование](#)

["Чувство большой незащищенности среди наших солдат".](#)

[Обсуждение](#)

[Сексуальное завоевание Европы?](#)

[Непрерывное утверждение власти оккупантов](#)

[Параллели и различия](#)

[Примечания](#)

[4 Беременные, больные, подвергшиеся остракизму - подходы к жертвам](#)

[Жертвы дважды](#)

[Братство](#)

[Проблема аборт](#)

[Ничьи дети](#)

['О других жертвах тоже позаботились'](#)

[Сначала французы, затем государственные органы](#)

['Я люблю этого ребенка так же, как и других'.](#)

[Примечания](#)

[5 Длинная тень](#)

[Последствия пережитого насилия](#)

[Миф о женской неуязвимости](#)

['Аноним' и цензура памяти](#)

[Обязанности лояльности](#)

[Первые феминистские протесты](#)

[Хельке Зандер "BeFreier" и дебаты о жертвах в Германии](#)

[Прошлое сегодня](#)

[Примечания](#)

[Источники и избранная литература](#)

[Индекс](#)

[Лицензионное соглашение с конечным пользователем](#)

Невысказанные преступления

Изнасилование немецких женщин в конце Второй мировой войны

Мириам Гебхардт

Перевод Ника Сомерса

ПОЛИТИЯ

Впервые опубликовано на немецком языке под названием *Als die Soldaten kamen. Die Vergewaltigung deutscher Frauen am Ende des Zweiten Weltkriegs*, © Deutsche Verlags-Anstalt, подразделение Verlagsgruppe Random House GmbH, Мюнхен, Германия, 2015 г.

Английское издание © Polity Press, 2017

Полити Пресс
65 Бридж-стрит
Кембридж CB2 1UR, Великобритания

Полити Пресс
350 Главная улица
Малден, штат Массачусетс, 02148, США

ISBN-13: 978-1-5095-1123-5

Каталожная запись на эту книгу имеется в Британской библиотеке.

Library of Congress Cataloging-in-Publication Data

Имена: Гебхардт, Мириам, автор.

Title: Невысказанные преступления : изнасилования немецких женщин в конце Второй мировой войны / Мириам Гебхардт.
Другие названия: Als die Soldaten kamen. Английский | Rape of German women at the end of the Second World War.

Описание: Cambridge, UK, Malden, MA : Polity Press, [2016] |

Включает библиографические ссылки и указатель.

Идентификаторы: LCCN 2016021691 (print) | LCCN 2016022335 (ebook) | ISBN 9781509511204 (hardback) | ISBN 9781509511228 (Mobi) | ISBN 9781509511235 (Epub).

Предметы: LCSH: Мировая война, 1939-1945--Женщины--Германия. | Изнасилование--Германия--История--20 век. |

Жертвы изнасилования--Германия--История---20 век. |
Солдаты--Сексуальное поведение--История--20 век. |
Женщины--Преступления против--Германия--История--20 век.
| Матери-одиночки--Германия--Социальные условия---20 век. |
Советский Союз--Вооруженные силы--Германия (Восток)|
Соединенные Штаты--Вооруженные силы--Иностранная
служба--Германия--История-20 век. | Франция--Вооруженные
силы--Германия--История--20 век. | Германия--история-1945-
1955 гг.

Классификация: LCC D810.W7 G3913 2016 (print) | LCC D810.W7
(ebook) | УДК 940.53082/0943--dc23

Запись LC доступна на сайте <https://lccn.loc.gov/2016021691>

Издательство приложило все усилия, чтобы убедиться, что URL-адреса внешних сайтов, упомянутых в этой книге, верны и активны на момент выхода книги в печать. Однако издательство не несет ответственности за эти сайты и не может гарантировать, что сайт останется действующим или что его содержание будет соответствовать действительности.

Были предприняты все усилия, чтобы отследить всех правообладателей, но если кто-то из них был случайно упущен, издатель будет рад включить все необходимые кредиты в любое последующее переиздание или издание.

Для получения дополнительной информации о Polity посетите наш сайт: politybooks.com

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен за помощь, оказанную мне во время работы над этой книгой Мартиной Бёмер, экспертом по работе с травмированными жертвами изнасилования в гериатрической клинике, и Юргену Клёклеру, городскому архивариусу в Констанце. Я также благодарю сотрудников архивов, упомянутых в этой книге, особенно Герхарда Фюрмеца из Баварского гауптштатсархива. Дискуссии и эссе студентов, посещавших мой курс в Университете Констанца в летнем семестре 2013 года, послужили большим вдохновением.

Я благодарю Deutsche Verlags-Anstalt за предложение и работу над этой книгой, особенно Томаса Ратнова и Карен Гуддас, а также моего агента Ребекку Гепферт и консультанта по социальным сетям Оливера Ребиндера.

Наконец, я хотела бы отметить моего мужа Энтони Каудерса, которому посвящена эта книга, за его личную поддержку и профессиональную помощь во время тяжелой исследовательской работы.

С автором можно связаться через www.miriamgebhardt.de и www.facebook.com/gebhardt.autorin.

ВВЕДЕНИЕ

Книжный проект об изнасилованиях немецких женщин в конце Второй мировой войны и во время оккупации должен сначала противостоять определенным предрассудкам. Как будто один кадр из фильма застыл в нашей коллективной памяти. На нем русский с азиатскими чертами лица кричит "Урри, урри", но требует не только часы, но и женщину. Мы все видели это по телевизору: блондинка, которую играет Нина Хосс, среди обломков, а в тени ждет раболопный монгол. Есть ли еще что-то важное, что можно сказать на эту тему? Война давно закончилась, жертвы очень стары или мертвы, а последующие поколения находят военные истории из Голливуда или Бабельсберга более захватывающими. И потом, изнасилование - разве это не пережиток, не архаичное преступление, которое всегда происходит примерно одинаково, будь то в Германии тогда, или в Ираке, Сирии или Южном Судане сегодня? В лучшем случае эта тема предлагает дешевую платформу для вечных моралистов и националистов с их четкими представлениями о добре и зле. Тогда злодеями были русские, сегодня другие - в любом случае, снова злые люди.

Работая над этой книгой, я часто спрашивал себя, почему изнасилования немецких женщин в военное время все еще интересуют меня сегодня, более семидесяти лет спустя. Простой и наполовину правдивый ответ заключается в том, что линза, через которую мы смотрим на это время, срочно нуждается в очистке.

Мы, историки, аккуратно говорим о "пробелах в исследованиях", когда находим очень мало достоверной информации по какой-либо теме. Но требование историков о

полной подотчетности не является для меня достаточным аргументом. Должны быть более важные причины для спуска в такую темную долину.

Одной из таких причин может быть требование справедливого отношения. Правомерность воспоминаний о событиях, произошедших после прихода союзников, до сих пор подвергается сомнению. До сих пор раздаются голоса о том, что расследование массовых изнасилований немецких женщин неизбежно призвано загладить преступления, совершенные против жертв немецкой агрессии, и тем самым релятивизировать Холокост. 1 Другие оспаривают актуальность самой темы, утверждая, что немецкое общество просто обманывает себя, думая, что у него нет слепого пятна в этом отношении. Это псевдо-табу, говорят они, которое неоднократно нарушается, чтобы потом воздвигнуть его снова. 2 Есть и те, кто сомневается в достоверности жертв, как показало недавнее обсуждение дневника "Анонима" под названием *"Женщина в Берлине"*. 3

Но для меня главная причина обращения к этому фундаментальному недоверию заключается в том, что значительное число пострадавших так и не были признаны жертвами. По моим подсчетам, по меньшей мере 860 000 женщин (и немалое количество мужчин) были изнасилованы после войны. По меньшей мере 190 000 из них, возможно, даже больше, были изнасилованы американскими солдатами, другие - британскими, бельгийскими или французскими. Об этих жертвах никогда ничего не было сказано. Подобно тому, как в Восточной Германии злодеяния "старшего брата" были заматы под ковром, западногерманское общество также молчало о

нападениях своих демократических освободителей. Женщины, изнасилованные русскими солдатами, по крайней мере, получили некоторое признание, даже если им манипулировали в идеологических целях, используя для того, чтобы указать на конфликт между Востоком и Западом. Женщины, изнасилованные солдатами GI, британскими и французскими солдатами, напротив, были, если и наказаны, то с презрением. Под дамокловым мечом публичного осуждения "братоубийц" - то есть женщин, которые якобы проституировали себя перед "врагом" и тем самым наносили удар в спину собственной нации - жертвам сексуальной агрессии Запада практически невозможно было рассказать свои истории. То же самое касалось и женщин в советской оккупационной зоне и Восточной Германии. В этих случаях опыт насилия, если он вообще упоминался, списывался на слабость характера.

На сегодняшний день существует только две книги, которые попали на более широкой аудитории: дневник "Анонима", упомянутый ранее, по которому в 2008 году был снят фильм, и первое исследование феминистки и режиссера Хельке Сандер в 1992 году. Оба проекта имели одинаковое место действия - Берлин - и одинаковых исполнителей - военнослужащих Красной армии. Какими бы достойными ни были эти два исследования, они укрепили веру большинства немцев в то, что сексуальное насилие в военное время было проблемой советских солдат, в то время как другие союзники скорее должны были быть защищены от влюбленных немецких женщин. Таким образом, Сандер и "Аноним", а также журналист Эрих Куби со своей серией "Русские в Берлине", которая появилась в немецком новостном журнале *Der Spiegel* в 1960-х

годах, помогли подтвердить этот стереотип. Как следствие, то, как люди вспоминают массовые изнасилования в конце Второй мировой войны, стало вопросом правых и левых: с одной стороны, ревизионисты и правые функционеры, представляющие немецких беженцев из Восточной Европы, для которых страдания женщин были частью мечты о Великой Германии, и, с другой стороны, левые, которые хотели защитить репутацию советских "освободителей", преуменьшая изнасилования советской армией. Это остается самым большим предрассудком при рассмотрении данной темы сегодня.

Но от игнорирования преступлений они не исчезнут. В домах престарелых и инвалидов до сих пор живут женщины (а возможно, и мужчины), которых преследуют болезненные воспоминания. Им достаточно услышать хоть слово по-английски или грубо помыться под присмотром сиделок, чтобы память вернулась. По этой причине Мартина Бёмер, специалист по гериатрическому уходу и травматолог, в течение многих лет гастролирует по Германии, пытаясь донести до персонала этих учреждений, что в своей повседневной работе они могут иметь дело с жертвами травмирующего сексуального насилия военного времени. 4

Даже если эта проблема скоро перестанет существовать, потому что последние жертвы умрут, будет ли она решена? Психологи обнаружили, что история Германии все еще оказывает влияние и спустя поколения. Это легко понять на примере женщин и мужчин, которые в детстве были свидетелями или даже жертвами изнасилования своих матерей. Но также важно, чтобы их дети знали о том, что

произошло, о судьбе жертв, и имели представление о ранах, которые многие из якобы крепких и решительных "труммерфрауэн" ("женщин на развалинах"), сегодняшних бабушек и прабабушек, унесли с собой из войны. Необходимо также вновь обратить внимание на моральные и сексистские предрассудки, с которыми сталкивались женщины в то время. Им было отказано в каком-либо признании не только потому, что пережитое ими считалось постыдным, но и потому, что женская сексуальность в принципе рассматривалась с подозрением. Их обвиняли в том, что они сами напросились на это.

Вначале они, вероятно, молчали из-за оцепенения, шока и невозможности выразить свои переживания словами. Затем другие вещи стали более важными - прежде всего, экономическое и социальное восстановление страны и восстановление традиционной патриархальной модели семьи. Тогда их собственные болезненные переживания отошли на второй план по сравнению с политическими соображениями и желанием воспользоваться помощью, предложенной союзниками. Кроме того, существовал оправданный приоритет борьбы с преступлениями, совершенными немцами. Но в какой-то момент причины продолжать игнорировать массовые изнасилования иссякли.

Даже сегодня существует непроницаемый барьер молчания, социальное осуждение, моральное снисхождение, политическая инструментализация, чиновничья возня, покровительственная компенсация, феминистская пристрастность и отсутствие признания, из-за чего изнасилованные женщины (и мужчины) постоянно

испытывают боль, унижение, игнорирование или поучения. Эксперты дали название "вторичная виктимизация" этому жестокому опыту со стороны жертв насилия, которые затем становятся жертвами социальной изоляции.

Еще одна цель этой книги - показать, в какой степени изнасилованные женщины после 1945 года снова превратились в жертв благодаря врачам, которые произвольно разрешали или отказывали в аборте, социальным работникам, которые объявляли беременных женщин "непутевыми" и помещали их в исправительные учреждения, соседям, которые самодовольно сплетничали о якобы плохой репутации этих женщин, и бесчувственным судьям, которые отказывали в компенсации, потому что не верили заявлениям женщин.

Для полной реконструкции послевоенных изнасилований потребуется еще много детальных исследований - другими словами, справедливо учесть все обстоятельства внутри и вне Восточной и Западной Германии, юридические и административные последствия во всех четырех оккупированных зонах, связь между вооруженными силами союзников и немецкими властями, а также проследить следы отцов детей изнасилованных женщин по всему миру. В частности, для британской оккупационной зоны я нашел очень мало источников. Были ли британские солдаты единственными, кто вел себя достойно в то время? На многие вопросы еще предстоит ответить. Тем не менее, источники, которые мне удалось изучить, дают настолько совпадающие и убедительные ответы, что некоторые из самых грубых заблуждений о сексуальном насилии в отношении немецких женщин в военное время могут быть опровергнуты:

- В основном русские нападали на бегущих немецких женщин, в частности, чтобы отомстить за собственные страдания;
- солдатам западных союзников не было необходимости применять силу, так как они получали все, что хотели, за Lucky Strike;
- жертвы изнасилования "невероятно быстро" справились с переживаниями, потому что они стали частью сообщества, в котором всех постигла та же участь;
- После возвращения с войны или из заключения мужа изнасилованных женщин отвергали своих "обещанных" жен и детей;
- женщин, изнасилованных русскими или чернокожими солдатами, абортировали как можно быстрее по расистским причинам;
- проблема изнасилования была подавлена после 1949 года из-за уязвленного мужского тщеславия и переосмыслена как метафора изнасилования нации в целом.

Это все заблуждения и обобщения, которые эта книга хотела бы развеять. Моя цель - пролить новый свет на эту сложную тему и распутать полуправду и традиционные предрассудки. Прежде всего, я хотел бы исправить образ чудовищных азиатских русских или марокканских насильников по сравнению с белыми западными освободителями, которые, как теперь стало ясно, следовали точно такому же сценарию грабежа и изнасилования. Фантазии, предрассудки и

реальность можно быстро разделить, если реконструировать события того времени с точки зрения жертв, а не превращать их в податливый материал для переписывания истории, как это делали в прошлом консервативные и либеральные представления. Пришло время говорить самим жертвам и реабилитировать их, не освобождая от ответственности за преступления, совершенные немцами при нацистском режиме. Важно признать двусмысленность ролей жертвы и преступника, чтобы избавить их детей и внуков от травматических последствий того, что пережили их матери и бабушки семьдесят лет назад. Этого можно добиться, продолжая повышать уровень осознания собственной истории, который постепенно развивается в Германии в последние несколько лет.

Примечания

1. См. Atina Grossmann, 'A Question of Silence: Изнасилование немецких женщин оккупационными солдатами', в: Robert G. Moeller (ed.), *West Germany under Construction: Politics, Society, and Culture in the Adenauer Era* (Michigan 1997), pp. 33-52.
2. Laurel Cohen-Pfister, 'Rape, War, and Outrage: Изменение представлений о немецкой виктимности в период после унификации', в: Cohen-Pfister and Dagmar Weinröder-Skinner (eds.), *Victims and Perpetrators: 1933-1945, (Re)Presenting the Past in Post-Unification Culture* (Berlin, New York 2006), pp. 316-36, здесь p. 318.
3. Jens Bisky, "Wenn Jungen Weltgeschichte spielen, haben Mädchen stumme Rollen: Wer war die Anonyma in Berlin?"

Frauen, Fakten und Fiktionen - Anmerkungen zu einem grossen Bucherfolg dieses Sommers' in: *Süddeutsche Zeitung*, 24 сентября 2003 г., с. 16.

4. Martina Böhmer, *Erfahrungen sexualisierter Gewalt in der Lebensgeschichte alter Frauen: Ansätze für eine frauenorientierte Altenarbeit* (Frankfurt 2011).

1

СЕМЬДЕСЯТ ЛЕТ СЛИШКОМ ПОЗДНО

В Бамберге

Вечером жена инженера Бетти К. была разбужена громким стуком в дверь в коридоре. Когда она открыла дверь с восемнадцатимесячным ребенком на руках, перед ней предстали два огромных солдата-негра, которые оттолкнули ее в сторону и вошли в квартиру. Перевернув все комнаты вверх дном, они напали на женщину и, согласно ее собственным показаниям, изнасиловали ее три раза. Отец женщины все это время удерживался одним из негров, а затем был застрелен.

Рудольф Альбарт, автор военного дневника 1

В деревне под Магдебургом

Офицер начал говорить, когда из соседней деревни пришел немец и через переводчика сказал, что русский солдат изнасиловал его двенадцатилетнюю дочь. Мужчина указал на солдата. Тогда я в первый и, надеюсь, в последний раз стал свидетелем избиения человека до смерти. Высокопоставленный офицер пинал и топтал мужчину до смерти совершенно самостоятельно.

Лизелотта М. вспоминает о праздновании победы Красной Армии 8 мая 1945 года 2

НЕПРАВИЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ?

По меньшей мере 860 000 немецких женщин и молодых девушек, а также мужчин и мальчиков были изнасилованы в конце войны и в послевоенный период солдатами союзников и военнослужащими оккупационных сил. Это происходило повсеместно - в северо-восточном углу территории Рейха наступающей Красной армией, в юго-западном углу территории Рейха с наступлением французов, в самом южном углу на краю Альп во время оккупации французами и американцами, а в западной части - англичанами. Форма преступников была разной, но действия были одинаковыми. GI и солдаты Красной Армии, британцы и французы, бельгийцы, поляки, чехи и сербы воспользовались завоеванием и оккупацией Германии сначала для грабежа, а затем для изнасилования. Они повторили, хотя и в другой степени, то, что вермахт ранее делал с противниками Германии в военное время. 3

Вопрос о друге или враге был второстепенным. По пути в Германию американцы насиловали жен союзных британцев и французов, а также освобождали рабов и узников концлагерей - совсем как Советы, которые уже обрушили волну изнасилований на освобожденные ими страны.

Изнасилование на войне - это глобальная и традиционная проблема, связанная с патриархальными гендерными ролями, в которых женщины (а также мужчины) рассматриваются как военный трофей. Во время Второй мировой войны все армии совершали это военное преступление, и все группы населения пострадали в разной степени; французских женщин насиловали немецкие и американские солдаты, польских

женщин - немецкие и советские солдаты и так далее. Это часть мифа о войне, согласно которому победитель смакует свой триумф сексуальным завоеванием. Японская армия во время Второй мировой войны была особенно печально известным примером, поработив до 300 000 женщин из Китая и Кореи, с других оккупированных территорий в Индонезии, Малайзии, Филиппин и Тайваня, и даже из Нидерландов и Австралии. Японии потребовалось более семидесяти лет, чтобы признать, что так называемые "женщины для утех" имеют право на компенсацию. Даже если расширить временные рамки и рассмотреть более поздние события, такие как массовые изнасилования в Югославии с числом жертв до 20 000 или в Руанде с числом жертв до 500 000, массовые изнасилования немецких женщин, несмотря на сложность получения точных цифр, остаются исторически уникальным явлением.

И все же, даже сегодня об этих преступлениях не говорят, а женщины, о которых идет речь, официально не считаются жертвами Второй мировой войны. Им нет ни мемориалов, ни памятных ритуалов, ни общественного признания, ни тем более извинений - такое положение дел подвергается нападкам со стороны Моники Хаузер, основательницы организации по защите прав женщин *medica mondiale* и альтернативного лауреата Нобелевской премии. 4 Увековечение памяти жертв изнасилований представляется еще более проблематичным, чем решение проблемы страданий беженцев и изгнанных с Востока. Поскольку многие женщины были изнасилованы во время бегства и в контексте изгнания, они страдают от этого молчания дважды - как перемещенные лица и беженцы, и как жертвы изнасилования. В то же время женщины из самых

маленьких деревень в Баварии, на юго-западе Германии, в Пфальце и Вестфалии страдали от той же участи, только от рук западных солдат. Эти жертвы также хранили молчание о том, что тогда произошло.

Как можно объяснить это долгое молчание? Очевидно, что немецкие женщины, изнасилованные в результате Второй мировой войны, были неправильными жертвами - потому что они не были мужчинами и не принадлежали к числу тех, кто был убит, искалечен или травмирован; потому что они не были жертвами нацистского режима, а, напротив, вполне могли быть причастны к преступлениям нацистов; потому что они подверглись насилию со стороны держав-победительниц в качестве эрзаца преступной нацистской Германии; и потому что они были негероическими жертвами морально заряженного преступления, в котором их часто обвиняли в том, что они сами себя обвинили. Тех, кто не был явно "невиновен" - по возможности девственников, - тех, кто не защищался энергично даже при наличии оружия, считали "любителями янки", "вероникой Данкешён" (от венерического заболевания), которые бросались на оккупантов за плитку шоколада или пару чулок.

У жертв, естественно, были веские причины молчать. Прежде всего, это были союзы времен холодной войны. На Востоке, где многие женщины-беженки оказались в затруднительном положении и подвергались сексуальной агрессии со стороны советских солдат, о зверствах, совершенных "старшим братом", нельзя было упоминать. На Западе, где также было много беженцев и где женщины подвергались нападениям американских, французских и, в отдельных случаях,

британских оккупантов, процесс вестернизации или американизации был препятствием для рассмотрения другой стороны послевоенного опыта. 5. Как пишет историк Вальтер Циглер, тема изнасилований американцами "была маргинализирована, как и многочисленные расстрелы, из-за более поздней тесной дружбы с США и зверств, совершенных Советами". 6 Русские насильовали, американцы раздавали конфеты - таково было предубеждение, которое преобладает и по сей день. Истории отдельных групп немецких жертв, особенно перемещенных лиц и немецких военнопленных, находившихся в советском плену, в 1950-е годы стали центральным элементом в формировании идентичности немецкими националистами и ассоциациями беженцев, 7 но индивидуальный опыт женщин-жертв был присвоен и поставлен на службу политике.

Конечно, были женщины и мужчины, которые выступали в защиту жертв изнасилований на войне и их детей, но мотивы этих немногих парламентариев или представителей ветеранских ассоциаций были в первую очередь не возмещение ущерба или компенсация, а критика коммунизма и восстановление традиционной модели семьи. Именно отцовское государство должно было прийти на помощь детям от этих изнасилований и предоставить этим женщинам особый статус по сравнению с другими матерями незаконнорожденных детей.

Помимо политических причин долгого молчания об изнасилованиях в конце войны, то есть необходимости отсрочки перед послевоенными союзниками, можно выделить и социальные причины. Долгое время жертвами

изнасилований и их проблемами занимались в основном мужчины, будь то представители администрации, благотворительных организаций и партий, врачи или историки. В то время, когда в 1950-е годы предпринимались усилия по восстановлению традиционной семьи, у них было мало оснований для того, чтобы высказывать очевидную мысль - что мужчины не смогли защитить своих женщин в конце войны и что женские тела стали общественной собственностью. Поскольку общество стремилось вновь утвердить свою мужественность, это был неподходящий момент для того, чтобы поднимать вопрос о том, мог ли сын или дочь быть зачат от врага.

Годы после 1945 года характеризовались чувством моральной паники, страха и неуверенности. Перед Германией не только стояла задача экономической и политической реконструкции, немцев преследовали призраки, напоминавшие им об утрате самоопределения и перспективе оказаться во власти иностранных держав. Это символизировалось метафорой изнасилования собственной нации, в частности, собственных женщин, что общество категорически отвергало. 8 В итоге, после войны женщины молчали не столько о массовых изнасилованиях, сколько о смущенном молчании нации, чьи основные убеждения о сексе и обществе были поколеблены и которая хотела изгладить из памяти присущее ей структурное насилие над женщинами путем восстановления традиционного патриархального идеала семьи. 9

Лишь спустя десятилетия, после воссоединения Германии, эта застывшая поза постепенно оттаяла. Две главные работы, напоминающие о массовых изнасилованиях, - "*BeFreier und*

Befreite" Хельке Зандер и переиздание и экранизация *"Женщины в Берлине"* - были продуктами 1990-х и 2000-х годов. Они так и не смогли полностью преодолеть нежелание общества обсуждать эту тему. Историки гневно обвиняли Сандер в фальсификации истории, а ее расчеты - в релятивизации числа жертв Холокоста. Очевидно, что до сих пор существует образ героических жертв воздушных налетов, тюрем, изгнания и детей без отца в противовес позору сексуального порабощения. Дискуссия, разгоревшаяся после переиздания книги *"Женщина в Берлине"* в 2003 году, пошла по другому пути. Книга стала бестселлером, но доверие к автору, описавшей свои переживания весной и летом 1945 года и не пожелавшей назвать своего имени, было поставлено под сомнение, что слишком часто случается с жертвами изнасилования, а затем последовало неосторожное раскрытие ее подлинной личности.

Историки также не покрыли себя славой в своем отношении к жертвам изнасилования. Профессиональные летописцы не могли вызвать сочувствие к жертвам, и их заботы были прибережены для тех, кто символически ассоциировался с мужскими аспектами военных действий. Сыновьям солдат, выросших без отца, в частности, удалось привлечь внимание ученых и общественности к своей судьбе.^{[10](#)} Исторические исследования до сих пор избегают рассматривать изнасилования в конце войны. Новый *"Оксфордский компаньон по Второй мировой войне"*, труд объемом более 1000 страниц, претендующий на всеобъемлющий обзор, даже не посвятил этой теме ни одной главы. Последние книги по истории Германии в двадцатом веке также посвящают переживаниям

сотен тысяч женщин в лучшем случае один абзац. Похоже, что изнасилование по-прежнему молчаливо рассматривается как побочный продукт "законного" применения силы в войнах. И только благодаря давлению общественности на выставке "Kriegsende und Vergangenheitspolitik in Deutschland" в Haus der deutschen Geschichte в 2005 году, спустя шестьдесят лет после капитуляции, был представлен единственный экспонат на эту тему. В сопроводительных исследованиях ничего не говорилось об изнасиловании.^{[11](#)}

И ученые, и общество потерпели полное фиаско в решении этой темы. Небольшой исследовательский проект в университете Грайфсвальда по изучению посттравматического стресса у жертв изнасилования - это сравнительно незначительные усилия общества в защиту 860 000 женщин, которые, по моим скромным подсчетам, были изнасилованы солдатами союзников в период с 1944 по 1955 год.^{[12](#)} И даже если "негероические" и, как правило, женские жертвы насилия сегодня наконец-то получают признание, для большинства из них, к сожалению, будет слишком поздно. Их уже нет в живых, чтобы пережить это.

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ПОСТРАДАЛО

Чтобы определить, сколько женщин было изнасиловано в результате войны, необходимо, прежде всего, определить временные рамки. Когда мы прекращаем подсчет? Какие изнасилования были связаны с войной, а какие были "просто" изнасилованиями оккупационными солдатами в мирное время? Я ограничил свое исследование временем от боевых действий во время наступления союзников на Германию до конца периода оккупации.^{[13](#)} Мой рассказ начинается осенью

1944 года, когда Красная Армия достигла восточной границы Германского Рейха, положив начало массовому бегству на запад. Он продолжается в Берлине, где весной 1945 года изнасилования были настолько распространены, что женщины, как говорят, просто спрашивали друг друга: "Сколько раз они тебя изнасиловали?". Более того, изнасилования не закончились после прекращения боевых действий. Затем мы перенесемся в Верхнюю Баварию, в самодостаточный и традиционно сельский район, где священники сообщали о многочисленных сексуальных нападениях со стороны французов и, прежде всего, американцев. В Баварии проблема не была исчерпана и летом 1945 года. Местные жители продолжали жаловаться на "нарушения мира американскими солдатами и на отсутствие реакции со стороны немецких властей". Рассматривая последствия для жертв, мы перенесемся на юго-запад Германии, где такие места, как Фройденштадт и Штутгарт, приобрели печальную известность благодаря массовым изнасилованиям, совершенным французской армией. Мы можем изучить эти преступления через особенно тревожный источник, описывающий попытки изнасилованных женщин получить от властей компенсацию за нежеланных детей.

Настоящая книга не может и не предлагает всеобъемлющего обзора событий после окончания войны, но рассматривает инциденты и их последствия на основе отдельных судебных и регионов и проблем, поднятых ими. Поскольку в документах практически нет упоминаний о британцах как об оккупационных силах, а информация, которую можно получить из скудных материалов в таких архивах, как Государственный

архив Гамбурга, не отличается от информации, касающейся других оккупационных держав, в данной книге британскому участию в военных преступлениях уделяется незначительное внимание.^{[14](#)}

Однако мы знаем, что военнослужащие британских вооруженных сил также совершали изнасилования, хотя, вероятно, в меньшей степени. Хотя численность гражданского населения под британской и бельгийской оккупацией была больше, чем в американской или советской зонах,^{[15](#)} в архивах сохранилось гораздо меньше зарегистрированных случаев. Один известный случай произошел в Зольтау на Люнебергер Хайде. Город был взят 17 апреля 1945 года после упорных арьергардных действий немцев. В первую ночь британские солдаты прочесали все дома в поисках солдат и оружия, украли часы и другие ценные вещи. Ходили слухи, что город должен был быть наказан за упорное сопротивление. В первые два дня оккупации в Зольтау и близлежащих сельских общинах произошло несколько изнасилований, одно из которых совершил офицер.^{[16](#)}

Криминолог Клайв Эмсли также обнаружил очень мало преступлений такого рода в британских военно-исторических архивах и задался вопросом, не является ли отсутствие соответствующих судебных дел существенным. Возможно, размышлял он, гражданские жертвы молчали из стыда, и в любом случае было мало шансов на расследование преступлений, совершенных оккупационными войсками, которые, как правило, считались высокодисциплинированными. Более того, жертвам было бы трудно опознать людей в форме, а солдаты, о которых идет

речь, в любом случае могли легко представить друг другу алиби. Например, летом 1945 года двое британских солдат были обвинены в изнасиловании двух женщин в окрестностях Любека и краже их велосипедов. Их старший офицер обеспечил им алиби на время инцидента, хотя они явно владели велосипедами женщин, и офицер даже подписал для них увольнительные. Велосипеды были возвращены двум женщинам, и они были отправлены домой в слезах.¹⁷ Подобные случаи указывают на то, что у британских оккупантов тоже есть скелеты в шкафу и что необходимы дальнейшие исследования.

Правовая ситуация в послевоенной Германии сделала практически невозможным для немецкой полиции расследование изнасилований и преследование виновных. В первые годы оккупации немецкий полицейский не смог бы ничего сообщить, даже если бы он ворвался на место группового изнасилования американцев. Он не смог бы ни вмешаться, ни тем более арестовать солдат, потому что военная полиция отвечала за преступления против немецкого населения. Кстати, немецкие гражданские лица также не имели права прийти на помощь жертвам, поскольку немцам было запрещено нападать на представителей оккупационных войск или предпринимать против них какие-либо другие действия. Оккупационная власть несла единоличную ответственность за обвинения и расследования в отношении своих солдат, в результате чего в большинстве случаев обвинения вообще не предъявлялись. Виновные также не могли предстать перед немецким судом. Здесь также юрисдикция принадлежала военным судам.

В 1955 году вступили в силу Парижские соглашения, положившие конец статусу Федеративной Республики Германия как оккупированной страны, хотя государственный суверенитет оставался ограниченным до воссоединения Германии в 1990 году и вступления в силу соглашения "Два плюс четыре" в марте 1991 года. На Востоке Советская военная администрация в Германии была эффективной контрольной и командной структурой в советской оккупированной зоне до 1949 года, уступив место Советской контрольной комиссии в новообразованной Германской Демократической Республике. В сентябре 1955 года договор между ГДР и СССР официально установил суверенитет Восточной Германии. Официальное окончание периода оккупации положило начало постепенному смягчению и успокоению отношений между Германией и ее бывшими врагами. С этого момента союзники были менее заинтересованы в сведении счетов с немецким агрессором и больше заботились о защите своих союзников в разгорающемся конфликте между Востоком и Западом. Это изменило не только отношения между оккупантами и оккупированными, но и символическое значение сексуальной агрессии солдат союзников против гражданского населения.

Жертвы изнасилований после 1955 года - по крайней мере, на бумаге - были не частью населения, только что проигравшего войну, а гражданками партнера по альянсу (ФРГ вступила в НАТО в 1955 году). Эти изнасилования были уже не эксцессами, возникшими в результате коллективного группового конфликта, а изолированными действиями отдельных людей. Изнасилования, совершенные мужчинами в военной форме в мирное время, теперь могли быть лучше расследованы и

преследоваться немецкими властями, по крайней мере, теоретически. К 1955 году затянувшийся политический процесс относительно правового статуса жертв изнасилования завершился.

В этом десятилетнем периоде с 1945 по 1955 год важно представить себе драматургию событий. Несомненно, большинство изнасилований происходило во время продвижения союзников, несомненно, из-за атмосферы насилия и завоевания, но также и из-за их количества. В конце войны в Европе находилось 3 миллиона американских солдат. К началу 1946 года их было всего 600 000. В 1947 и 1948 годах количество преступных действий против гражданского населения со стороны американской армии выравнивалось, хотя при каждом новом размещении войск, особенно в 1950/51 годах, наблюдался всплеск.^{[18](#)} В начале 1950-х годов, в частности, баварские общины, такие как Вюрцбург или Ашаффенбург, часто жаловались на сексуальную агрессию со стороны американских солдат. Количество британских солдат, расквартированных в Германии, также колебалось. На заключительных этапах Второй мировой войны их было 400 000. Два года спустя там находилось только 100 000 человек. В 1951 году их число возросло до 250 000, а в 1952 году - до 300 000. Число советских солдат в Германии сократилось к концу 1947 года с 1,5 миллиона до 350 000. После 1949 года эта крупнейшая оккупационная армия снова увеличилась до 500 000 или 600 000 солдат. К ним добавилось более 200 000 гражданских лиц и членов семей.

С переходом от завоевания к упорядоченной оккупации изменился не только личный состав армии, но и характер

изнасилований. Это новое качество можно увидеть в случае с американским солдатом, который в 1945 году впал в безудержное насилие, возможно, в результате психоза, вызванного войной. Напротив, действия группы пьяных французских солдат, которые в начале 1951 года среди бела дня напали на пожилую женщину, затащили ее в военную машину и жестоко надругались над ней, скорее носят характер демонстрации силы.

Помимо колебаний численности личного состава, условия жизни солдат, от размещения в частных домах до строительства специального жилья для солдат и их семей, также были фактором риска изнасилований. Державы-победительницы проводили разную политику в этом отношении. В то время как американским войскам рекомендовалось привозить свои семьи, Красная Армия размещала своих солдат в казармах на окраинах городов и гораздо дольше, чем американцы, запрещала им общаться с гражданским населением, не говоря уже о женитьбе. Французы размещали своих солдат в частных домах, что создавало особенно опасную ситуацию для жертв изнасилования, поскольку им было трудно доказать, что они сами не спровоцировали нападение из-за близкого контакта с преступником. Как и американцы, британцы пытались запретить братские отношения - с таким же незначительным успехом - и вскоре приобрели среди населения репутацию людей менее непринужденных, чем солдаты, но более уважительных и дисциплинированных.^{[19](#)}

Помимо отношения бывших врагов, структуры и дисциплины подразделений, вероятности преследования и наказания, мы

также должны учитывать политическую и личную мотивацию самих солдат. Их собственное восприятие, а также восприятие посторонними людьми их статуса завоевателей, освободителей, оккупантов и защитников (от другой великой оккупационной державы) влияло на конкретные столкновения отдельных солдат с немецким населением и на уровень преступности в целом, о чем мы поговорим позже.

Установив временные рамки, следует с самого начала отметить, что из имеющихся источников и исследований невозможно получить даже приблизительное представление о количестве жертв изнасилований. Ни одна из оккупационных держав до сих пор не занималась систематическим изучением этого вопроса, несмотря на некоторые серьезные первые попытки американских исследователей. Московские архивы продолжают оберегать репутацию ветеранов, также мало что известно о причастности британцев и французов к массовым изнасилованиям. Поэтому мы полагаемся на оценки, которые в этой войне, как и во всех войнах, значительно разнятся. В интересах бывших врагов превозносить преступления другой стороны. Однако отдельные жертвы и их семьи часто предпочитают хранить молчание.

В любом случае невозможно выделить инциденты, которые по сегодняшним стандартам считались бы сексуализацией или сексуальной агрессией.—²⁰—В 1945 и последующие годы изнасилование определялось только как прямое физическое подавление сопротивления женщины (в некоторых случаях под дулом пистолета) с вагинальным проникновением и убедительным сопротивлением жертвы, исключая все другие формы сексуальной агрессии. Женщины, имеющие хоть

малейшую репутацию легкого поведения, как правило, не признавались жертвами изнасилования, а "невинным" девушкам и добропорядочным женам верили охотнее, чем молодым незамужним женщинам.

Трудность оценки количества хорошо иллюстрируется различиями в оценках. Одни называют 11 000 изнасилований, совершенных американцами (Дж. Роберт Лилли); другие говорят о 2 миллионах, совершенных советскими войсками (Хельке Зандер), или о 2-2,5 миллионах во время бегства и высылки (Ингеборг Якобс).²¹ Даже когда происходили инциденты, в обращении были разные цифры. Только во время битвы за Берлин было изнасиловано от 20 000 до 100 000 женщин.²² Одна из очевидцев, боец сопротивления Рут Андреас-Фридрих, была настолько ошеломлена увиденными актами агрессии, что посчитала, что каждая вторая женщина в Берлине стала жертвой. Врачи, лечившие жертв, также отмечали большое количество жертв, особенно в Берлине, где события развивались особенно бурно и где слухи распространялись как лесной пожар из-за паники, навеянной Красной армией.

На мой взгляд, наиболее серьезную оценку можно получить, изучив количество "оккупационных детей", отцом которых являются оккупационные солдаты. При этом я сочетаю два подхода. Один основан на предположении, что около 5 процентов детей оккупационных солдат были зачаты в результате акта агрессии. Другой основан на предположении, что одно из десяти изнасилований приводило к беременности, и что из этих беременностей одна из десяти донашивалась до срока.²³ Очевидно, что оба предположения оставляют много

возможностей для ошибки. Частота изнасилований была выше среди беженцев в бегах, а количество аборт ниже в сельских регионах. Официальное число изнасилованных детей также является приблизительным, поскольку не все матери признают, что их дети были зачаты таким образом, а другие заявляют об изнасиловании в случае секса по обоюдному согласию. Кроме того, многие дети умирают, особенно когда их матери находятся в полете, и поэтому никогда не регистрируются. В эти цифры не включены также жертвы изнасилования, которые были слишком молоды или слишком стары, чтобы забеременеть. Есть много сообщений об изнасилованиях детей дошкольного возраста, например, десятилетней девочки в Китцингене летом 1946 года, которая подверглась сексуальному насилию со стороны американского солдата.²⁴ Представление о том, что изнасилованиям подвергались в основном женщины детородного возраста, также является заблуждением.

Теперь к моим оценкам: согласно информации Федерального статистического управления от 10 октября 1956 года, в Федеративной Республике, включая Западный Берлин, на попечении находилось 68 000 незаконнорожденных оккупационных детей. Эта цифра известна благодаря многочисленным опросам, которые проводились. Одна из причин, по которой была получена эта статистика, - использование в качестве аргумента в политических дискуссиях, не только в связи с финансовыми компенсациями женщинам с нежелательной беременностью, но и в качестве своего рода морального *quid pro quo*. Вопрос о том, можно ли считать нежелательную беременность "ущербом профессии",

обсуждался более десяти лет, как публично, так и в парламенте. Эти дискуссии, к которым я еще вернусь, до сих пор совершенно не изучены.

Из 68 000 незаконнорожденных оккупационных детей на Западе 55% были отцами американцев, 15% - французов, 13% - британцев, 5% - советских граждан, 3% - бельгийцев и 10% - других национальностей. По словам матерей, 3 200 детей были результатом изнасилования.^{[25](#)} Это примерно 5 процентов. Такая же пропорция характерна и для отдельных федеральных земель.^{[26](#)}

Это еще не базовая цифра для подсчета количества изнасилований. Она не включает детей, чьи матери были замужем за немцами, но забеременели от военнослужащего оккупационной армии - другими словами, детей от изнасилования в существующем браке, которые были узаконены мужем. Если данные американского маршала-провокаatora по изнасилованиям в период с марта по сентябрь 1945 года верны, то четверть жертв были замужем.^{[27](#)} Это добавило бы к общему числу 1100 детей. Эта цифра также не учитывает детей, находящихся под личной, а не государственной опекой, которую я игнорирую в своих расчетах.

Согласно этим подсчетам, у нас насчитывается около 4 300 "детей-насильников". Однако это только цифры по западу и будущей Федеративной Республике Германии. Что касается советской зоны и будущей Германской Демократической Республики, мы можем только предполагать. Поскольку в 1950 году в ГДР проживала треть беженцев и перемещенных лиц из бывших восточных территорий Германии, пострадавших от

изнасилований, и поскольку случаи изнасилования в период советской оккупации и в будущей ГДР были частыми, я предполагаю, что там имело место по крайней мере такое же количество случаев, что дает нам в общей сложности 8 600 детей. Экстраполируя в 100 раз, мы получаем в общей сложности 860 000 жертв изнасилования. Эта цифра относится к женщинам, которые в 1955 году считались гражданами Германии и были изнасилованы солдатами или другими военнослужащими союзных армий во время бегства, на последнем этапе боевых действий или во время оккупации до 1955 года. Поскольку многие женщины были изнасилованы более одного раза, общее число случаев гораздо выше.

Моя оценка занижена. В последнем исследовании по истории Германии в двадцатом веке число изнасилований на всей территории Рейха только Красной армией оценивается в 1 миллион, хотя и без новых подсчетов.^{[28](#)} Стандартная работа Нормана М. Наймарка *"Русские в Германии"* и рабочая группа Хельке Зандер предполагают до 2 миллионов жертв Красной армии.^{[29](#)} Американский криминолог Дж. Роберт Лилли, который говорит лишь об 11 000 изнасилований в армии США, берет за основу данные по американским военным судам и умножает их в 20 раз, исходя из того, что только 5% случаев привели к уголовному преследованию.^{[30](#)} Эта 5-процентная квота распространяется и на изнасилования после высадки американцев в Великобритании и Франции, что кажется высоким показателем по сравнению с Германией, где было меньше угрызений совести и не было организованного уголовного преследования во время оккупации вражеской страны. Лилли также приводит данные только за период до

сентября 1945 года. Если экстраполировать его выводы, то расхождение между его оценкой числа американских преступников и моей на самом деле довольно незначительно.

Хельке Зандер, которая была первой, кто систематически изучал тему массовых изнасилований Красной армией, придерживается гораздо более широкого взгляда. С помощью демографа Герхарда Райхлинга в 1990-х годах она подсчитала, что число изнасилований только в Берлине составило 110 000, а еще 1,9 миллиона - в советской оккупационной зоне, на бывших восточных территориях Германии, а также во время бегства и высылки. Таким образом, 2 миллиона немецких женщин стали жертвами изнасилования советскими войсками в ходе войны.^{[31](#)}Поскольку цифры Зандер и Райхлинг долгое время оставались первой и единственной оценкой, это предположение с тех пор принимается как факт. Его постоянно цитируют, обычно сопровождая комментарием о том, что точные цифры недоступны.^{[32](#)}

Рабочая группа Хельке Зандер, в которую входили Ингрид Шмидт-Харцбах, Барбара Йор и Герхард Райхлинг, основывала свои расчеты на следующих предположениях: 20 процентов изнасилованных женщин забеременели, из них 90 процентов сделали аборт, и около 5 процентов детей, родившихся в Берлине в период с конца 1945 года по лето 1946 года, были отцами русских. Исходя из этого, полученного путем случайной выборки в берлинских больницах и взяв за основу цифру в 1,4 миллиона женщин, проживавших в Берлине в то время, он определил, что около 110 000 женщин, или 7 процентов, были изнасилованы солдатами Красной Армии в начале лета и осенью 1945 года.^{[33](#)}Из них 10 000 умерли или серьезно

заболели гонореей - которая часто делала их бесплодными - или сифилисом.

Одно кажущееся несоответствие по сравнению с моими оценками - это показатель беременности в результате изнасилования. Более поздние исследования показали, что в США, где доступны контрацептивы и утренние послеродовые таблетки, 5% изнасилований молодых женщин приводят к беременности, в то время как в таких странах, как Мексика или Эфиопия, где эти методы контрацепции и возможность аборта менее доступны, этот показатель составляет около 17%. Таким образом, этот показатель коррелирует с контрацепцией и возрастом жертв (а также с количеством изнасилований на одну женщину). Поскольку в 1945 году таблеток не было, и преступники вряд ли пользовались контрацептивами, а также поскольку изнасилованиям подвергались многие бесплодные девушки и женщины, я принял общепринятый средний коэффициент зачатия в 10 процентов, что делает мою оценку общего числа изнасилований выше, чем у Сандера.

Однако основное различие между оценкой Сандера и моей оценкой заключается в базовом количестве изнасилованных детей. Оценки Зандера основаны на случайных выборках всего лишь из двух берлинских больниц, причем неизвестно, были ли они репрезентативными, или там лечились только определенные случаи изнасилованных женщин. Я бы рискнул предположить, что эти пациентки, скорее всего, были женщинами, с которыми жестоко обращались, которые получили травмы или заразились венерическим заболеванием, или у которых после изнасилования прекратилась менструация. Даже в таком большом городе, как Берлин, в то

время обращение в больницу отнюдь не было само собой разумеющимся.

Герхард Райхлинг оценивает несколько более высокую квоту изнасилований в 7,5% для немецких беженцев, перемещенных лиц, депортированных и жителей, оставшихся на Востоке. Он утверждает, что их насиловали чаще, потому что у них было меньше защиты за пределами городов. Исходя из этого предположения, он приходит к общему числу в 1,9 миллиона изнасилований.³⁴ Очевидная проблема и здесь заключается в том, что Райхлинг, в отличие от нас сегодня, не имел официальных данных о количестве оккупационных и изнасилованных детей. Более того, его предположение о том, что на Востоке изнасилования происходили чаще, чем в Берлине, где женщины также не имели достаточной защиты в разбомбленных домах, является сомнительным. Прежде всего, экстраполяция на основе фиксированного показателя имеет тот недостаток, что она не отражает динамику войны и бегства. Военная ситуация означала, что разное количество солдат находилось в движении в разное время и в разном психическом и материальном состоянии.

На мой взгляд, чрезмерные фигуры в проекте Хельке Сандер, Барбары Йор и Герхарда Райхлинга обусловлены все еще существующим скрытым предубеждением в конфликте между Востоком и Западом и импульсом первоначального разоблачения и скандала вокруг массового изнасилования немецких женщин. На подход Сандера в начале 1990-х годов, в частности, все еще оказывала непосредственное влияние феминистская борьба против сексуальной агрессии со стороны мужчин, которая с середины 1970-х годов дала большой толчок

движению. До Сандер никто не занимался систематическим исследованием этой темы. За это она заслуживает признания. Тем не менее, я считаю свою оценку в 860 000 жертв изнасилования более реалистичной - еще раз указывая, однако, что речь идет только о случаях вагинального проникновения. В отсутствие данных и исходных материалов другие формы сексуальной агрессии, включая действия, совершенные в отношении мужчин-жертв, не могут быть включены.

Я не могу даже предположить, какой относительный вес следует придать отдельным оккупационным армиям. Тем не менее, я хотел бы упомянуть об одном способе оценки этого соотношения. Если мы примем 5-процентную квоту для американской оккупационной зоны, то получим около 5 000 детей-насильников среди 37 000 детей оккупантов. Это означает, что около 190 000 женщин, проживавших в Федеративной Республике, были изнасилованы американцами, 50 000 - французами, 45 000 - британцами, 15 000 - советскими и 10 000 - бельгийскими оккупантами. Эта оценка была бы хоть сколько-нибудь точной только в том случае, если бы 5-процентная квота применялась одинаково ко всем оккупационным армиям.

Трудности с оценкой числа жертв неоспоримы. Преступления не могли быть зарегистрированы и расследованы немецкими властями в то время. Поэтому мне пришлось обойтись приблизительными оценками. Понятно, что надежность предложенных мною цифр может быть поставлена под сомнение. Однако меня иногда критикуют за то, что я основываю свои цифры "только" на сообщениях самих жертв. Именно слово "только" меня настораживает. Конечно, иногда

могли быть и ложные обвинения. Но это фундаментальное подозрение является не только еще одной формой неуважения к жертвам и их страданиям, но и отражением старой патриархальной идеи о том, что слова жертв изнасилования в принципе должны подвергаться сомнению.

Данная книга отвечает на эту критику, подробно описывая непреодолимые барьеры, с которыми сталкивались жертвы, когда пытались рассказать о совершенном над ними насилии: их собственное чувство стыда, моральные ценности общества и страх перед тем, как могут отреагировать их мужья и семьи. Если женщина родила ребенка, она должна была решить дилемму: говорить правду или молчать и защищать благополучие своего ребенка. Многие женщины предпочитали не рассказывать своим детям о том, как они были зачаты. Женщины, которые решались рассказать о насилии, сталкивались с серьезными социальными последствиями. Жертв изнасилования обычно подозревали в том, что они сами спровоцировали половой акт или даже желали его, особенно если нападавший был белым западным солдатом. Понятно, что жертвы обычно не хотели рисковать, чтобы их честь и достоинство были оскорблены еще раз. Учитывая тот факт, что жертвы изнасилований очень часто вынуждены были молчать десятилетиями, потому что знали, что им никто не поверит, я не могу согласиться с критикой, что заявления и отчеты были "только" заявлениями жертв.

СЕКСУАЛЬНАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ МУЖЧИН

Сексуальная агрессия против мальчиков и мужчин также отсутствует в моих расчетах из-за отсутствия данных. Тот факт, что в военное время насилуют не только девочек и женщин,

легко упускается из виду. Редко изучается сексуальная агрессия против мужчин, за редкими исключениями, такими как война в Бангладеш в 1971 году между западнопакистанскими группами и бенгальскими мусульманами, или недавние тревожные кадры тюрьмы Абу-Грейб в Ираке, где женщины-солдаты также были вовлечены в жестокое обращение и сексуальную агрессию.

Сексуальные нападения на мужчин преуменьшаются или переосмысливаются самими жертвами чаще, чем нападения на женщин. В послевоенной Германии агрессия против "беззащитных" женщин могла быть использована в политических целях, в то время как мужчины-жертвы сексуальной агрессии не вписывались в бинарные патриархальные рамки героических мужчин и пассивных женщин-жертв.^{[35](#)} Отдельные упоминания об изнасиловании мужчин и мальчиков все же можно найти в источниках, и они поразительны. Биограф актера Хорста Бухгольца, например, рассказывает, что, когда двенадцатилетний Бухголец летел из Силезии в Берлин, он попал в лагерь Красного Креста под Магдебургом, где ему пришлось вместе с другими мальчиками собирать лук. Один из надсмотрщиков, как говорят, несколько раз непристойно приставал к ним.^{[36](#)}

19 июня 1946 года Министерство внутренних дел земли сообщило о надругательстве над двумя мальчиками со стороны двух американских солдат в Верхней Франконии. Солдаты заставили тринадцатилетних подростков заниматься оральным сексом. В документах преступление было указано как "сексуальное преступление с детьми", а не как "изнасилование".^{[37](#)}

Взрослые мужчины также становились жертвами. 48-летний дантист из Бад Киссингена был приглашен четырьмя американскими солдатами в ночь с 4 на 5 декабря 1951 года выпить с ними шнапса. Затем они предложили отвезти его домой. По дороге они остановились, чтобы облегчиться. Стоматолог А. П. также вышел из машины. Один из солдат схватил его за голову и со словами "Du leck!" ("Соси меня!") заставил опуститься. Второй солдат попытался сделать то же самое. А. П. боролся и был избит. С кровоточащей головой он прошел 2 километра до соседней деревни. Начальник полиции, который передал дело в региональные власти Нижней Франконии, завершил свой отчет явным замечанием, что о жертве не было известно ничего плохого (имеется в виду гомосексуальность) и что его показания заслуживают доверия.

[38.](#)

В ходе моих исследований в Государственном архиве Фрайбурга я обнаружил особенно тревожный случай, когда жертвой изнасилования стал еще один мужчина. В. Х., сапожник из Хаслаха, сделал следующее заявление в Налоговое управление Фрайбурга в феврале 1960 года, через пятнадцать лет после случившегося. [39](#) Летом 1945 года он посетил марокканскую казарму вместе с другом, который знал некоторых колониальных солдат. Пока он разговаривал с солдатами, один из них уговорил его войти в боковую комнату, запер дверь, взял его за горло, стянул брюки и изнасиловал. Поскольку у него не было физических повреждений, он рассказал об этом только своему другу, но не родителям или сестре, "потому что мне было стыдно", как он написал. Причина, по которой он все-таки рассказал об этом, пятнадцать

лет спустя, и потребовал компенсации, заключалась в том, что теперь у него "сифилис третьей степени (церебральный паралич)".

Налоговое управление, которое могло одобрить компенсацию только при наличии свидетелей или других доказательств, попыталось найти друга, который сейчас живет в Северной Америке, и получило следующее письменное подтверждение этой истории: "В. не мог защитить себя, потому что был абсолютно не готов к нападению, а марокканец был в три раза сильнее его и угрожал ему ножом, когда он пытался сопротивляться. В. показал мне синяки и царапины на руках и шее". Друг также объяснил, почему жертва не сообщила о случившемся раньше:

Во-первых, пятнадцатилетний подросток, выросший под влиянием Третьего рейха, ничего не знал о гомосексуализме и венерических заболеваниях - темах, которые не преподавались в школе. Во-вторых, ему было стыдно сообщить об этом родителям, потому что он просто не знал о риске заражения. В-третьих, он не мог обратиться за помощью в немецкую полицию, потому что в те хаотичные времена в нашем городе было всего несколько полицейских, и они не имели никакой власти над оккупационными войсками.

Как и в большинстве других случаев, требование о компенсации было отклонено из-за отсутствия доказательств.

Эти примеры ничего не говорят нам о том, насколько часто мужчины становились жертвами сексуальной агрессии в послевоенный период. Тем не менее, бесспорно, что среди мужчин были жертвы таких нападений, и что они чрезвычайно страдали в результате.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О МЕТОДЕ

Исследование массовых изнасилований немецких женщин началось слишком поздно для использования методов устной истории - другими словами, систематической оценки интервью очевидцев. Но, помимо биологических причин и значительных проблем критического анализа биографических воспоминаний, которые настолько далеки в прошлом, что были многократно пересмотрены и переработаны средствами массовой информации, у меня есть еще одна причина не опрашивать жертв. Поскольку современные психологические данные говорят нам о том, что воспоминания о подобных событиях могут привести к новой травме, я полагал, что в данном конкретном случае метод интервью был бы слишком рискованным.

Эта тема требует осторожного подхода к источникам и по другой причине. Официальных записей об этих сексуальных агрессиях неизбежно мало. У немецких властей не было рычагов воздействия, а военные власти, насколько это было возможно, не информировались, поскольку эти действия были строго запрещены и в некоторых случаях сурово наказывались, вплоть до смертной казни. Когда такие инциденты все же доводились до сведения военных властей, судебные разбирательства следовали собственным корыстным правилам, которые не всегда отвечали интересам жертв, как мы увидим позже. Поэтому материалы военных судов имеют ограниченную ценность как источники. Описания самих преступников встречаются редко и в любом случае весьма тенденциозны.

Опыт жертв, которые здесь находятся в центре внимания, также не был изучен удовлетворительно. Было опубликовано несколько свидетельств, исключительно из советской оккупационной зоны. Не случайно, что единственные личные свидетельства относятся к Востоку. Их описания были логическим продолжением геббельсовских ужастиков о неполноценности Советов и использовали те же стереотипы. Кроме того, они прочно закрепились в послевоенном сознании как примеры опыта бегства и изгнания и акцента на военных преступлениях противника. В частности, это относится к часто цитируемому сборнику рассказов беженцев, составленному Федеральным министерством по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны в 1950-х годах. Одно только использование слова "враг" свидетельствует об отсутствии объективности этих документов.

Чтобы найти личные свидетельства женщин (или мужчин), изнасилованных западными союзниками, мы полагаемся на случайные находки в архивах дневников и заявления жертв о компенсации.⁴⁰ К этим и всем другим личным свидетельствам также нужно относиться с осторожностью, поскольку они часто писались с целью оправдания и были окрашены повествовательными условностями того времени. Особенно непрозрачную форму личных показаний можно найти в заявлениях женщин, желающих сделать аборт, в Департамент здравоохранения в Нойкёльне. Они были написаны так, чтобы иметь наилучшие шансы быть принятыми властями и врачами, и поэтому не могут считаться подлинными голосами женщин. То же самое относится и к заявлениям женщин о компенсации после беременности в результате изнасилования; они также

составлены в соответствии с предполагаемыми ценностями соответствующих органов власти, чтобы увеличить шансы на их принятие.

Точка зрения политиков, священнослужителей и работников органов власти, полицейских, военных судей, психиатров и врачей не более надежна. Все они - мужчины, которые не только были подвержены ограничениям и политическим приоритетам, но и находились под влиянием представлений о морали, гендерных ролях и особенностях того времени.

Фрагментарные и ненадежные источники являются препятствием для научного спроса на всеобъемлющую документацию и заставляют нас самостоятельно заполнять пробелы. Мы можем лишь попытаться сделать из необходимости достоинство и использовать недостатки источников в положительную сторону. Для периода изгнания и бегства существуют печатные автобиографические свидетельства, которые также дают нам представление о том, как жертвы справлялись со своей ситуацией; для жертв, изнасилованных американцами, мы располагаем в основном только документами третьих лиц - священнослужителей и политических представителей, которые, помимо самих инцидентов, также дают нам представление о социальных ценностях того времени, особенно в отношении одиноких женщин, иностранцев и социально незащищенных слоев населения. Что касается женщин, изнасилованных французами, то заявления женщин, которые в результате забеременели, являются красноречивым свидетельством, но также демонстрируют отсутствие сочувствия со стороны властей юго-западной Германии в 1950-х и 1960-х годах. Мы

располагаем лишь несколькими единичными случаями, касающимися британцев, которые, тем не менее, подтверждают общую картину.

Мы также должны помнить о том, в какой степени первоначальные исследования были подвержены влиянию этих методологических непреодолимых факторов. Предвзятое отношение к этим жертвам изнасилования существует и сегодня, не в последнюю очередь из-за некритичного и менее чем тщательного рассмотрения источников. Более подробно об этом будет рассказано в последней главе книги.

Примечания

1. Rudolf Albart, *Die letzten und die ersten Tage: Bamberg's Kriegstagebuch 1944/46* (Bamberg 1953), p. 91.
2. Dieter Hildebrandt and Felix Kuballa (eds.), *Mein Kriegsende: Erinnerungen an die Stunde Null* (Berlin 2012), p. 221.
3. Тема сексуальной агрессии немецкого вермахта в последние годы изучается все больше и больше. Одна из последних статей - Regina Mühlhäuser, "Eine Frage der Ehre: Anmerkungen zur Sexualität deutscher Soldaten während des Zweiten Weltkriegs", in: Wolfgang Bialas and Lothar Fritze (eds.), *Ideologie und Moral im Nationalsozialismus* (Göttingen 2014), pp. 153-74.
4. На бывшем местном кладбище в Нойкёльне спрятан мемориальный камень с надписью: "Против войны и насилия. В память о жертвах изгнания, депортации, изнасилования и рабского труда. Невинные дети и матери, женщины и молодые девушки. Их страдания в суматохе

Второй мировой войны не должны быть забыты, чтобы предотвратить страдания в будущем". Информация о феминистской организации по защите прав женщин на сайте www.medicamondiale.org.

5. Франк Бисс, "Моральная паника в послевоенной Германии: Похищение молодых немцев в Иностранный легион и французский колониализм в 1950-х годах", в: *Journal of Modern History* 84, 4 (2012), 789-832.
6. Walter Ziegler, 'Bayern im Übergang: Vom Kriegsende zur Besatzung 1945', in: Peter Pfister (ed.), *Das Ende des Zweiten Weltkriegs im Erzbistum München und Freising* (Regensburg 2005), pp. 33-104, здесь p. 102.
7. Robert G. Moeller, 'Deutsche Opfer, Opfer der Deutschen: Kriegsgefangene, Vertriebene, NS-Verfolgte - Opferausgleich also Indentitätspolitik', in: Klaus Naumann (ed.), *Nachkrieg in Deutschland* (Hamburg 2001), pp. 29-58, здесь p. 32.
8. Biess, 'Moral Panic', pp. 792-3.
9. См. Ruth Seifert, 'Krieg und Vergewaltigung: Ansätze zu einer Analyse', Working Paper (Munich 1993), p. 19.
10. Ранний интерес к поколению мужчин без отца был проявлен на конгрессе в апреле 2005 года во Франкфурте. См. Lu Seegers, 'Die Generation der Kriegskinder und ihre Botschaft für Europa sechzig Jahre nach Kriegsende', in: *H-Soz-u-Kult*, 1 мая 2005 года. Затем последовали другие исследования с мужской точки зрения, например, Hermann Schulz, Harmut Radebold и Jürgen Reulecke, *Söhne ohne Väter: Erfahrungen der Kriegsgeneration* (Берлин 2004). На обложке

изображен мальчик нацистской эпохи с моделью аэроплана в руке и фигурой матери на заднем плане.

11. Буркхард Асмусс (ред.), 1945 - *Der Krieg und seine Folgen*, книга, сопровождающая выставку "Kriegsende und Vergangenheitspolitik in Deutschland" (Берлин 2005).
12. Исследовательская группа под руководством Филиппа Куверта изучала психотравматические последствия, прежде всего у жертв изнасилования солдатами Красной армии. Результаты исследования опубликованы в книге Svenja Eichhorn and Philipp Kuwert, *Das Geheimnis unserer Grossmütter: Eine empirische Studie über sexualisierte Kriegsgewalt um 1945* (Giessen 2011).
13. Оккупационный статут действовал с сентября 1949 года до Парижских соглашений мая 1955 года и определял юридические полномочия и обязанности западных держав в Федеративной Республике. Права союзников не прекращались до воссоединения и договора "Два плюс четыре" от марта 1991 года, который восстановил полный суверенитет Федеративной Республики.
14. См. не просмотренные мной архивные материалы в Государственном архиве Гамбурга под № 354-5 II (Jugendbehörde II) № 240 Uneheliche Kinder von Besatzungssoldaten; 354-5 II (Jugendbehörde II) № 239 Vormundschaft für Kinder aus Vergewaltigungen durch Angehörige der Besatzungsmächte; 131-1 II (Senatskanzlei) №. 2810 Übergriffe von Angehörigen der Besatzungsmächte 1946-1965; 131-11 (Personalamt) no. 1697 Schadensersatzansprüche gegen die Besatzungsmacht 1946-

1952; 131-5 (Senatskanzlei - Verwaltungsbeschwerden) no. 234 Besatzungsschäden durch Straftaten britischer Soldaten 1949; 132-5/11 (Hamburgische Vertretung beim Bund in Bonn) no. A391 Unterhaltsverpflichtungen für uneheliche Kinder von Besatzungsangehörigen 1950-1953.

15. В 1946 году в американской и советской оккупированных зонах проживало 17,2 миллиона граждан, в британской - 22 миллиона, во французской - 5 миллионов.

16. Willy Klapproth, *Kriegschronik 1945 der Stadt Soltau und Umgebung, mit Beiträgen zur Kriegsgeschichte 1945 der Süd- und Mittelheide* (Soltau 1955), p. 205.

17. Клайв Эмсли, *"Паяц, моряк, нищий, вор: Преступность и британские вооруженные силы с 1914 года* (Оксфорд 2013), стр. 128-30, 131.

18. Об изменении роли армии США см. Hans Joachim Harder, 'Guarantors of Peace and Freedom: Силы США в Германии, 1945-1990 гг: Thomas Maulucci and Detlev Junker (eds.), *GIs in Germany: The Social, Economic, Cultural, and Political History of the American Military Presence* (Cambridge 2013), pp. 37-54. Об уровне преступности среди военнослужащих GI см. Gerhard Fürmetz, "Insolent Occupiers, Aggressive Protectors", in: Maulucci and Junker (eds.), *GIs in Germany*, pp. 189-211.

19. Райнер Шульце, 'Сложный период: Отношения между британским военным правительством и немецким населением и их влияние на конституцию демократического общества", в: Alan Bance (ed.), *The Cultural Legacy of the British Occupation in Germany: The London Symposium* (Stuttgart 1997), pp. 67-109.

- [20.](#) Я сохраняю термин "сексуальная агрессия". Все другие формы "сексуализированной агрессии" в то время не воспринимались как таковые. По политическим причинам я также считаю, что понятное повседневное выражение более важно, чем академически дифференцированная объективизация, которая может привести к исключению соответствующих людей.
- [21.](#) Цифры по Австрии также значительно колеблются. Согласно современным источникам, в Вене было от 70 000 до 100 000 случаев; см. Barbara Stelzl-Marx, *Stalins Soldaten in Österreich: Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945-1955* (Вена 2012), p. 411.
- [22.](#) По свидетельству очевидца Корнелиуса Райана, *Последняя битва* (Лондон 1966).
- [23.](#) Уровень беременности после изнасилования в настоящее время составляет 5% в США и около 15% в Мексике, см. Susanne Heynen, 'Erzwungene Schwangerschaft und Mutterschaft durch eine Vergewaltigung', in: *Kindesmisshandlung und -vernachlässigung (DGgKV)* 6, № 1/2 (2003), pp. 98-125. Барбара Йор исходит из 20-процентного показателя беременности после изнасилования. По моему мнению, эту высокую цифру она получила из больничных записей. Однако неясно, какие женщины посещали клиники в то время после изнасилования. Я считаю, что это были, прежде всего, женщины, которые боялись, что они должны быть беременны. Хельке Сандер и Барбара Йор также предполагают, что уровень абортов составляет 90 процентов, см. Barbar Johr, 'Die Ereignisse in Zahlen', in: Helke

Sander and Barbara Johr (eds.), *BeFreier und Befreite: Krieg, Vergewaltigungen, Kinder* (Munich 1992), pp. 46-73.

- [24.](#) Bayerisches Hauptstaatsarchiv (BayHStA) MInn 80207 betreff Besatzungsmacht, Ereignisse und Sicherheitsstörungen, Bericht des Landeserkennungsamt Bayern от 28 июня 1946 года.
- [25.](#) Бундесархив (ВА) Кобленц В/126/28038.
- [26.](#) Там же, В 153/342.
- [27.](#) Национальный архив, Штаб-квартира XX корпуса, Офис Провостмаршала, Ответ на вопросы об изнасиловании, файл No. 70, 5 June 1945: Изнасилование немецких женщин американскими солдатами (National Archives ID 6081861).
- [28.](#) Ulrich Herbert, *Geschichte Deutschlands im 20. Jahrhundert* (Munich 2014), p. 534, со ссылкой на Regina Mühlhäuser, 'Vergewaltigungen in Deutschland: Nationaler Opferdiskurs und individuelles Erinnern betroffener Frauen', in: Naumann, *Nachkrieg in Deutschland*, pp. 384-408, который в свою очередь основан на данных Хельке Зандер и Ингрид Шмидт-Харцбах. Высокая цифра для Австрии основана на неясной формуле, согласно которой на каждого оккупационного солдата приходилось в среднем два изнасилования. Барбара Штельцль-Маркс упоминает это эмпирическое правило, не уточняя, относится ли оно ко всем оккупационным армиям или только к советским; см. Stelzl-Marx, *Stalins Soldaten in Österreich*, p. 411.
- [29.](#) Norman M. Naimark, *Die Russen in Deutschland: Die sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949* (Berlin 1997), p. 170.

- [30.](#) Дж. Роберт Лилли, *Взятые силой: Rape and American GIs in Europe during World War II* (Chirpenham 2007, впервые опубликована на французском языке в 2003 году).
- [31.](#) Johr, 'Die Ereignisse in Zahlen', p. 72, fn. 2.
- [32.](#) См. Norman M. Naimark, 'The Russians and Germans: Изнасилование во время войны и постсоветские воспоминания', в: Raphaëlle Branche and Fabrice Virgili (eds.), *Rape in Wartime: A History to Be Written* (= Genders and Sexualities in History) (Basingstoke 2012), pp. 201-19.
- [33.](#) Возможно, что за основу ошибочно было взято все женское население.
- [34.](#) Johr, 'Die Ereignisse in Zahlen', pp. 58-65.
- [35.](#) Бранш и Вирджил (ред.), *Изнасилование в военное время*.
- [36.](#) Werner Sudendorf, *Verführung und Rebell: Horst Buchholz, Die Biografie* (Berlin 2013), p. 23.
- [37.](#) Landeserkennungsamt Bayern, 19 июня 1946 года, BayHStA MInn 80207, Bd. 1 betreff Besatzungsmacht, Ereignisse und Sicherheitsstörungen.
- [38.](#) Stadtpolizei Bad Kissingen 7 декабря 1951 года в Regierung von Unterfranken, BayHStA MInn 80208.
- [39.](#) Staatsarchiv Freiburg Einzelfälle D 5/1 11.6.30/5537.
- [40.](#) В Deutscher Tagebucharchiv в Эммендингене хранится несколько десятков источников, которые ждут анализа.

БЕРЛИН И ВОСТОК - ХРОНИКА ПРЕДСКАЗАННОГО БЕДСТВИЯ

Многие люди сознательно думают о том, что они сами видели или что им пришлось совершить, и это нужно сопоставить с тем, что якобы происходит сейчас. Мы сами виноваты, мы заслужили это" - вот то горькое признание, к которому многие приходят с трудом.

Дневник капрала Генриха В., 10 апреля 1945 г. 1

Страх и отчаяние не развились в одночасье. Все постепенно нарастало, пока вдруг не стало невыносимым... После того, как мы пробыли в ничейной земле три недели, прибыли русские, а мы так надеялись, что это будут американцы.

Лизелотта С., в деревне под Магдебургом 2

Это моя тайная, манящая мечта - увидеть Берлин еще хоть раз, почувствовать Берлин не как пылающий город на фронте, а как немного оправившийся после войны гигант, который был опозорен и унижен своими жителями и теперь раболепно склоняется перед иностранцами и открывает свои ворота советским людям, русским воинам, от Бранденбургских ворот до самых окраин города.

Владимир Гельфанд, красноармеец, август 1945 года 3

ВЕЛИКИЙ СТРАХ

В начале 1945 года у большинства немцев были зловещие предчувствия относительно оккупации союзными войсками. Они знали или, по крайней мере, имели представление о том, что немецкие войска делали в других местах, и боялись возмездия. Новости в конце войны стали скудными и никогда не были объективными, газет не было вообще, поэтому они полагались на военные сводки и слухи как источники информации о том, что их ожидает. Все, что население слышало *до тошноты*, была военная пропаганда, содержащая страшные истории о наступающих вражеских войсках. В листовках сообщалось, что "убийственный большевистский сброд" будет "осквернять" и "убивать" женщин и девочек, если немецкие солдаты не отбросят их назад в последнем усилии. 4.

Когда Красная Армия неумолимо продвигалась через Силезию и Восточную Пруссию к Берлину, Гитлер сам сказал своему гауляйтеру 24 февраля 1945 года:

То, что выпало на долю наших женщин, детей и мужчин от рук этой еврейской язвы, - самая жестокая участь, которую только может представить себе человеческий разум. Есть только один способ ответить на этот еврейско-большевистский геноцид и его западноевропейских и американских повелителей: с максимальным фанатизмом и непреклонной решимостью собрать последние силы, которые милосердный Бог позволяет людям найти в то время, когда их жизнь поставлена на карту. Те, кто слабеет и не выдерживает, должны и будут идти ко дну.

5

Нацистская пропаганда в течение многих лет была наполнена предупреждениями о свирепой мести, которую совершит враг, особенно о так называемой "еврейской" мести, часто приравниваемой к "большевистской" угрозе. В своем дневнике летом 1941 года министр пропаганды Геббельс записал слова своего фюрера, относящиеся к планируемому нападению на Советский Союз: "В любом случае нам предстоит ответить за многое, и мы должны победить, потому что иначе вся наша нация, с нами во главе, будет уничтожена вместе со всем, что нам дорого. Так что за работу!"⁶ Неоднократно распространялось мнение Гитлера о том, что если Германия проиграет войну, то погибнет и немецкий народ, начиная с женщин.

Когда война вступила в завершающую фазу и войска союзников ступили на немецкую землю, во многих регионах до последнего момента не было ясно, какая из держав-победительниц станет новыми оккупантами. Ходили разные слухи, но одно было очевидно: первые столкновения будут происходить между молодыми солдатами союзников, с одной стороны, и немецкими женщинами и детьми, стариками и непригодными к службе людьми - с другой. Среди немецкого населения, ожидавшего прибытия союзных войск, 60 процентов составляли женщины и дети, мужчины моложе шестнадцати и старше сорока лет. 7.

Страхи то усиливались, то ослабевали в зависимости от военной ситуации. Настроение улучшалось, если ожидалось британские или американские войска. 10 апреля капеллан Освальд Кульманн из Кляйнбартлоффа в Тюрингии радовался: "Американцы идут! Волнение, но без паники; волнение

колеблется между страхом и радостью, но больше склоняется к радости". В июне он писал: "Скоро придут русские. Им предшествуют слухи о зверствах, наполняющие население новым страхом". Тридцать жителей бежали - и, как оказалось, не зря. В конце июня американцы передали Кляйнбартлофф советским войскам, а в начале июля появились сообщения о том, что девять русских и поляков ворвались на ферму в Обер-Оршеле и изнасиловали живших там женщин. 8.

Советские солдаты внушали немцам наибольший страх. Их считали непредсказуемыми и настолько жестокими, что они не останавливались перед растлением детей, стариков, монахинь и даже своих соотечественников, например, советских женщин, работавших в качестве рабынь. Наибольший страх внушали "монголы" или "азиаты", солдаты из восточных регионов Советского Союза. За ними следовали французы, особенно темнокожие колониальные войска из Алжира, Туниса и Марокко, которые пользовались дурной славой, напоминая настроение после Первой мировой войны и "черный позор" на Рейне. 9 Среди американцев черные или "негры" внушали страх и ужас задолго до их прибытия. Чем темнее была кожа и чем незнакомее физиономия, тем более угрожающими казались солдаты. Эти расовые предрассудки особенно распространялись на африканцев и монголов, которые слыли жестокими насильниками и вообще считались нецивилизованными людьми с неконтролируемыми влечениями.

На почве расовых предрассудков и пропаганды, рассказы и слухи о зверствах, совершенных немецкими войсками на Востоке, еще больше усиливали страхи среди гражданского

населения. Больше всего люди боялись, что Красная Армия в ответ совершит аналогичные зверства. Это побуждало людей на Востоке бросать дома и жилища, скот и большую часть своего имущества, чтобы спастись от приближающихся Советов. Но и в Берлине, и везде, куда приближались русские, нацистская пропаганда и страх перед коммунизмом привели к тому, что призрак кровожадных советских зверей, азиатских орд и русских варваров распространился как лесной пожар.

Уже внешний вид этих иностранцев вызывал беспокойство. Оккупанты прибыли со всех концов Советского Союза и говорили на стольких языках и диалектах, что даже офицеры иногда испытывали трудности в общении со своими подразделениями. Это были русские, белорусы, украинцы, кавказцы, грузины и казахи, армяне и азербайджанцы, башкиры, молдаване, татары, жители Иркутска, узбеки и многие другие, но в восприятии индоктринированного немецкого общества эта этническая мозаика сводилась к "монголам", "казакам" и "азиатам". Они считались гораздо менее цивилизованными, чем немцы, а также другими врагами Германии. Первое впечатление, как правило, подтверждало это мнение. В отличие от американцев на их грузовиках и джипах, советские прибывали на средствах передвижения, которые не впечатляли: мотоциклах, лошадях, повозках или просто пешком.

Побег через самоубийство

Особенно радикальные последствия этой идеологически разжигаемой паники иллюстрирует история из Хольцендорф-Мюммельдорфа, доселе незначительной деревни на полпути между Брюлем и Кривицем в Мекленбурге. В ней было два

хутора и ферма, принадлежавшая церкви, с озером на западе. Когда 4 мая 1945 года возле деревни были замечены первые солдаты Красной армии и стали распространяться сообщения о том, что некоторые женщины были изнасилованы, трое жителей - пастух Мартин Брюндель из Мюссельдорфа, его тесть Кристиан Кунст и арендатор фермы, принадлежащей церкви, - решили, что их не постигнет та же участь. 6 мая Брюндель повел свою семью к озеру, где перерезал горло сначала своей двенадцатилетней дочери Ханнелоре, а затем жене. Десятилетнего сына Герберта и шестилетнюю дочь Хельгу, которые пытались убежать, удержали бабушка и дедушка.

Отец забил их до смерти дубинкой, а затем утопил двухлетнего Ганса. Затем Кунст забил до смерти свою жену. Эти двое мужчин отказались от своего первоначального плана покончить жизнь самоубийством. Вместо этого они сделали вид, что женщины и дети были жестоко изнасилованы и убиты советскими войсками. На этом дело не закончилось: в тот же день арендатор застрелил свою жену, невестку и себя. После войны Брюндель снова женился и стал членом СЕПГ (коммунистической партии Восточной Германии). Обман был раскрыт только в 1962 году. Брюндель и Кунст признались, что пытались возложить вину за убийства на Советский Союз. Они оба были приговорены к смертной казни.^{[10](#)}

Даже если это особенно резкий пример паники и идеологического заблуждения немцев, есть свидетельства очевидцев, намекающие на масштабные самоубийства, даже на "эпидемию самоубийств".^{[11](#)} Женщины, в частности, совершали самоубийства, чтобы избежать изнасилования и стыда за то, что стали жертвами иностранных солдат. Даже практикующие

христиане были убеждены, что самоубийство предпочтительнее "осквернения" - причем "недочеловеками".¹²

Фюрер и его окружение уже подавали пример самоубийства, опасаясь попасть в руки врага. Среди высокопоставленных нацистов, а также среди населения в целом это приняло масштабы эпидемии. Приближенные к Гитлеру женщины - Ева Браун и Магда Геббельс - были лидерами. Считается, что жена Геббельса сама убила своих шестерых младших детей как единственный почетный конец нацистского режима. Поэтому весьма вероятно, что многие нормальные немцы также покончили с собой, не только из-за страха перед Советами, но и потому, что жизнь без национал-социализма больше не имела для них смысла. К этому добавлялась идея капитуляции и позор, который она представляла, как индивидуально, так и коллективно. В глазах стойких нацистов капитуляция и бегство были самым страшным позором. А что может быть более очевидным символом капитуляции, чем изнасилование солдатом Красной Армии?

Гитлер требовал полного поражения и полного уничтожения Германии. Он считал, что более почетно умереть "солдатской смертью", чем вести переговоры о мире, а тем более капитулировать. Декрет Нерона от 19 марта 1945 года предписывал уничтожить инфраструктуру, полагая, что враг в любом случае будет абсолютно беспощаден. С этой точки зрения, самоубийство было актом не трусости, а самопожертвования, чтобы в последний раз помешать врагу.

Многие женщины носили в сумочках капсулы с цианидом и бритвенные лезвия. В апреле 1945 года количество самоубийств в Берлине достигло пика - 3 881 случай, или 242,7

на 100 000 жителей, что в пять раз больше, чем в предыдущие годы. В 1945 году по всей Германии было официально зарегистрировано 7 057 случаев самоубийств; в действительности эта цифра, вероятно, была выше. В религиозно-католическом регионе Верхняя Бавария в период с апреля по май 1945 года было зарегистрировано 42 случая, в то время как в предыдущие годы - от 3 до 5.^{[13](#)}

В некоторые цифры трудно поверить. Хотя источник сомнителен, документ, сообщающий о бегстве и изгнании из одного померанского города, описывает массовое самоубийство 600 человек в попытке спастись от Красной армии.^{[14](#)} Еще до взятия Берлина около 500 жителей Шёнланке в Померании, как говорят, покончили с собой "из-за страха перед монстрами с Востока". А в Деммине, Западная Померания, от 700 до 1000 человек покончили с собой перед самым приходом Красной армии.^{[15](#)} Только в берлинском районе Панков за три недели было зарегистрировано 215 случаев самоубийств, в основном женщин. Некоторые женщины набивали карманы кирпичами и прыгали в Гавель. Другие стали жертвами групповых самоубийств, будучи убитыми собственными родителями или партнерами.

Неммерсдорф - чертёж того, что должно было произойти в будущем

Резня в Неммерсдорфе была использована в пропагандистских целях, чтобы проиллюстрировать, что ожидает немцев с приходом Красной армии. Это было использовано министром пропаганды Геббельсом для нагнетания страха перед русскими и укрепления решимости населения.

18 октября 1944 года советские войска впервые вступили на территорию Германии и проникли на 60 километров вглубь немецкого рейха по 150-километровому фронту. 21 октября Красная Армия достигла Неммерсдорфа, близ Кенигсберга (ныне Маяковское на территории российского Калининграда), деревни с населением чуть менее 700 человек. Немецкому вермахту удалось вернуть деревню 23 октября. События, произошедшие в течение сорока восьми часов между этими событиями, до сих пор до конца не выяснены. Историки считают, что за эти два дня погибло от девятнадцати до тридцати человек, в том числе тринадцать мирных жителей, оказавшихся между фронтами. Нацистский режим использовал это событие для пропаганды, отправив эмиссаров с докладами о зверствах.

Они утверждали, что семьдесят два человека были убиты, других пытали и распяли на сараях и, самое главное, что все женщины и девочки были изнасилованы. Другой репортер, напротив, рассказал всего о двух случаях изнасилования и двадцати шести убитых выстрелами в затылок. Тем не менее, Неммерсдорф был выбран в качестве сдерживающего примера того, что произойдет в случае поражения немцев.^{[16](#)} В кинохронике показывали ужасающие фотографии, вероятно постановочные, мертвых женщин и детей, у которых были задраны юбки и снято нижнее белье. В последующие месяцы Геббельс сформировал псевдообъективный комитет, состоящий из представителей оккупированных и союзных государств, для расследования преступлений, совершенных Красной армией. Свидетели событий в Неммерсдорфе были запуганы и подверглись давлению.

Резня в Неммерсдорфе использовалась вплоть до послевоенного периода в качестве риторического оружия против "красной угрозы" с Востока. Сообщения или слухи о прибитых к дверям сараев или изнасилованных солдатами Красной Армии жителях деревень были расширены до ужасающих подробностей кастрации и распятия. В какой-то момент даже было заявлено, что среди жертв был только один мужчина, а семьдесят два погибших были почти исключительно женщины и дети. Фотографии, сделанные геббельсовскими пропагандистами, были приняты за чистую монету. Только в 1990-х годах новые свидетельства очевидцев заставили задуматься о преувеличенности этих сообщений. Что на самом деле произошло осенью 1944 года, вероятно, никогда не будет окончательно выяснено.

Надежда и страх

Поэтому в последние месяцы войны, по крайней мере в Берлине и на восточных территориях Германского рейха, преобладающим настроением был страх. Отношение к западным оккупантам было в целом более нейтральным. В последние два года войны основное внимание уделялось предотвращению наступления "красной опасности", и была надежда, что после войны можно будет найти точки соприкосновения, которые существовали ранее с западными союзниками, и, возможно, даже объединиться в противостоянии большевикам.

Многие южные немцы положительно восприняли оккупацию и, учитывая призыв Гитлера к тотальной войне, стремились к миру любой ценой. Даже если в сельских районах Баварии последствия войны переносились гораздо легче, чем в

разбомбленных городах, тем не менее, их жители остро ощущали ситуацию, сложившуюся в последние недели и месяцы. Их собственные рабочие были призваны в вооруженные силы или работали на военную экономику, а отношения с иностранными рабами и военнопленными были, мягко говоря, проблематичными. Кроме того, к эвакуированным из северной Германии и Мюнхена, которые размещались в самых маленьких деревнях, сельское население относилось с большим подозрением из-за их предполагаемого отвращения к работе и мягкого образа жизни (они так поздно ложились спать!). Наряду с потоком беженцев и эвакуированных, который удвоил население некоторых деревень, прибывали разрозненные и недисциплинированные возвращающиеся немецкие солдаты. Сводные суды приговаривали дезертиров к смерти, а мужчины, зачисленные в фольксштурм, рыли окопы и реквизировали комнаты в частных домах. Нацистские функционеры, в основном члены СС, занялись уничтожением жизненно важных транспортных путей, особенно мостов, чтобы замедлить продвижение противника.

Практически никто уже не верил в чудо. Напротив, боялись, что любое дополнительное военное сопротивление еще больше разозлит врага, и все тяготы придется нести гражданскому населению. Но фанатичные нацисты продолжали терроризировать измученных войной граждан. Тех, кто выражал сомнения в окончательной победе, даже в последние часы перед капитуляцией ожидал военный трибунал и расстрел. Поэтому большинство баварцев предпочитали смириться с неизбежным, держа под рукой белые флаги в

надежде, что первыми придут американцы. Вместо того, чтобы желать удачи своим солдатам, они поддерживали врага и с нетерпением ждали, когда немецкий вермахт станет меньше. Часто именно женщины разбирали противотанковые заграждения, чтобы облегчить путь солдатам союзников.

Даже в Берлине было много тех, кто не разделял всеобщей истерии и ожидал освобождения с черным юмором и пораженчеством, или даже с предвкушением. Маргрет Бовери, например, предполагает, что расхождения в ожиданиях можно объяснить отказом некоторых людей верить нацистской пропаганде и их личным опытом общения с другими народами. Бовери сама путешествовала как иностранный корреспондент до и во время войны, а в 1940 году пересекла Советский Союз по Транссибирской магистрали. Этот опыт и, как она утверждала, ее воспитание в южной Германии означали, что она не была столь пессимистична в отношении оккупации Красной Армией. "Жители южной Германии, которые никогда не сталкивались с русскими, относятся к ним с гораздо меньшим предубеждением, чем жители Восточной Эльбии, которые веками вели с ними войны за наследство. Мы не боимся", - писала она в своих письмах, похожих на дневник, незадолго до падения Берлина.¹⁷ Вскоре все изменится.

КРАСНАЯ АРМИЯ НАСТУПАЕТ

21 августа 1942 года вермахт водрузил немецкий флаг на самой высокой горе Кавказа. Вскоре после этого немецкое наступление зашло в тупик, и ход войны изменился, а переломный момент в Сталинграде в начале 1943 года превратил войну за завоевание *Lebensraum* на Востоке в отступление и войну для защиты от большевизма. В Африке в

это же время победоносное продвижение против англичан и американцев подошло к концу, и в мае 1943 года немецкие и итальянские войска капитулировали в Северной Африке. Немецкие подводные лодки проиграли битву за Атлантику, британцы бомбили Рур и уничтожили жизненно важное производство боеприпасов, а великое танковое сражение под Курском обернулось фиаско. Вскоре после этого американцы и британцы высадились на Сицилии, а в сентябре прибыли на итальянский материк. С тех пор и до битвы за Берлин в апреле 1945 года вермахт отступал и занимался обороной утраченных позиций. И уничтожением. Солдатам было приказано сражаться до последнего человека и, если территорию приходилось уступать врагу, уничтожать все. Защита гражданского населения не была целью. Только при завоевании Восточной Пруссии в начале 1945 года погибли сотни тысяч человек с обеих сторон.^{[18](#)}

В период с апреля по декабрь 1944 года союзники вышли к границам Германского рейха. К концу июля Красная Армия отвоевала практически всю территорию, потерянную с 1941 года, прошла через восточную Польшу до Вислы, преодолела Литву и приблизилась к границам Восточной Пруссии. В начале октября она прорвалась к Балтийскому побережью севернее города Мемель. На Западе Арденнское наступление задержало продвижение союзных войск, что дало Советской армии решающее преимущество в борьбе за захват как можно большей территории Германского рейха. Зимнее наступление Красной Армии началось в январе 1945 года, с 570 000 человек на стороне Германии против 1,5 миллиона советских солдат.

Советские солдаты продвинулись на 300 километров всего за две недели.

Как только Красная Армия приблизилась, немецкое гражданское население бежало в Рейх. Во время войны Восток был не только местом поселения и колонией, но и огромной зоной эвакуации для жителей западных городов, спасавшихся от воздушных налетов. В начале 1944 года туда сбежали 825 000 западных немцев. Вновь прибывшие и устоявшееся немецкое население теперь бежали на запад, из Восточной и Западной Пруссии, из Данцига, Померании, восточного Бранденбурга и Силезии, а также из Словакии, Хорватии, Югославии и Румынии. Только с января по май 1945 года в движении находилось 7 миллионов человек, что ознаменовало начало бесконечного и затяжного исхода, в ходе которого погибло до 2 миллионов человек.

В течение долгого времени это бегство и изгнание было единственной стабильной точкой отсчета в рассказах о массовых изнасилованиях. Беженцы, не имеющие больше дома и неопределенного будущего, беззащитные *par excellence*, стали знаковыми персонажами этого сценария. Этому есть две причины. Пророчество о том, что немецкие женщины будут страдать, когда придут "русские", было давно подготовлено нацистскими пропагандистами. Первыми это почувствовали беглые женщины. Массовые изнасилования во время бегства и изгнания с Востока действительно были отчасти связаны с тем, что их настигала армия, в памяти которой еще были свежи зверства, совершенные немецким вермахтом и СС. Однако, кроме того, нацисты использовали их в интересах пропаганды выживания. Пророчество, основанное на старых предрассудках,

расовой идеологии и идеологической борьбе, исполнилось трагическим образом.

Другая причина того, что образ женщин-беженок как жертв изнасилования застыл в коллективной памяти, кроется в самом повествовании. У нас мало институциональных источников о событиях того времени, вместо этого мы имеем бесчисленные свидетельства очевидцев-жертв, собранные группами, представлявшими беженцев, и Федеральным министерством по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны в частных или академических целях. С тех пор эта документация неоднократно использовалась в качестве источника литературы о преступлениях, совершенных во время этого массового движения; так, сообщения о женщинах-беженках были более известны, чем сообщения об изнасилованиях в Баварии или на оккупированном французами юго-западе.

Однако речь идет не только о количестве, но и о качестве повествования. Бежавшие женщины обычно были уязвимы и оставлены на произвол судьбы. Они часто бросали все, в то время как оставшиеся мужчины были призваны на последние рубежи обороны. Их семьи часто разрывались на части, они теряли связь с родственниками и даже с собственными детьми. Когда полет прекращался, они часто оказывались в клаустрофобических, похожих на лагерь ситуациях. Они прятались в сараях и убежищах, окруженных сражающимися войсками, где им приходилось неделями держаться в мучительном страхе без еды и даже самых элементарных удобств. И именно в этих условиях совершались изнасилования. Женщин, оказавшихся в укрытии, выделяли

солдаты, на них доносили товарищи по несчастью и издевались на глазах у их детей. Самым ужасным для этих бежавших и изгнанных женщин было то, что сексуальная агрессия совершалась в то время, когда они были вырваны из своего социального окружения и в результате оказались особенно незащищенными.

Это были люди в бегах, которым часто приходилось уходить практически без подготовки и времени на сборы, которых немецкие власти бросили на произвол судьбы, которые слишком долго игнорировали призывы к эвакуации, и которых теперь преследовали польские и советские солдаты, жестоко очищавшие захваченные территории от немцев. В то же время шли отчаянные бои до последнего человека и бессмысленные укрепления после того, как летом 1944 года было принято решение превратить всю Германию в крепость: только в Померании было построено 400 километров оборонительных позиций, а вокруг Бреслау (Вроцлава) - 120 километров. Везде, где земляные сооружения, окопы и укрепления задерживали Красную Армию на несколько недель, это означало лишь увеличение числа жертв. Вскоре есть стало нечего, и люди, особенно маленькие дети, начали *массово умирать*. Те, кто пережил голод и первую волну насилия, в некоторых случаях держались до официального изгнания с 1946 года, а тем временем им пришлось столкнуться с рабским трудом, заключением в лагерях и депортацией.

Но даже те, кто успел вовремя тронуться в путь на своих ручных тележках или пешком, часто не могли спастись. Смерть была повсюду: трупы лежали на дорогах, мертвые животные в полях, вокруг было самое ужасное зрелище. Бесчисленные

трагедии произошли во время бегства на лодках, поездах или пеших маршей; матери были вынуждены беспомощно смотреть, как их младенцы и маленькие дети умирают от болезней или голода, или бросать слабых родителей. Были случаи, когда женщины выбрасывали своих детей с лодки в ледяную воду. И все это время опасность воздушных атак, бомб, уличных боев, расстрелов со стороны друзей и врагов, грабежей и убийств со стороны освобожденных рабов, узников концлагерей и даже преступников, воспользовавшихся ситуацией. Лодки тонули, поезда горели, машины попадали в аварии. Не было ни жира, ни теплого крова, ни одежды, и бесчисленное множество людей погибло от холода, сырости, голода, жажды и болезней. И, в довершение всего, всепроникающий страх перед врагом и тем, что он сделает с женщинами. Очевидица, летевшая из Восточной Пруссии в Шлезвиг-Гольштейн, охарактеризовала общее настроение, которое она испытала в этом аду, одним словом: "паника".¹⁹

В ловушке

Теперь мы знаем, что на многих немецких территориях на Востоке партийные функционеры откладывали бегство как можно дольше, а затем отдавали приказ о немедленном отъезде. В Бреслау [Вроцлаве], который Гитлер в 1944 году назвал "крепостью", приказ об эвакуации был отдан поспешно и слишком поздно. 'Сотни тысяч людей должны были покинуть переполненную людьми силезскую столицу в ледяную холодную погоду за несколько часов', - вспоминают очевидцы бегства в начале 1945 года.²⁰ Было -10° по Цельсию; некоторым повезло сесть на поезд, но подавляющему большинству пришлось уходить пешком. Из 60 000 женщин и детей,

покинувших Бреслау, почти треть замерзла насмерть. Те, кто не смог выбраться достаточно быстро, включая многих эвакуированных из Берлина и Рейнской области, оказались в ловушке в городе. Бои продолжались двенадцать недель; город стал зоной боевых действий, а женщины - военными трофеями.

Леони Биаллас было почти пятнадцать лет, когда она впервые увидела русских солдат. Советский офицер заверил ее: "Русские солдаты не убивают женщин и детей. Это всего лишь ваша нацистская пропаганда". Но он предупредил: "Вам нечего бояться нас. Но когда придут другие войска, никто не сможет вам помочь. У нас позади четыре года войны, и ни у кого не было отпуска". Мужчинам обещали немецких женщин в качестве военных трофеев. Это подстегнуло их к борьбе".²¹

Предупреждение русского офицера оказалось правдой. В своих воспоминаниях Леони Биаллас графически описывает, что произошло с ней в ловушке в городе, и рисует ужасную картину встречи наивно невинной девочки с косичками и страшного красноармейца с черной бородой, кустистыми бровями и меховой шапкой:

Он схватил меня и потащил к двери. Я пыталась вырваться, отчаянно сопротивлялась. Моя мать попыталась прийти мне на помощь и оттащить меня от него. Он оттолкнул ее и открыл дверь. Она вела в ванную комнату. Мама тоже попыталась войти. Он захлопнул дверь и запер ее на засов. Он был вне себя и попытался стянуть с меня брюки, но не смог расстегнуть застёжку. Он вытащил нож. Я закричал. Сейчас он тебя зарежет, подумала я. Мама стучала в дверь снаружи и тоже кричала. Солдат разрезал ножом ремень и стянул с меня брюки и нижнее белье. Затем он силой повалил меня на каменный пол. Я ударился головой. Он навалился на меня сверху. Я замерла и уже не кричала. Но мать продолжала стонать все время за дверью. Я не думаю, что это продолжалось долго. Он встал и, не сказав ни слова, вышел из ванной и из дома. Я сидел на корточках на холодном полу и хотел просто уползти в угол. Вошла мама, взяла меня на руки и утешила. Мы обе плакали.^{[22](#)}

Это было только начало мучений, которым подвергались Леони, ее мать и тетя Гертруда, которой было более 60 лет, а также монахини из близлежащего женского монастыря или 16-летняя девушка, истекшая кровью в результате изнасилования. Некоторые женщины намеренно примыкали к офицерам, чтобы избежать "вонючих вшей" рядовых солдат. Так было с матерью Рут Ирмгард Фреттлох. Девочка видела, как она выходила из сарая с комендантом - улыбающимся. Эта картина осталась в ее памяти и на десятилетия омрачила ее отношения с матерью. Только много позже она узнала, что ее мать была так мила с насильником только для того, чтобы защитить свою дочь.^{[23](#)}

Такое поведение характерно для многих описаний изнасилований в полете: матери жертвуют собой ради своих дочерей, дочери - ради своих матерей или отцов. Насильственные действия порождали запутанную паутину пожизненной семейной вины. В источниках мы читаем о случаях, когда старшим братьям и сестрам приходилось от одного момента до другого присматривать за младшими, потому что их матерей регулярно забирали советские солдаты как для оказания сексуальных услуг, так и для работы разного рода. Они также должны были предоставлять информацию о местонахождении своих мужей, если советские власти подозревали их в том, что они нацисты или военные преступники. Не нужно многого, чтобы представить себе моральную дилемму этих женщин, которые подвергались не только сексуальной агрессии, но и угрозе депортации.

У каждого пятого немца в семье есть история беженца или депортации.²⁴ Самым богатым источником информации о ситуации в то время, главным официальным выходом для выступлений и письменных свидетельств впоследствии стала документация Федерального министерства по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны, появившаяся с 1954 года. Сегодня она представляет собой впечатляющий и современный источник воспоминаний, сравнительно близких к тому времени, когда происходили события. Тем не менее, при интерпретации отчетов необходимо соблюдать осторожность. Цель документации заключалась в институционализации памяти о бегстве и высылке, чтобы "предоставить потомкам достоверную запись ужасных событий в Восточной Европе в конце Второй мировой войны", как говорится в предисловии к

отчету.^{[25](#)} Это "исторически мотивированное официальное правительственное задание" направлялось академической комиссией высокого уровня под руководством Теодора Шидера, который, как и его коллега Вернер Конзе, был весьма уважаемым историком того времени, но впоследствии был дискредитирован из-за своих нацистских симпатий. В отсутствие других источников историки полагались в основном на субъективные воспоминания жертв, пытаясь "поднять личный опыт "бегства и изгнания" на уровень культуры общественной памяти".^{[26](#)}

Комиссия критически изучила источники и, согласно ее собственному заявлению, разработала процесс проверки заявлений беженцев. Однако те, кто смотрит на эти толстые тома сегодня, быстро заметят, что они являются продуктом своего времени. При отборе очевидцев не учитывались их прежние функции в нацистском государстве. Тексты полны идеологических стереотипов: "азиатские орды" и "монстры", а также немецкие соотечественники, сохранившие верность до конца. Среди типичных для того времени установок - снисходительное отношение к полякам и русским. Неоднократно упоминаются "поляки" и "отвратительные дьявольские монгольские лица".^{[27](#)} Поэтому мы должны воспринимать эти истории с щепоткой соли. Тем не менее, эти документы - ужасная глава в истории женщин в конце Второй мировой войны.

Йозефина С.^{[28](#)} из района Остерод [Оструда] в Восточной Пруссии, ныне Польша, была удивлена, когда увидела первых советских солдат в конце января 1945 года. Ей говорили, что враг почти умер от голода и плохо одет, но перед ней стояли

сильные и мощные молодые мужчины и женщины, пышущие здоровьем, все в хорошей форме, валенках и меховых шапках. И у всех у них, казалось, было радостное выражение на лицах. Они махали нам руками и кричали "Гитлер капут", и я впервые услышала грубый и для нас уродливый русский язык. Мы также видели отталкивающие лица функционеров".²⁹

Одна из машин в колонне остановилась. Трое высоких солдат вышли из машины, схватили Йозефину С. и бросили ее на машину. Ее крики о помощи остались неслышанными в снежной буре. Машина снова тронулась с места, и ледяной ветер обдувал ее. Один из молодых людей, который лежал, завернувшись в одеяла, усмехнулся, глядя на меня, и спросил "Холодно?". Машина затормозила, и Йозефина С. выпрыгнула, но ее тут же схватили и подняли обратно. Затем последовали "самые унижительные моменты" в ее жизни.

В какой-то момент ей удалось выбраться. Она была по самые икры в мягком снегу. Помогите мне, пожалуйста, Боже, - только и смогла подумать она. Затем она решила смириться с "судьбой, на которую ее бросили", и направилась в коровник, где нашла еще около 100 человек. Время от времени туда входили солдаты, в том числе офицеры, и вытаскивали девушек и молодых женщин. Плач и мольбы были бесполезны. Красноармейцы направляли на женщин револьверы, хватали их за запястья и тащили прочь. Одного отца, который пытался защитить свою дочь, вывели во двор и расстреляли. Затем девочку изнасиловали. 'Она вернулась ближе к рассвету со страхом в детских глазах. Она постарела за ночь. Поскольку ее тело больше не было способно выражать эмоции, она опустилась в солому". Йозефина С. слышала, как мужчина

говорил, что хотел бы иметь яд, чтобы убить себя, свою жену и дочерей.

В пасти ада

Это описание типично для событий, происходивших во время бегства и высылки. Женщины часто оказывались в своеобразной лагерной ситуации.

Взрывы и страх перед воздушными атаками означали, что беженцам приходилось искать укрытия по пути. Они сидели вместе в подвалах, сараях или других укрытиях, вяло ожидая, часто в течение дней и недель, пока вокруг них бушевала война.

Например, в Эльбинге [Эльблагге] в Западной Пруссии 200 в основном пожилых женщин и мужчин укрывались в начальной школе и не могли даже выйти из помещения, чтобы ответить на зов природы. Здание было разбомблено и сожжено дотла.³⁰ 39-летняя Е. О. со своей 15-месячной дочерью и 7-летним сыном 29 января 1945 года пережила ужасный опыт, наблюдая, как 15-летнюю девочку неоднократно насиловали, а ее мать, которая пыталась защитить ее, убили. Советские люди оборудовали специальные комнаты для изнасилований. Они вытаскивали женщин дважды в день. Это продолжалось в течение недели. Для Е. О. седьмой день был самым страшным. Ей пришлось провести всю ночь в "пасти ада". Есть было нечего, только алкоголь и сигареты. К следующему утру она была тяжело ранена, не могла ходить и лежать. Взяв двух детей за руки, ее вместе с другими женщинами повели пешком в город, расположенный в 21 километре. Им по-прежнему ничего не давали есть и верили, что все они умрут во время этого

марша смерти. Когда через две недели процессия была разогнана, из 800 женщин и нескольких стариков в живых осталось только 200. Мертвых оставили на обочине дороги.

Я была физически и психически разбита, поэтому меня избавили от этих зверств. Однажды они хотели забрать моего сына Хорста; чтобы предотвратить это, меня снова использовали. Затем был отдан приказ, что женщин нельзя насиловать. Тогда мы смогли защитить себя, но было уже слишком поздно. Тысячи таких женщин, как я, были уничтожены, и некому было нам помочь", - рассказывала она шесть лет спустя для официальной документации. Она дошла до британской зоны, где солдаты оказались "хорошими людьми". Тем не менее, незадолго до того, как она достигла безопасного места, она попыталась покончить жизнь самоубийством. Кто-то вытащил ее без сознания из реки Лан.^{[31](#)}

В феврале 1945 года Рёссель [Рессель] в Восточной Пруссии стал гарнизонным городом. Солдаты мародерствовали день и ночь. Изнасилованиям не было конца. Если в дверях появлялся русский, женщины и девушки убегали через окна. Затем мужчины окружали дома, чтобы захватить свою "добычу". Многие женщины пытались добыть яд, но врач в местной больнице отказался помочь. Одна девушка выпила уксусную эссенцию и умерла мучительной смертью. Среди жертв насилия были и 13-летние дети. Одна девочка была так сильно ранена во время изнасилования, что больше не могла ходить и долго болела. Другая девочка повесилась.^{[32](#)}

В Ястрове [Jastrowie] в округе Вирзиц [Wyrzysk] в Западной Пруссии Х. Х. и ее дети нашли себе приют на ферме. Вскоре появились первые солдаты, которые отдыхали на ферме и

пили алкоголь. Они вскрывали двери, разбивали окна и выбирали себе жертв. Так продолжалось день и ночь, и если бы не ее ребенок, Х. Х. предпочла бы, чтобы они застрелили ее. Она не хотела бросать его "одного в чужом мире", поэтому ей пришлось терпеть "это ужасное унижение". Однажды русский солдат застрелил другого. После этого командиры стали более строгими.[33](#)

В Вольденберге [Добегнев] в округе Фридберг в Померании, ныне Лебус в Польше, Отто Х. пережил первую страшную ночь: "Мою племянницу изнасиловали четырнадцать русских офицеров в соседней комнате. Мою жену русский затащил в сарай и тоже изнасиловал. Затем ее заперли в хлеву и в пять утра следующего дня снова изнасиловали под дулом пистолета. Когда войска ушли, мы нашли мою жену под кучей соломы, куда она спряталась в страхе".

Появился русский и выбрал 13-летнюю девочку. Ребенок кричал и боролся. Солдат зарядил пистолет, заставил всех собраться и пригрозил расстрелять их, если они не выведут девочку в соседнюю комнату в течение пяти минут. Мы знали, что он применит оружие, и были вынуждены подчиниться его желанию. Когда он обнаружил, что девушка слишком слаба, он отдал ее другому товарищу. Сам он появился в комнате, и нам снова пришлось собраться. На этот раз он взял мать, которая была самой молодой из женщин. Мать изнасиловали в кровати, а ее дочь на полу рядом с кроватью изнасиловал другой русский. Мать была беременна".

Издевательства и изнасилования усиливались изо дня в день, в результате чего все больше местных жителей и беженцев искали убежища на бывшей ферме. Каждую ночь приходили

русские, стреляли из оружия в окна, выбивали двери с засовами и насиловали женщин и девочек в присутствии детей. Некоторым жертвам было за шестьдесят. Иногда к ферме подъезжали машины, увозили женщин и девочек в другие места, где их снова насиловали. На следующий день им приходилось идти обратно пешком 20 или 25 километров.³⁴ В отчетах неоднократно описываются систематические изнасилования в течение нескольких дней в одном месте с разными женщинами. Однако, вопреки тому, что люди в панике думали в то время, в Советской Армии никогда не было военного приказа насилловать немецких женщин.

В Зиетлове [Сидлово] М.М. вместе с другими беженцами нашел убежище в загоне для овец. В загон постоянно приходили советские люди. Сначала они искали часы, потом забрали у немцев сапоги, потом выгнали из загона всех мужчин, кроме мужа М. М.. Они выстроили женщин и девушек и направили на них свои заряженные пулеметы. М. М. думала, что их всех расстреляют, но солдаты выстрелили в потолок, где, как они подозревали, все еще прятались немецкие солдаты. Далее они забирали женщин и девушек по своему усмотрению. Все больше и больше советских протискивались в загон. Некоторые женщины, некоторые несчастные девушки были изнасилованы по пять, а то и десять раз за эту, казалось, бесконечную ночь.³⁵

Интересно отметить, как часто очевидцы упоминают широкий диапазон возраста жертв. Многие старые и очень молодые женщины, хрупкие, больные, беременные и даже умирающие беженки на личном опыте убедились в том, что феминистки впоследствии утверждали, что насиловали не только молодых

или привлекательных женщин и что этот акт был не сексуально мотивированным, а скорее демонстрацией силы. 'В течение недель и месяцев наши женщины и девушки проходили через ад на земле. Позже я посетил 82-летнюю женщину, которая так и не смогла оправиться от пережитого. Школьниц и конфирмантов постигла та же участь. Я знаю о нескольких женщинах, которые были убиты за попытку сопротивления. Одной молодой женщине и матери, моей бывшей конфирмантке, проломили череп за попытку помешать русскому солдату", - сообщает бывший пастор из Мутрина [Мотаразин] и Дамена [Старе Дембно] в районе Белгард [Белогард] в Померании.^{[36](#)}

Еще одна поразительная особенность - многочисленные групповые изнасилования, о которых сообщается в документах источников. В Лауэнбурге [Леборке] в Померании солдаты Красной Армии стояли в очереди перед каждым домом. Одну немецкую женщину изнасиловали сорок пять мужчин, несмотря на то, что к концу изнасилования она была полумертва. Среди жертв были 78-летние женщины и 9-летние дети. Русские солдаты говорили, что с их женами и сестрами немецкие солдаты обращались гораздо хуже. При выходе из деревни Б. встретил фермера, который рассказал ему, что его 13-летнюю дочь "забрали" в пятый раз за то утро.^{[37](#)}

Многие изнасилования заканчивались смертью. Э. Х. из Луггевизе [Любовидз] в районе Лауенбург [Леборк] наблюдала, как ее сестру, парализованную страхом, расстреливали солдаты Красной Армии. Вместе с матерью, двумя детьми и 25-летней сестрой Кете Э. Х. бежала 9 марта в соседнюю деревню Дамерков [Домбрувка]. На следующий день русские напали и

на эту деревню. Не менее тридцати человек были собраны в одной комнате. Сначала солдаты потребовали часы и другие ценные вещи. Затем в комнату вошел высокий русский, осмотрелся и указал на Кете. Он просто жестикулировал пальцем. Когда она не смогла сразу встать, он подошел к ней вплотную и приставил свой автомат к ее подбородку. Все закричали, но моя сестра молчала, не в силах пошевелиться. Затем раздался выстрел. Ее голова упала набок, и из нее хлынула кровь. Она умерла на месте, не издав ни звука".³⁸

В документах есть сообщения о том, что в женщин стреляли или стреляли в них, или они совершали коллективное самоубийство. Другие сходили с ума. Эти действия обычно совершались в группе, очень часто публично, что можно рассматривать как еще одно доказательство того, что изнасилования также были демонстрацией власти. Они были организованы, и мужчины сами решали все вопросы, что означало, что женщины не могли убежать и что их страдания длились долгое время. Многие женщины подвергались насилию несколько дней подряд.

Г. В. из Дамбицена, кирпичного завода в округе Эльбинг [Эльблонг] в Западной Пруссии, рассказывает, как ей удалось спастись на автомобиле. Дочь фермера, ехавшая с ней, была ранена в спину, потому что сопротивлялась изнасилованию. Мать тяжело раненой женщины была ранена в руку. Невестка и жена бизнесмена из Данцига, которые также сидели в машине, были многократно изнасилованы во время поездки молодыми солдатами, которые набросились на них, и все это в присутствии умирающей женщины. Беженцам дали приют лесник, его жена и две замужние дочери с детьми. Русские

появлялись каждый вечер, забирали несколько женщин и девушек и насиловали их по несколько раз. Шестьдесят два человека из хутора и деревни Оккалиц [Окалице] утопились в озере, попросили лесника застрелить их или приняли яд.^{[39](#)}

Поведение жертв

Воспоминания имеют ограниченную ценность как источник для понимания поведения самих жертв. Они больше говорят о том, какими они хотели казаться, чем об их реальном поведении в то время. Тем не менее, в современных отчетах часто упоминается о сопротивлении жертв. Подчеркивается самооборона, присутствие духа и изобретательные стратегии побега. В своих воспоминаниях о конце войны Гела Фолькманн-Штайнхардт говорит не только об обычных попытках спрятаться или убежать в лес, спать каждую ночь в другом месте и сделать себя непривлекательной, но и о вздорной и бесстрашной тетке-аристократке, которая с "концентрированным гневом своих праведных предков" надела на голову молодому нападавшему полный горшок. Шлем не сдвинулся с места, несмотря на тщетные попытки промокшего солдата снять его. Два его товарища так удвоились от смеха, что в этот единственный вечер вся группа спаслась без обычных жертв".

Сама автор также придумала бесчисленное количество стратегий. Она использовала свой гнев, притворялась бесстрашной и сопротивлялась изо всех сил. Она показывала свои раны, просила, умоляла и смирялась, если это было необходимо: "Однажды я целовала руку калмука, умоляя о пощаде, как покорная Анюшка. Он был тронут настолько, что отступил". Или она показывала фотографию фиктивного мужа,

или собирала вокруг себя сыновей, которые, почуяв опасность, кричали на весь дом, как дикари. В конечном счете, все эти защитные стратегии были бесполезны: "Охотники в конце концов вычислят все укрытия - даже если зверь каждую ночь будет находить все более изощренные". Они вытаскивали свою дрожащую добычу из соломы, из корыт, из голубятен и печей"⁴⁰ Когда на следующий день Геле Фолькманн-Штайнхардт стало стыдно перед своими детьми, она с удивлением обнаружила, что мир остался неизменным, несмотря на ее действия: "Мальчикам нужен был завтрак. И обед. И вода, и дрова. Пока не начался новый день - точно такой же, как предыдущий, и еще один день с тысячами обязательств"⁴¹.

Можно только догадываться, действительно ли описания личной храбрости являются достоверными. Позже мы вернемся к вопросу об описаниях самодостаточности или агентности как мотивах автобиографической литературы времени, части гендерного дискурса, в котором женщины также были способны на такие солдатские добродетели, как храбрость, невосприимчивость к боли и готовность идти на жертвы. Интересны также метафоры, используемые в отчетах. Преступники часто описываются как охотники, а женщины - как добыча, которую сначала собрали в стадо, а затем изолировали от общества. Мужчины подкрадываются, преследуют, обходят окна и лестницы бесшумно, как кошки, как будто их движения отрежиссированы. В этом отношении все бесчисленные случаи изгнания очень похожи. Сходство в интерпретации произошедшего можно объяснить тем, как жертвы примирились со своим опытом, а также, возможно, тем, как их опрашивали и редактировали их отчеты. Я предполагаю,

что на описания повлияла документация 1950-х годов, имевшая политический подтекст. Создается впечатление общинного или коллективного опыта сопротивляющихся немецких женщин, которые, потеряв родину, собрались вместе, как ягнята, и не имели шансов противостоять "зверскому" советскому врагу в роли злого волка.

Один в толпе

Автобиографические отчеты, которые не были частью политически мотивированной документации, но были опубликованы индивидуально, показывают, что события можно воспринимать и интерпретировать по-другому. Они подчеркивают изоляцию и беспомощность жертв и некритично относятся к своим соотечественникам - мужчинам и женщинам. Габи Кёпп описывает, как ее несколько раз предавали женщины, пока она была в бегах. Сначала ее мать отослала ее, не объяснив, что ее может ожидать; затем ее подруги по несчастью предали ее русским солдатам:

Женщины дрожали от страха, что именно они могут пострадать. Я буквально чувствовала, не видя этого, что они ищут меня.... Женщины должны идти сами, если они так боятся, что их расстреляют". Но тут фрау В. говорит: "Где маленькая Габи?". Я слышу это снова и снова. Она не остановится, пока они не вытащат меня из-под стола. Я с горечью думаю: "Они могут так поступать со мной, потому что я одна и меня некому защитить"".

Долгое время после этого Габи Кёпп переживала травматический опыт того, что ее бросили на произвол судьбы ее собственные люди.

Сегодня я бы использовал более сильные слова, чтобы описать то, что я назвал "подлостью" со стороны тех женщин шесть десятилетий назад. С ледяным эгоизмом их вероломство отправило 15-летнюю девочку на верную смерть, полностью осознавая, что они делали со мной.... Я чувствую, как во мне поднимается ненависть. Ненависть к этим женщинам, которые, будь я их дочерью, молчали бы.⁴²

Предательство русских, отсутствие солидарности среди женщин - это повторяющиеся черты автобиографических свидетельств о массовых изнасилованиях, особенно в известных берлинских примерах Анонимки и Маргрет Бовери, к которым мы вернемся отдельно.

Но советские источники также упоминают о трусости и отсутствии солидарности среди немцев, говоря, что брошенное немецкое население было способно на все в страхе перед Красной Армией. Люди прятались в подвалах и не выходили на улицу. Когда они сталкивались с советскими солдатами и офицерами, многие вскидывали руки вверх, как бы моля о пощаде. На многих зданиях развевались белые флаги, чтобы показать, что солдаты не встретят сопротивления и что жильцы готовы выполнять все приказы. Многие немцы выдавали себя за поляков или евреев, чтобы их пощадили, или притворялись коммунистами и революционерами, на стенах висели фотографии Сталина.⁴³ Казалось бы, бесславное поведение немцев - борьба за то, чтобы держаться в соответствии с приказом режима, привычка подчиняться, государственный террор, который жестоко пресекал любые признаки преждевременной сдачи в зародыше, тщетные попытки укрыться в укрепленных городах, непрекращающаяся

паника - создало благодатную почву для агрессивного поведения солдат Красной Армии. Социальные психологи описали феномен, при котором ожидаемое поведение вызывает соответствующую реакцию. В то же время, это не означает, что немцы могли бы предотвратить катастрофу, действуя иначе.

Демограф Герхард Райхлинг, который в 1950-х годах собирал статистические данные о бегстве и высылке, подсчитал, что 1,9 миллиона женщин и девочек были изнасилованы солдатами Красной армии во время их наступления на Берлин, 1,4 миллиона из них - во время бегства с бывших немецких территорий на Востоке и 500 000 - в советской оккупированной зоне. Далее он подсчитал, что в результате этих изнасилований родилось 292 000 детей. Это означает, что четверть женщин забеременела после изнасилования и не сделала аборт, что звучит неправдоподобно в свете других исследований и моих собственных выводов. Как упоминалось ранее, мои собственные оценки значительно отличаются от оценок Райхлинга. Во всяком случае, данные о занятости и детях, рожденных в результате изнасилования в Западной Германии, указывают на гораздо меньшее число жертв и гораздо более высокий уровень аборт. Тем не менее, по моим расчетам, число жертв исчисляется сотнями тысяч. Хотя верно, что большинство массовых изнасилований, как правило, происходило во время бегства и изгнания с Востока, тем не менее, были сотни тысяч немецких женщин, для которых опасность была еще впереди.

БЕРЛИН

Этот звук не был похож ни на что из того, что берлинцы слышали раньше, ни на свист падающих бомб, ни на треск и грохот зенитного огня. Озадаченные, покупатели, стоявшие в очереди у универмага "Карштадт" на Германплац, прислушались: откуда-то издалека доносился низкий звук, но теперь он быстро нарастал, переходя в ужасный пронзительный крик. На мгновение покупатели выглядели замороженными. И вдруг вереницы людей разорвались и разбежались. Но было уже слишком поздно. Артиллерийские снаряды, первыми достигшие города, разорвались по всей площади. Куски тел брызнули на заколоченные досками фасады магазинов. Мужчины и женщины лежали на улице, крича и корчась в агонии. Было ровно 11.30 утра, суббота, 21 апреля. Берлин стал линией фронта.⁴⁴

В своей популярной военной книге *"Последняя битва"* ирландско-американский журналист и писатель Корнелиус Райан дает яркий отчет о начале битвы за Берлин, которая продолжалась до 2 мая и должна была привести к боям "дом на дом" и большим жертвам среди гражданского населения, чем воздушные налеты на город. Эти недели также символичны с точки зрения массовых изнасилований. Нигде больше нет такого количества известных рассказов о том, что происходило с немцами в конце войны и после нее: Барбара Ноак, Хильдегард Кнеф, Маргрет Бовери, Берт Брехт, Леон Урис и Эрих Куби, и это лишь некоторые из них, писали об этом. Однако для нашего обсуждения массовых изнасилований в Берлине наиболее важным является описание женщины, пожелавшей остаться неизвестной, чья книга *"Женщина в*

Берлине" произвела фурор десятилетия спустя и, поскольку по ней был снят фильм, оставила самый яркий след в нашей визуальной памяти. Анонимность автора (впоследствии уничтоженная) стала одной из решающих причин того, что ее история стала коллективно воспринимаемой версией. По этой причине мы хотели бы сначала остановиться на других случаях.

Значение Берлина связано с масштабом событий, но еще больше с тем, что изнасилования советскими людьми (другие виновные почти не упоминаются) также являются символом свержения немецкого рейха. Изнасилование берлинских женщин является частью повествования о падении гордого города прусской Германии, города, где "величайший генерал всех времен" недавно удалился в свой бункер и готовился к самоубийству, города, который в будущем станет пешкой в конфликте между Востоком и Западом.

Позвольте Корнелиусу Райану еще раз изложить обстановку: Бранденбургские ворота, Унтер-ден-Линден, здание Рейхстага и Королевский дворец охвачены пламенем. Люди бегут по Курфюрстендамм, роняя портфели и пакеты, судорожно перебегая из одного подъезда в другой. В Тиргартене конюшня с верховыми лошадьми получает прямое попадание. Крики животных смешиваются с криками и возгласами мужчин и женщин; мгновением позже лошади вырываются из ада и мчатся по Курфюрстендамм, их гривы и хвосты пылают.

Внутри этого ада Райан - великолепный рассказчик, переплетающий описания последних дней войны в Берлине с судьбой изнасилованных женщин. В его книге, которая до сих пор используется учеными в качестве справочника,

рассказывается о Готтхарде Карле, капитане ВВС, который до конца верил в окончательную победу. Он поспешил домой и приказал своей жене спуститься в подвал и оставаться там, сидя прямо напротив входа в подвал. Герда была поражена, но муж настаивал: он слышал, что в других городах русские входили в подвалы с огнеметами и большинство людей сгорали заживо. Я хочу, чтобы ты села прямо перед дверью в подвал, чтобы тебя убили первой. Тебе не придется сидеть и ждать своей очереди".⁴⁵ Герда оцепенело сделала то, что ей сказали. Впервые после их свадьбы она не включила Готтгарда в свои молитвы. В после полудня она не подчинилась его приказу и вернулась в квартиру. Больше она никогда не видела своего мужа.

Первые встречи

Усеченное впечатление, которое мы имеем сегодня благодаря историческим фильмам о падении Берлина, - это внезапное вторжение темных сил в доселе ничего не подозревавший город. Однако насилие не взорвалось внезапно, а постепенно нарастало и тлело в течение месяцев и лет. Сначала советские солдаты хотели прежде всего прекратить боевые действия. Они искали не женщин, а скрывающихся немецких солдат и членов фольксштурма. Они делились своими пайками и сладостями с детьми на улицах. Один из анекдотов в книге Райана рассказывает о двух женщинах, одна из которых была вдовой, а другая - женой майора, которые сидели в подвале, когда на стене появилась огромная тень. В руках у тени был пистолет. Им показалось, что пушку держит в лапах горилла, а голова солдата казалась огромной и деформированной. Они не могли дышать. Появился русский, за ним другой, и приказал им

выйти из подвала. "Сейчас все произойдет", - подумали они. Двух женщин вывели на улицу, где русские вручили им метлы и указали на обломки и битое стекло, которыми была усеяна дорожка. Их удивление и облегчение были настолько очевидны, что русские разразились хохотом.^{[46](#)}

К большому удивлению немцев, многие советские люди были очень дисциплинированными. Когда они узнавали, что кто-то был противником нацистского режима или подвергался преследованиям, они обычно были вежливы. Хелена Бозе столкнулась лицом к лицу с красноармейцем на ступеньках своего подвала. Он был молод, красив и одет в безукоризненно чистую форму. Он просто посмотрел на нее, когда она вышла из погреба, а затем, жестом показав добрую волю, протянул ей палку с привязанным к ней белым платком в знак капитуляции. Илзе Антц спала в подвале своего жилого дома, когда туда вошел первый русский. Она в ужасе уставилась на молодого темноволосого солдата. Он лишь улыбнулся и сказал: "Чего бояться? Все в порядке. Иди спать".^{[47](#)}

Коммунисты, немногочисленные бойцы сопротивления и скрывавшиеся в Берлине евреи, такие как 20-летний Ганс Розенталь, который впоследствии стал популярным ведущим телевизионных ток-шоу, почувствовали облегчение при первом виде русских. Розенталь провел двадцать восемь долгих месяцев, спрятавшись в небольшом саду. Для него приход Красной армии был очевидным освобождением. Были объятия, сцены братания с красноармейцами, которые со своей стороны были счастливы, что бои наконец-то закончились и что они выжили.

Рут Андреас-Фридрих принадлежала к группе сопротивления и до самого конца распространяла листовки, призывающие жителей Берлина сдаться. Именно "вервольфы" - горстка немцев, продолжавших сопротивляться еще долго после взятия Берлина Красной армией, - а не русские, были врагом. Когда пришла Красная Армия, она испытала невероятное облегчение. Она и ее товарищи по сопротивлению радостно приветствовали советских людей, пытались общаться с ними на ломаном русском языке и показать им дорогу, чтобы помочь им раз и навсегда покончить с нацистским режимом.

Берлин падал постепенно. Некоторые районы, например, Вайсензее, где проживало большое количество коммунистов, сдались сразу же, из окон вывесили красные флаги. Панков и Веддинг оказывали сопротивление еще несколько дней. Гитлерюгенд, Хайматшутц, полиция и пожарные сражались в надежде, что им удастся в последний раз переломить ситуацию. В Вильмерсдорфе и Шенеберге советским войскам пришлось сражаться от дома к дому и расчищать себе путь с помощью ракетных установок. В Грюневальде и Тегеле при свете сигнальных ракет можно было читать газеты по ночам. Эсэсовцы продолжали патрулировать улицы, казня любого человека в форме, который выглядел как дезертир, взрывая мосты и разрушая как можно больше инфраструктуры, чтобы отсрочить завоевание Берлина.

По мнению многих очевидцев, первая линия советских завоевателей состояла из дисциплинированных и хорошо воспитанных солдат, которые не обижали женщин. Но потом пришли другие, не со сладостями, а требуя прав, причитающихся завоевателям: женщин покоренных. —48

Сомневаюсь, что все было действительно так. Разница между цивилизованными и агрессивными солдатами также могла быть связана с внутренней иерархией и различными ценностями в воюющих обществах. Это был вопрос защиты чести настоящих воинов, которые первыми дошли до Берлина, в отличие от подразделений, прибывших позже. Поэтому я считаю, что в очередной раз динамика взаимодействия между немцами и советскими войсками привела к тому, что ситуация все больше выходила из-под контроля.

Райан описывает мучения Урсулы К. в Целендорфе, матери 6-летних дочерей-близнецов и 7-месячного сына, которую после изнасилования ночью четырьмя русскими солдатами, утром снова настигли два советских солдата с ножами в сапогах и меховых шапках. Она выбежала из дома в здание на другой стороне улицы, где нашла ванну. Перевернув ее вверх дном, она залезла в нее вместе со своими детьми. Или 18-летняя Юлиана Б., которая замазала лицо и светлые волосы черной краской и спряталась под диваном. В соседнем подвале находились два старика. Вдруг один из них закричал: "Она там! Там! Под диваном". Пока молодой, опрятного вида солдат начал раздевать ее, она использовала различные стратегии, чтобы защитить себя. Сначала она плакала и умоляла, затем твердо и вежливо попросила его вести себя прилично. Солдат стал выглядеть раздраженным. Наконец она закричала на него: "Я просто не люблю тебя! В этом нет никакого смысла! Я просто не люблю тебя! Солдату этого было достаточно. Он выругался и выбежал из подвала."⁴⁹

Ее подруге и матери подруги не повезло. Они проглотили яд после изнасилования. Даже родильный дом Haus Dahlem не

остался в стороне. Украинский повар был обстрелян при попытке изнасилования, беременные и недавно родившие женщины подвергались издевательствам. Чем дольше продолжались бои и солдаты находились в опасности, тем сильнее становилась их ярость. Алкоголь, который внезапно стал легкодоступным, сделал все остальное.^{[50](#)}

Советы нападали не только на немецких женщин. Они также насиловали советских рабынь, евреев, недавно освобожденных из концлагерей, и противников нацистского режима. Рут Андреас-Фридрих, пророссийский боец сопротивления, с ужасом писала в своем дневнике 6 мая 1945 года:

В течение четырех лет Геббельс говорил нам, что русские будут нас насиловать. Что они оскверняют и грабят, убивают и сжигают. Пропаганда, говорили мы в ужасе и с нетерпением ждали прихода союзников-освободителей. Мы не хотели разочаровываться сейчас. Мы бы не выдержали, если бы Геббельс оказался прав. Двенадцать лет мы находились в оппозиции, и теперь хоть раз мы хотели быть на правильной стороне.

Но этому желанию не суждено было сбыться. Она не могла быть благосклонна к тому, что происходило сейчас.

Она была встревожена и озадачена. Куда бы она ни пошла, она находила одни и те же несчастья: кражи, грабежи, насилие.

Победоносная армия с неослабевающей жадностью набросилась на берлинских женщин. Мы навестили Ханнелоре Тиле, подругу и одноклассницу Хайке. Она ютилась на своем диване. Когда мы вошли в комнату, она едва подняла голову. Я хочу покончить с собой", - рыдала она. Я не могу так жить". "Неужели все было так плохо?" - осторожно спросила я. Она жалобно посмотрела на меня. 'Семь', - мрачно сказала она. Семь раз подряд. Как животные".

В Кляйн-Махноу Рут Андреас-Фридрих познакомилась с Инге Цаун, 18-летней девушкой, которая была совершенно невинна в сексуальных вопросах:

Теперь я знаю все. В шестнадцать раз больше. Как можно защищаться, - тупо и равнодушно размышляла она, - когда они стучат в дверь и палят из винтовок без разбора? Каждый вечер новые, разные. Когда они взяли меня в первый раз и заставили отца смотреть, я думала, что умру. Позже...", - она делает усталый жест рукой. 'С тех пор их капитан поддерживает со мной отношения, он единственный, слава богу. Он слушает меня и помогает следить за тем, чтобы других девушек оставляли в покое".

Разочарование, которое испытывают эти противники Гитлера, велико. Они растлевают наших дочерей, насилуют наших женщин", - говорят мужчины. В городе нет других тем для разговора. Девушек прячут в крышах домов, хоронят в угольных бункерах или укутывают, как старух. Почти никто не спит в собственном доме". Рут Андреас-Фридрих слышит, как взволнованный отец говорит:

"Честь потеряна, все потеряно". [Он дает своей дочери, которая была осквернена двенадцать раз, веревку. Она послушно берет ее и вешается на ближайшей стене. Если тебя осквернили, то ничего не остается, кроме смерти", - сказала учительница в классе для девочек за два дня до обвала. Больше половины учениц сделали свои выводы и утопились в ближайшем озере. Честь исчезла, все исчезло.^{[51](#)}

Вскоре Рут Андреас-Фридрих также стала свидетельницей последствий массовых изнасилований. 18 августа 1945 года она отметила, что официальные врачи говорят о смягчении законов об абортах: "Семя, которое наши победители посеяли в первые недели мая, теперь начало прорастать. Еще полгода, и тысячи детей увидят свет, не зная, кто их отец, зачатые в страхе и рожденные в серый мир. Стоит ли позволить им жить?

Сегодня мы знаем, что это были не тысячи. В 1956 году министр финансов Берлина подсчитал, что в результате насилия было зачато около 200 "русских детей".^{[52](#)} Но официальные врачи шли навстречу, потому что существовал большой медицинский спрос: 10 процентов берлинских женщин страдали венерическими заболеваниями. На черном рынке цена лечения сальварсаном составляла два фунта кофе, или 100 марок за инъекцию. Компания Hoechst выпустила это органическое соединение мышьяка в 1914 году как первое эффективное средство от сифилиса. Теперь он пользовался огромным спросом. Сульфаниламиды были в дефиците.

Тем, кто имеет несчастье заразиться "монгольским" сифилисом, помочь невозможно. Пенициллин? Возможно. Но для нас пеницилина нет. Он есть только у союзников. Девушки и женщины в смятении сидят в приемных врачей. 'Я умру?' - спрашивают некоторые. 'Неужели мне придется выносить его до срока? Неужели мне придется произвести его на свет?' - с тревогой спрашивают другие.

Врачи не проявили особого сочувствия или понимания. Этот аспект будет рассмотрен позже. Параграф 218 Уголовного кодекса, запрещающий аборт, оставался в силе, но неофициально игнорировался. Это было время полного произвола. Не все воспринимали это так, как одна из подруг Рут Андреас-Фридрих:

Конечно, мы согласны с показаниями", - сказал Франк с убежденностью истинного верующего. Дети, зачатые в результате насилия, - это нарушение человеческого достоинства. Женщины также имеют право на самоопределение. Нам давно пора отказаться от унылого мнения, что они не более чем машины для производства детей. Средство для достижения цели. Демографические дойные коровы. Человечество не вымрет, если параграф 218 будет отменен.⁵³

Точка зрения, которая остается спорной и сегодня.

ЧЕРЕЗ ГОД

Когда мы думаем о массовых изнасилованиях в Берлине, мы видим фотографии любого количества испуганных женщин, которых вытаскивают из подвалов после прихода Красной армии в начале 1945 года. Но какими бы яркими ни были эти

фотографии, они не рассказывают всей истории. Ситуация не изменилась после оккупации города. В 1946 году полицейские участки в разных зонах продолжали сообщать о происшествиях с представителями оккупационных войск.

В милицеских отчетах почти всегда речь идет о женщинах, ставших жертвами грабежа с отягчающими обстоятельствами, телесных повреждений, убийств и изнасилований или покончивших жизнь самоубийством после таких действий. Преступниками были военнослужащие, причем не только советские. Милицеские отчеты очень сдержанны в своем тоне. Советские или другие люди в форме оправдываются, а слово "якобы" встречается почти постоянно. Количество отчетов только за период с июля по декабрь 1946 года впечатляет. Они передают впечатление ежедневного ужаса от преступлений, совершаемых в домах, но часто и на открытых улицах. Женщины становились жертвами без разбора, а преступниками были солдаты всех четырех оккупационных держав.⁵⁴ Страх, будучи ребенком или женщиной, встретить кого-то одного на улице или оказаться на улице ночью, сохранялся еще долгое время после этого.

Выдержки из полицейских отчетов

Около 5 часов утра 23 июля 1946 года специальный автобус BVG двигался по улице Нойендорфер в Шпандау. Транспортное средство внезапно остановилось рядом с полицейской машиной. Изнутри автобуса слышались женские крики о помощи, и полицейский увидел, как двое мужчин, один из которых был одет в форму советского военно-морского флота, держат женщину. Когда полицейский попытался подойти, мужчины стали угрожать ему пистолетом. Однако ему удалось вызвать женщину из автобуса, который продолжил свой путь.

Около 22 часов 26 июля 1946 года Герда Х.... подверглась нападению в Клостербюшене, примерно в 200 м к востоку от контрольно-пропускного пункта Бранденвердер, со стороны двух человек в советской форме. Нападавшие безуспешно пытались изнасиловать Г. Затем они избили жертву, а когда она закричала о помощи, им удалось скрыться без опознания.

Около 11 часов вечера 28 июля 1946 года часовой Петер Л.,... в Шпандау, ам Бункер, подвергся нападению двух человек в советской форме. Л. попытался прийти на помощь двум женщинам, к которым приставали нападавшие. Он получил серьезные травмы и был госпитализирован в больницу Шпандау. Прибывшая на место происшествия полицейская машина установила, что двое нападавших были арестованы двумя представителями британских оккупационных властей.

Примерно в 11.30 вечера 8 августа 1946 года Эрна А., урожденная Б., родившаяся 7 июня 1907 года, проживавшая по адресу: Берлин SW 61, Tempelhofer Ufer 16, была спасена живой из канала Ландвера курсантом полиции и двумя гражданскими лицами. По словам А., она была брошена в канал двумя красноармейцами после попойки. А. была освобождена и отпущена домой.

9 августа 1946 года, примерно в 2.15 ночи, Ильза М... предположительно подверглась нападению и изнасилованию на углу Рейникендорферштрассе и Иранишештрассе двумя лицами в советской форме.

Около часа ночи 11 августа 1946 года водитель трамвая Отто Х.,... проживающий в Берлине-Нойкёльне, явился в полицейский участок 220 и сообщил, что известный ему советский гражданин проник в его квартиру с намерением изнасиловать его внучку. На место происшествия прибыл полицейский курсант с американским членом парламента, но преступник уже уехал. Его автомобиль был конфискован.

Около 22 часов 16 августа 1946 года человек в советской форме ворвался в квартиру на улице Килер, 18 и предположительно изнасиловал проживающую в Берлине Элизабет Л.,..., которая в это время находилась в гостях. Нападавшему удалось скрыться без опознания. Советская комендатура была проинформирована.

Примерно в 2.15 ночи 26 августа 1946 года 50-летняя Эмма К. и 41-летняя Анни О., Берлин N20,... подверглись нападению в квартире К. в Берлин-Лихтенраде нескольких предположительно русскоговорящих лиц. О. была изнасилована под дулом пистолета. Были похищены: одежда, продовольственные карточки, удостоверения личности, радиоприемник и около 950 RM наличными.

31 августа 1946 года около 22:15 вечера 28-летняя строительная работница Хедвиг К. предположительно подверглась нападению и изнасилованию в Шенефельде пятью лицами в советской форме. Были проинформированы соответствующая комендатура и уголовная полиция.

Примерно в 22.15 4 сентября 1946 года госпожа Хелене С..., переходя мост на Хизештрассе, была вынуждена под дулом пистолета человеком в советской форме сесть в остановившуюся рядом с ней машину. Затем преступник отправился в направлении станции Вюльхайде, остановился на фермерской дороге в Карлсхорсте и изнасиловал С., предположительно, один раз в машине и второй раз на улице. Когда подъехала машина, нападавший бросил С. и скрылся на своем автомобиле.

5 сентября 1946 года советские солдаты ворвались в квартиру на Вюртембергалле, Шарлоттенбург, и выбросили домработницу из окна, сразу же убив ее.

Ночью 8 сентября 1946 года женщину, которая тянула ручную тележку в Райникендорф-Весте, остановили несколько человек во французской форме, душили, обыскивали и издевались. Когда мужчина пришел на помощь женщине, нападавшие отпустили ее и напали на мужчину, который остался лежать на земле, предположительно сильно истекая кровью. Французские парламентарии были проинформированы.

Около 11 часов вечера 9 сентября 1946 года на садовника Эрику Э. (...) было совершено нападение в Лихтерфельде-Запад. Как утверждается, она была полностью раздета, а нападавшие помочились ей в лицо и рот. Когда Е. удалось убежать и позвать на помощь, нападавшие скрылись в направлении Нойхателлерштрассе, забрав с собой всю одежду Е. Американские члены парламента были проинформированы об этом инциденте.

Около 10.30 вечера 14 сентября на коммерческого клерка Марианну В., родившуюся 14 сентября 1925 года, напали шесть человек в американской форме и, предположительно, изнасиловали. Нападавшие скрылись без опознания на джипе № 43318. Американские парламентарии были проинформированы об этом инциденте.

18 сентября 1946 года Вальтрауд П.... предположительно подверглась приставаниям на Гартенплац со стороны опьяневшего человека в советской форме и была изнасилована им в развалинах Гартенплац 4. Французская жандармерия была проинформирована, но преступника установить не удалось.

Примерно в 10.30 вечера 24 сентября 1946 года школьница Ильзе Ж., родившаяся 8 апреля 1933 года, была доставлена на машине американского парламентария в их участок. По ее словам, в Тилаллее ее якобы остановил солдат в русской форме, отвел в русский караул и там изнасиловал. Она была госпитализирована в больницу Штубенраух.

28 сентября 1946 года Гертруда Г., родившаяся 23 августа 1922 года, была найдена в подъезде одного из домов с тяжелым пулевым ранением в грудь. Согласно проведенному на сегодняшний день расследованию, советский гражданин Алекс К. выдал себя русской комендатуре в Панкове как предполагаемый нападавший. Рапорт криминальной полиции был направлен прокурору Красной Армии.

26 сентября 1946 года госпожа Кристель О., 1914 года рождения, была обнаружена с серьезными травмами головы и госпитализирована в городскую больницу Берлин-Штеглиц. Предположительно, на нее напал человек в американской форме.

Около 11 часов вечера 2 октября 1946 года домашнюю прислугу Ингеборг Р... спросили дорогу на Кайзераллее два человека в американской форме, которые остановили свою машину на Курфюрстендамм. Ее якобы попросили сесть в машину, чтобы показать им дорогу. Однако машина поехала в направлении Грюневальда. Там один из пассажиров вытащил ее из машины и изнасиловал. У нее украли сумочку с 450 RM наличными, продовольственными карточками и документами, удостоверяющими личность.

Около 11 часов вечера 3 октября 1946 года Марлис П..., проживавшая со своими родителями, предположительно была изнасилована на Рёдерштрассе двумя лицами в советской форме. П. была госпитализирована.

Около 0.15 утра 20 октября 1946 года госпожа Герда К., 1920 года рождения, и госпожа Хедвиг Л., 1919 года рождения, направлявшиеся из Штендаля на Мохренштрассе, были атакованы двумя лицами в советской форме и изнасилованы под дулом пистолета.

Около 17 часов 25 октября 1946 года опьяневший человек в советской офицерской форме предположительно попытался изнасиловать в ресторане Анну М., 1890 года рождения, уборщицу ресторана Habsburger Hof. Находившемуся там в это время официанту угрожали пистолетом. Американским парламентариям, которые были немедленно подняты по тревоге, удалось арестовать преступника.

25 ноября 1946 года около 21:30 вечера два человека в советской форме напали на кухарку Эмму В.... на улице Цинновитцер и предположительно изнасиловали ее. У нее были похищены документы, удостоверяющие личность, и около 130 RM наличными.

Около 4 часов утра 9 декабря 1946 года два человека, предположительно в советской форме, и три человека в гражданской одежде, говорившие на ломаном немецком языке, ворвались в квартиру слесаря Уилла У., 1904 года рождения, предположительно изнасиловали его жену и похитили все белье, одежду и спиртовой паек. Нападавшим удалось скрыться без опознания.

Около 6.30 утра 18 декабря 1946 года Вилли П. сообщил в полицейский участок, что нашел свою подругу Фриду Л... мертвой в квартире. Врач установил, что она была задушена, и обнаружил на ней царапины. Проведенное на сегодняшний день расследование показало, что Л. привела в квартиру советского солдата, чтобы переночевать.

Мы не знаем историй, стоящих за этими полицейскими отчетами, но мрачные и лаконичные описания дают представление об опасностях, которым ежедневно подвергались берлинские женщины со стороны союзных войск еще долгое время после окончания войны. Сколько еще сексуальных преступлений так и не было доложено полиции, у которой в любом случае были связаны руки? И как бы это выглядело, если бы мы применили сегодняшние стандарты сексуальной агрессии? Осторожный язык отчетов создает достаточное впечатление об уязвимости берлинцев перед сексуальной агрессией со стороны оккупационных войск через восемнадцать месяцев после окончания войны.

ДРУГОЙ ВЗГЛЯД

В течение долгого времени, возможно, даже сегодня, стереотип русского варвара-насильника доминирует в исторической перспективе. Эта искаженная картина объединила в себе все исторически накопившиеся обиды и опасения немецкого населения по поводу большевизма и "недочеловеков" с Востока, презираемых нацистами. Массовые изнасилования во время бегства и изгнания с Востока и в Берлине подтвердили идею об отсталости русских, бытовавшую в Западной Европе на протяжении почти двух столетий. Столько же времени русские защищались от пресловутых очерняющих стратегий Запада,

намеренно демонстрируя мужественность и силу, подобно тому, как это делает сегодня Владимир Путин.^{[55](#)}

Предрассудки быстро выходят на первый план при обсуждении насильников из Красной Армии. 'Русские' получили приказ свыше насиловать немецких женщин, Сталин назвал трехдневные оргии изнасилования 'майскими праздниками'; советские люди не были наказаны за свои деяния. Единственная правда в этих утверждениях заключается в том, что Сталин, как говорят, сделал одно тривиальное замечание: нужно ценить, что "солдат, прошедший через кровь, огонь и смерть, будет получать удовольствие от женщины".^{[56](#)}

Преступники того времени сводятся к двум схематичным типам: образованный офицер, цитирующий Толстого, который берет беззащитную немецкую женщину под свое крыло (и покрывало), и пьяные толпы грязных неграмотных людей из глубинки, которые нападают на немецких женщин всех возрастов. Эта схема нерушима, что еще раз продемонстрировала недавняя телепередача "*Unsere Mütter, unsere Väter*". До сих пор было мало попыток взглянуть на этот вопрос с российской точки зрения, и поэтому я хотел бы попытаться сделать именно это.

Самые очевидные заблуждения об изнасилованиях, совершенных красноармейцами, можно быстро развеять. Изнасилование вражеских женщин было официально запрещено и каралось смертью. Многие виновные были казнены без суда и следствия, расстреляны по приказу начальства.^{[57](#)} Если виновный предстал перед судом, обычным приговором было пять лет в исправительно-трудовом лагере. Армейское командование старалось держать

ситуацию под контролем, насколько это было возможно, не только из-за опасности недисциплинированности, но и потому, что советская система должна была быть превосходной и образцовой, а красноармейцы должны были стать освободителями, а не новыми тиранами. Именно поэтому впоследствии солдат размещали в казармах, запрещали доступ посторонних, проводили патрулирование и вводили комендантский час. В Вене было запрещено любое "бесцельное блуждание по ночам". Проводилось обучение правильному обращению с населением - в отличие от армии США и Великобритании, советским солдатам не запрещалось браться (запрет, который американцы также быстро ослабили). Однако существующих правил и новых мер оказалось недостаточно, чтобы положить конец изнасилованиям. Факторы, способствующие сексуальной агрессии, были, очевидно, более убедительными, чем сдерживающие или дисциплинарные меры.

Сначала я хотел бы рассмотреть возможные личные мотивы мужчин, прежде чем рассматривать более общие структурные причины. Что происходило в головах мужчин, которые поддавались искушению совершать акты сексуальной агрессии против женщин? Когда красноармейцы вступили на территорию Германии, они уже пережили ужасный опыт. В отличие от надежды на то, что простые немцы отвернутся от своего капиталистического режима и перейдут на сторону своих "братьев" на Востоке, солдаты Красной Армии впервые стали свидетелями того, как вермахт проник более чем на 1000 километров в Советский Союз, оккупировал 1,5 миллиона квадратных километров советской территории и осквернил

"матерей" и "невест" России, как гласила гендерная мифология того времени. Только к концу 1941 года потери советского населения достигли 3,14 миллиона человек убитыми, пропавшими без вести или попавшими в плен.⁵⁸ Только в декабре 1941 года вермахт был задержан у ворот Москвы. Ситуация изменилась после победы Красной Армии под Сталинградом. Благодаря растущему превосходству в людях и материальных средствах им удалось освободить огромные территории. К концу 1944 года советские войска сняли блокаду Ленинграда, освободили большую часть Прибалтики, Белоруссии, Украины и Крыма. Уверенность росла, но росли и людские потери: около 80 процентов личного состава Красной Армии были убиты или ранены в боях в течение последних недель. Все больше и больше людей из отдаленных регионов Сибири и Центральной Азии пополняли ряды. Сплоченность частей была ослаблена постоянными перепадами.

Наконец, в начале 1945 года две крупные наступательные операции возвестили об окончании Великой Отечественной войны. Крупные батальоны достигли Восточной Пруссии, Вартеганда, Силезии и Одера. Теперь около 3,5 миллионов советских солдат из состава 1-го, 2-го и 3-го Белорусских фронтов, 1-го Украинского фронта и части Прибалтики, а также 4-го Украинского фронта в январе объединились с польскими частями и образовали 900-километровый фронт от Мемеля до Карпатских гор. Они надеялись, что, несмотря на тяжелые потери, Висло-Одерская и Восточно-Прусская наступательные операции приведут к окончательной и полной победе над гитлеровской Германией.

Для солдат Красной Армии, впервые вступивших в большом количестве на немецкую территорию, это была не просто вражеская территория, а, как пишет Эльке Шерстяной, "земля главного врага, места, где они тренировались и где находились их важнейшие резервы и дома". Дальнейшие операции в восточной Померании и наступление на Берлин со стороны Одера стали воплощением высказывания Сталина, сделанного годом ранее: "Идите по следам раненого немецкого зверя и нанесите ему смертельный удар в его собственном логове"⁵⁹.

Трансформация чувствительного офицера

Владимир Гельфанд, 21-летний лейтенант 1052-го артиллерийского полка, симпатичный еврей из Украины с аттестатом о среднем образовании, с литературными задатками, член партии и поклонник американского президента Франклина Д. Рузвельта, вел дневник на протяжении всей своей военной службы и пребывания в оккупационной армии в Германии. Его психическая трансформация, насилие и жестокость в последние месяцы войны реконструируются здесь как типичный пример того, что почти наверняка было более общим процессом.

14 января 1945 года его подразделение находилось к югу от Варшавы. Он и его солдаты были измотаны боями, но поскольку Гельфанд был офицером, он старался не показывать этого:

Вокруг грохочут, свистят, воют и ревут артиллерийские снаряды, а ты сидишь между жизнью и смертью и можешь только ждать решения судьбы, которая уже не раз играла свою роль в твоей жизни.... Мы находимся в поле зрения врага, и его яростные атаки направлены на наши позиции и наполняют наши сердца отчаянным страхом. Солдаты ругаются - они в ужасном состоянии. Но я молчу и не показываю своего страха, потому что офицер должен иметь стальные нервы. [60.](#)

Три недели спустя подразделение Гельфанда находилось в 70 километрах от Берлина. Бои по-прежнему несли огромные потери, и половина его людей попала "в пасть смерти"; "Это неопиcуемый кошмар и ничего больше". [61](#) Неделю спустя во Франкфурте-на-Одере Гельфанда изъели вши, шел непрекращающийся дождь. Двое из его людей изуродовали себя, чтобы их отправили домой, и были за это расстреляны. У него были проблемы с начальством, его завалили толпами и лишили воинских почестей. Но он не хотел иметь ничего общего с преступлениями, совершенными его армией против немецких гражданских лиц. Он отметил, что вражеские женщины исчезли "с тех пор, как мы пронзили одну копьем и привели ее голой на немецкие позиции". [62.](#)

Вид немецких девушек и советских проституток возбуждал его, но он по-прежнему не хотел покупать секс или получать его силой. Когда Гельфанд дошел с Красной армией до Берлина, он был ошеломлен процветанием и культурой своего врага. Он думал, что теперь все будет советским, и радовался великой победе. Он был убежден в превосходстве Красной Армии не только потому, что так сложилась война. Когда он стоял рядом

с полковником Антоновым во время парада, он был глубоко тронут.

Первые дни в Берлине стали самыми запоминающимися в его жизни. Он научился ездить на велосипеде и познакомился с замечательной девушкой, которая попросила его защитить ее после того, как ее изнасиловали в течение целой ночи на глазах у родителей. Она сказала ему: "Ты можешь спать со мной. Ты можешь делать со мной все, что захочешь, но только ты. Я готова трахаться с тобой, делать все, что ты хочешь, но только спаси меня от этих мужчин с этой ш...!". Гельфанд поддался искушению, но решил, согласно дневнику, исполнить свой солдатский долг.^{[63](#)}

Но вскоре ему стало скучно в Берлине. Он начал все больше и больше думать о немецких женщинах. Его отношение к ним было более чем двойственным: они привлекали его, но в то же время идеологически отталкивали: "Девушки здесь либо изящные, но холодные, либо страстные, но угрюмые. Другие некрасивые или без фигуры. Русские девушки горды и очень чувствительны ко всем тонкостям разговора".^{[64](#)} Идеализация добродетельной советской женщины дома и демонизация аморальной западной женщины была традиционной темой коммунистической идеологии. Различия касались даже внешнего облика: накрашенная немка в шубе и неиспорченная женщина дома в крестьянской блузке. Советский образ немецких женщин представлял собой манящее, но развратное создание, а немецкая сексуальная мораль, несомненно, в результате идеологической индоктринации, воспринималась как порнографическая помойка.

Гельфанд культивировал необычное для того времени амбивалентное представление о женщинах как о святых и шлюхах. В Советском Союзе сталинских времен отношения между полами были несколько чопорными. Мужественность проявлялась в идеале в борьбе с врагом и в идеологической преданности долгу. Сексуальная страсть считалась буржуазным пороком. Ленин отрицательно относился к похоти и выступал за моногамию, утверждая, что здоровые физические упражнения и долгие посиделки с кипами книг предпочтительнее сексуальных отношений.⁶⁵ После долгих часов, проведенных за верстаком, хороший коммунист скорее пойдет на собрание или читать *"Правду"*, чем к женщине. После того как после революции была отменена "буржуазная мораль", разводы, аборты и семейное законодательство были смягчены, а после катастрофического голода 1920-х и 1930-х годов Советы вновь установили более строгие правила морали и ужесточили законы. В то же время фантазии о противоположном поле колебались между романтическим экстазом и откровенным отвращением, как отметил Гельфанд в своем дневнике.

Несмотря на свои сомнения, Гельфанд переспал с немкой, очевидно, по обоюдному согласию. Очевидно, это был его первый раз, и он был горько разочарован несоответствием между фантазиями, о которых он читал, и реальностью. Раздраженный повседневной солдатской жизнью, он все больше и больше отказывался от романтических надежд на нормальную любовную жизнь. Когда его расквартировали под Берлином в качестве солдата-оккупанта, он все чаще искал контактов с женщинами, немецкими и русскими, и заразился

гонореей. Он становился все менее избирательным - и все менее внимательным. Одна знакомая, которую он называет просто "женщина", была антисемиткой. Постельная сцена с ней имела, по крайней мере, некоторые признаки силы: "Она не была сексом на одну ночь... Я продолжал уговаривать ее и начал использовать свои руки".⁶⁶ Его чувствительность уступила место прагматизму постепенного огрубления, изоляции, разочарования и, в конечном счете, безлюдности оккупантов. В конце концов, он был всего лишь человеком, который не мог вынести "заточения души, одиночества". Так он оправдывал свои беспорядочные сексуальные контакты, принижая и игнорируя сопротивление, которое оказывали некоторые женщины, в том числе 16-летняя девушка. Он снова заразился венерической болезнью, перенес болезненные инъекции скипидара и катетеризацию, но это не удержало его от следующего сексуального завоевания.

В целом, в дневнике Гельфанда сочетаются мотивы мести, обида на немцев, разочарование собственным положением в армии, одиночество и убежденность в том, что как завоеватель он имеет право обращаться с женщинами таким образом, который, по крайней мере, очень близок к открытому насилию и агрессии.

В "логово зверя"

Военные письма других молодых русских и украинцев, белорусов и прибалтов, казахов, узбеков и кавказцев, которые не были офицерами, как Гельфанд, отражают противоречивые чувства, с которыми боролись солдаты во время войны и оккупации.⁶⁷ Первое, что бросается в глаза, это использование языка. В своих письмах красноармейцы неоднократно

ссылаются на сталинское описание германского рейха как "логова фашистского хищника". Враг снова и снова обозначается как "бандит", "проклятый немец" или "ненавистная немецкая тварь", обвиняемый не только в зверствах, совершенных против собственного народа, но и в том, что солдатам пришлось три с половиной года сражаться вдали от родных мест.

Письма советских солдат полны плохо скрываемого желания отомстить, которое в равной степени связано как с адресатами - семьей и родственниками, так и с самими авторами писем. 3 января 1945 года Владимир Иванович писал:

Отец, я сражаюсь на земле врага, врага, который принес столько бед и несчастий вам, моей дорогой семье, который стал причиной смерти моего брата и вашего сына, который разлучил нас. Вы потеряли свой дом и все свое имущество, приобретенное за долгие годы. Вы пролили слезы обо всем, что враг сделал с нашим домом, с нашим Вогородом. И вот теперь я оплачиваю за это. В стране врага каждый наш солдат - хозяин, и каждый мстит, как может. И нет пощады ни в одном доме. Ни мебели, ни часов, ни зеркал. Их дома были хорошо обставлены. Они все оставили. Все разбито вдребезги. Пусть их жены, матери и остальные прольют слезы за все, за что вы их пролили.^{[68](#)}

Желание отомстить было направлено на весь немецкий народ, а не только на представителей нацистского государства. Михаил Аронович, 1915 года рождения, писал 23 января 1945 года: 'Все они виновны, все они приговорены к смерти, и поэтому все они пытаются отсрочить дату своей казни. Тем хуже для их государства и их поколения'.^{[69](#)}

Частой причиной гнева было материальное богатство немцев. В течение многих лет Советам внушали, что их собственная система справедливее и лучше, что немецкая буржуазия и капиталисты выжимают свой собственный народ досуха, а сами живут в роскоши. Теперь солдаты Красной Армии узнали, что большинство немцев, а не только высшие классы, жили хорошо. Даже после шести лет войны они по-прежнему имели полные кладовые и жили в немыслимом комфорте. Немецкие нацисты разбогатели, как утверждалось, от своих набегов на Восточную Европу. Поэтому солдаты, естественно, имели право на все, что они находили в немецких домах. Немецкий уровень жизни изображался как рай. Павел Василевич, 1924 года рождения, писал 25 января 1945 года в таком же тоне своим родителям:

Что касается трофеев, то я не знаю, как вам их описать. В основном, водка течет ручьями, есть вся еда, какую только можно пожелать, не говоря уже о великолепных дворцах, где стены блестят, как мрамор, где шелковые занавески сшиты золотом, и вы погружаетесь в пуховые перины, как в море, когда ложитесь спать. Я сижу в поместье богатого немца; повсюду диваны, кресла, шелка, полы сверкают, как зеркала. Представьте себе, солдаты, которые никогда не видели ничего подобного, теперь чувствуют себя лордами. Это неудивительно, ведь они прошли тяжелый путь и своим честным трудом заслужили право владеть этими сокровищами. Сейчас мы восстанавливаемся после ужасных и тяжелых дней прошлого.⁷⁰

Чем больше солдаты становились свидетелями зверств, творимых немцами, и чем больше они видели богатства своими

глазами, тем сильнее в них закипали ненависть и разочарование. Василий Иванович, капитан, писал 27 января 1945 года:

Мы бьем по ним изо всех сил, дорогая Сура, чтобы отомстить гуннам и фрицам, а их презренные женщины и их выводок гадюк разбегаются во все стороны. Я не думаю, что они далеко уйдут. Мы будем искать их на краю света, как говорил товарищ Сталин, и свершим свой суд над этими отбросами человечества.

[71](#)

Немецкий страх перед Красной Армией, казалось, еще больше усиливал ярость солдат. Майор Анна Владимировна в конце января 1945 года презрительно писала о том, какими жалкими были немцы: 'Все бегут и все бросают. Как обычные паразиты. Боятся своей участи. А ты чувствуешь силу, русскую гордость и хочется петь'.[72](#) Снова и снова корреспонденты писали, что не испытывают сочувствия к немецким женщинам. Михаил Борисович, слесарь из Киева, писал: "Мужчины были непосредственными исполнителями этих преступлений, а женщины помогали им, если не физически, то морально, а дети готовились совершить те же преступления, что и их отцы, считая себя с рождения "выше всех".[73](#)

Пропаганда ненависти

В письмах выражаются не только личные чувства, но и зачастую официальные позиции, которыми солдат кормили вплоть до завершающей фазы войны через обучение и пропаганду. Как еще солдаты, приехавшие издалека, могли узнать, что немецкие женщины гнилые и никчемные? Как и американская армия, как мы увидим позже, они пришли с

образом европейских - и особенно немецких - женщин как легкомысленных, распутных и лишенных каких-либо моральных ценностей. Алексей С., военный корреспондент, погибший под Берлином, писал домой в феврале 1945 года: "Германия производит плохое впечатление. Это не страна, а огромный скотный двор. Спаривание и искусственное оплодотворение женщин происходит систематически. Люди прогнили до основания. Газеты и особенно журналы полны фотографий обнаженных мужчин и женщин во всех возможных позах и положениях. Это самая распространенная литература."

[74](#)

Явно преувеличенное представление о Германии у этих солдат поднимает вопрос о том, в какой степени военная пропаганда способствовала нападениям на немецкое гражданское население, в частности на женщин. Чтобы не было недоразумений, советская военная пропаганда располагала достаточной информацией о зверствах: условия освобождения концентрационных лагерей, таких как Майданек или Треблинка, не нуждались в преувеличении. Каждый солдат Красной Армии знал о массовых казнях своих собственных людей, о голодающих товарищах, попавших в плен, о сообщениях о советских рабах и еврейских узниках концлагерей. Мужчины и женщины не нуждались в обучении, чтобы знать, какой ужасный хаос творили немецкий вермахт и СС.

Тем не менее, очевидно, что советская военная пропаганда влияла на отношение Красной Армии к немецким солдатам и гражданским лицам. Советская интеллигенция сыграла важную роль в этом отношении. Известно стихотворение

Константина Симонова 1942 года, в котором он призывает советских солдат не проявлять милосердия к немецкому врагу: "Убей его! Если твой дом для тебя что-то значит, знай, что если ты его не убьешь, никто не убьет, так убей хотя бы одного! И убивайте быстрее! Как только увидишь одного, убей его!" ⁷⁵ Советская пропаганда изображала немцев ворами, убийцами, насильниками, кровопийцами и людьми с моралью животных.

Один из пропагандистов, работавших на Советский Союз, стал особенно известен в Германии. Илья Григорьевич Эренбург, родившийся в 1891 году в Киеве, в 1920-е годы жил как богема в Берлине и Париже, а в 1930-е годы сражался с антифашистами в Испании. С 1940 года он работал военным репортером в Москве. Он был далеко не единственным пропагандистом Сталина, но самым известным. Газета *Deutsche Soldatenzeitung* описывала его как "монстра в человеческом обличье, залитого кровью" и приписывала ему слова, которые он никогда не публиковал, в частности, призыв насилловать немецких женщин. Автор этого призыва не может быть установлен, поскольку он содержался в анонимной листовке, распространенной в конце войны.

Строки, опубликованные под именем Эренбурга, отнюдь не столь однозначны, как утверждает западная пропаганда. Один из самых популярных его памфлетов был озаглавлен "О ненависти" и содержит следующее: "Для нас немецкий солдат с оружием в руках - не человек, а фашист. Мы его ненавидим... Если немецкий солдат отпустит оружие и позволит взять себя в плен, мы не тронем ни одного волоса на его голове - он будет жить".

В другом месте Эренбург пишет о подходе Советской Армии к немецким преступникам: 'Бойцы Красной Армии не стремились и не будут стремиться к мести. Они хотят убивать убийц детей, а не их детей'. И "Советский солдат не будет приставать к немецкой женщине. Советский солдат не будет приставать к немецкой женщине, не будет вступать с ней в интимные отношения. Он выше ее. Он презирает ее за то, что она жена убийцы и имеет друзей-интриганов. Советский солдат будет молча проходить мимо немецких женщин". И еще раз недвусмысленно: 'Нам нужна не Гретхен, а фрицы, которые заразили наших женщин, и мы можем прямо сказать, что от этих немцев пощады ждать не приходится. Что касается немецких женщин, то они вызывают у нас только отвращение. Мы презираем немецких женщин за то, кем они являются - матерями, женами и сестрами палачей'.⁷⁶

Репутация участников боевых действий не должна пострадать

Советские власти вели пропаганду ненависти, но не призывали открыто насиловать немецких женщин - скорее наоборот, пытались ограничить ее. В феврале 1945 года, заботясь о послевоенном устройстве Европы, Сталин попытался противостоять пропаганде ненависти, указывая на разницу между нацистским режимом и населением: "Гитлеры приходят и уходят, а немецкий народ и немецкое государство остаются".

Военное руководство, в частности, быстро осознало, что мстительные настроения солдат вышли из-под контроля, поставив под угрозу продвижение Советской Армии. 6 февраля 1945 года начальник политотдела 2-го Белорусского фронта генерал-лейтенант Окоров созвал совещание членов секции

агитации и пропаганды. Он предупредил их, что пьянство, мародерство, поджоги и изнасилования, совершаемые солдатами, повредят "репутации Красной Армии как бойцов". Было бы опасно, если бы они стали недисциплинированными и просто искали сиюминутного удовлетворения: "Сначала они насилюют немку, потом полячку. Офицер приказывает им остановиться, а солдат выхватывает пистолет и стреляет в офицера. Может ли такой солдат сражаться самоотверженно? Нет. Все наряды, тюли и шелка, которые несли солдаты, замедляли продвижение, и не случайно немцы оставили все пивоварни и винокурни неповрежденными, а скорее это тактика, рассуждал Окоров: "Они знают, что пьяный боец не может воевать". Поэтому он требовал: "Конечно, наш народ испытывает огромную потребность в мести, и именно эти чувства привели наших бойцов в логово фашистского зверя и толкнули их на Германию. Но месть - это не то же самое, что пить и жечь". пришло время объяснить войскам, "что вы не будете ускорять поражение Германии, забивая до смерти какую-нибудь старую немку в глубинке".⁷⁷

С февраля 1945 года советское командование все чаще и чаще издавало директивы, призывающие войска лучше относиться к немцам. На карту была поставлена репутация бойцов Красной Армии как освободителей и мстителей, которая не должна быть дискредитирована пьянством, вандализмом и интимными отношениями с польскими и немецкими женщинами.⁷⁸ В апреле командиры 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов получили указания о необходимости гуманного отношения к немецкому народу и военнопленным. Суровое отношение вызывало страх и только усиливало

фанатизм немцев в их обороне. Гражданское население боялось мести и объединялось в банды: "Это не в наших интересах". Более гуманные отношения с немцами облегчат нам ведение войны на их территории и, возможно, ослабят стойкость немецкой обороны".⁷⁹ Через два дня была издана следующая директива, запрещающая мародерство и выселение без предоставления альтернативного жилья.

Ответственность за нападения часто перекладывалась на другие подразделения. Говорили, что пехота и передовые части, в частности, давали волю своим чувствам. В апреле 1945 года архитектор Борис Сергеевич писал своему знакомому, что необходимо продолжать работу, чтобы люди поняли, что они воюют не с женщинами и не за материальные ценности, а с "гитлеровцами". Однако он признавал: "Этого трудно добиться в повседневной жизни, поэтому мы часто идем по грязным следам наших передовых частей".⁸⁰

К концу апреля советские войска продвинулись до Берлина. Первое впечатление о берлинцах было положительным. Большинство населения было лояльно и заинтересовано в хороших отношениях с оккупантами. Многие, особенно коммунисты, пытались приветствовать солдат и офицеров и предлагали свои услуги. 'На берлинцев производит сильное впечатление контраст между тем, что говорила немецкая пропаганда о Красной армии и ее технике, и реальностью', - писал начальник 7-го отдела Политуправления 1-го Белорусского фронта 29 апреля 1945 года: 'Народ надеется на создание военных командных пунктов, чтобы навести определенный порядок и положить конец отдельным инцидентам, которые все еще происходят'⁸¹ Кроме того, по его

словам, в последнее время значительно уменьшилось количество изнасилований и других аморальных поступков.

Письмо следующего дня показывает, насколько ошибочным был этот оптимизм в действительности. 30 апреля 1945 года представитель Народного комиссариата иностранных дел СССР писал заместителю народного комиссара иностранных дел: "Несмотря на приказ военного совета об изменении отношения к немецкому народу, все еще имеется много случаев изнасилования.... Принятые до сих пор меры не были достаточно энергичными". Он приводит пример группы насильников, которые убили советского переводчика и сержанта из штаба советского командования за то, что они пытались предотвратить преступления. Сам командир был избит.[82](#).

Давно укоренившееся в Германии мнение о том, что советская военная пропаганда несет ответственность за насилие в отношении гражданского населения, в частности женщин, и что военное руководство поощряло его, нуждается в пересмотре. Тем не менее, факт остается фактом: акты насилия невозможно было предотвратить. Хроника событий от советской реконкисты до наступления на Берлин и оккупации немецкой столицы дает основу для большого количества ужасных случаев сексуальной агрессии. Из-за их значимости в то время, использования в пропагандистских целях и последующей инструментализации в холодной войне, и не в последнюю очередь из-за одностороннего внимания исследователей к преступлениям, совершенным Красной армией, зачастую жестокие действия советских солдат остались как неизменный образ в коллективной памяти. Более

пристальный взгляд на действующих лиц, их опыт войны, их ожидания и индоктринацию показывает, каким роковым образом взаимодействовали воюющие стороны и гражданское население и как их действия, предрассудки и ожидания почти неизбежно взаимно подкреплялись. Описания охоты советских комбатантов на немецких жертв напоминают заранее спланированную хореографию, в которой обе стороны знали свои роли и исполняли их как будто под дистанционным управлением.

Непосредственные основания

Более подробно объяснения массовых изнасилований будут рассмотрены позже. Пока же мы можем сказать, что с точки зрения отдельного солдата были непосредственные основания для оправдания такого поведения. Одним из таких оснований был мотив мести за преступления, совершенные немецким вермахтом и всей нацистской системой; месть за вторжение на их родину и нападения на их семьи; месть за своих собственных погибших солдат, за расстрелянных партизан, убитых военнопленных и рабов; месть за другие жертвы, такие как евреи и другие преследуемые группы, с которыми сталкивались солдаты Красной Армии при освобождении лагерей; месть за боль и ужас, пережитые самими солдатами, особенно в последние недели бессмысленного сопротивления немцев; и, конечно, месть за изнасилования немецких солдат.⁸³

Эти основания использовались и подкреплялись идеологической пропагандой для разжигания классовой ненависти и ярости по поводу унижения русского народа немцами. Кэтрин Мерридейл, специалист по истории Красной армии, увидела в советских солдатах долго копившуюся боль,

"не только во время войны, но и в течение десятилетий унижений, бесправия и страха". Победа над Германией дала им возможность "осознанно или нет... [выплеснуть] гнев, накопившийся за десятилетия государственного угнетения и повального насилия в Советском Союзе".⁸⁴ Этот мотив особенно применим к тем красноармейцам, на жизнь которых повлияли сталинская политика голода, ГУЛАГ и Великая чистка, и, наконец, тяготы войны.

Помимо опыта немецкой оккупации и мародерства, объяснением насилия может быть разочарование солдат своим положением в обществе и в армии. Мы увидим, что это относилось и к колониальным солдатам во французской армии, которые совершали массовые акты изнасилования на юге и юго-западе Германии, и к обездоленным афроамериканским солдатам в армии США, которые также рисковали своей жизнью за страну, которая их сегрегировала. И это также относится к другим обездоленным группам в этих армиях.

Еще одним мотивом насилия в конце войны было недовольство относительным благополучием немцев. Многие советские солдаты были выходцами из слаборазвитых регионов и могли только мечтать о водопроводе, велосипедах, часах и хорошо укомплектованных подвалах, которыми обладал враг. Богатство, с которым они столкнулись на завоеванной земле, было серьезным оскорблением и использовалось в пропагандистских целях, чтобы объяснить разграбление немцами их собственной страны.

Ненависть, месть и обида уже в то время были общепризнанными причинами сексуальной агрессии.⁸⁵ В качестве объяснения поведения преступников приводятся

также внутренние военные структуры: постоянные колебания в воинских частях, смена мест службы, обыски и реквизиции домов, доступ к большому количеству алкоголя и отсутствие дисциплины. Все это хорошие объяснения, но, на мой взгляд, они не проливают достаточного света на феномен массовых изнасилований в конце войны.

Мы не можем удовлетворительно объяснить, почему все эти мотивы привели именно к сексуальной агрессии, не принимая во внимание исторические гендерные роли. И Красная армия, и армия США также насиловали женщин своих "братьев" и союзников - поляков и француженок - по мере продвижения на территорию Германии. И это были не только жены, матери и дочери нацистов, но и те, кого преследовал нацистский режим. Таким образом, в основе этих актов лежало сочетание мотивов этнической и национальной мести и власти, а также гендерно-политических факторов, которые мы рассмотрим позже, после изучения актов изнасилования, совершенных американцами.

Примечания

- [1.](#) Sammlung Sterz, Feldpostbriefe, Bibliothek für Zeitgeschichte, Stuttgart, цитируется в Ian Kershaw, *The End: Hitler's Germany, 1944-45* (London 2011), p. 312.
- [2.](#) Hildebrandt and Kuballa, *Mein Kriegsende*, p. 221.
- [3.](#) Владимир Гельфанд, *Deutschland-Tagebuch 1945-1946: Aufzeichnungen eines Rotarmisten* (Berlin 2008), p. 112.
- [4.](#) Christian Goeschel, *Selbstmord im Dritten Reich* (Berlin 2011), p. 242; в целом, Kershaw, *The End*, pp. 112-15, 188.

5. Макс Домарус (ред.), *Гитлер: Reden und Proklamationen, kommentiert von einem deutschen Zeitgenossen*, vol. II/2 (Leonberg 1988), pp. 2204-5.
6. Elke Fröhlich (ed.), *Die Tagebücher von Joseph Goebbels, Teil I, Aufzeichnungen*, vol. 4 (Munich 1987), p. 696.
7. Christel Panzig and Klaus-Alexander Panzig, "Die Russen kommen! Deutsche Erinnerungen an Begegnungen mit "Russen" bei Kriegsende 1945 in Dörfern und Kleinstädten Mitteldeutschlands und Mecklenburg-Vorpommerns", in: Elke Scherstjanoi (ed.), *Rotarmisten schreiben aus Deutschland: Briefe von der Front (1945) und historische Analysen (= Texte und Materialien zur Zeitgeschichte 14*, опубликовано Institut für Zeitgeschichte) (Мюнхен 2004), pp. 340-68.
8. *Kriegsende und Neubeginn in Landkreis Eichsfeld 1945/1946* (Heiligenstadt 2003), p. 267.
9. Слухи в то время ходили в обоих направлениях. По слухам, колониальные солдаты жестоко вождели немецких женщин, а немецкие женщины безнравственно братались с врагом; см. Christian Koller, 'Feind - Bilder: Rassen und Geschlechterstereotype in der Kolonialtruppendifkussion Deutschlands und Frankreichs, 1914-1923', in: Karen Hagemann, Ralf Pröve and Stefanie Schüler-Springorum (eds.), *Heimat-Front: Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege* (Frankfurt 2002), pp. 150-67.
10. Kurt Redmer, *Die letzten und die ersten Tage: Dokumentation über Geschehnisse in Mecklenburg im 2. Weltkrieg und danach* (Schwerin 2007), pp. 121-8.

- [11.](#) Goeschel, *Selbstmord im Dritten Reich*, p. 241.
- [12.](#) Там же.
- [13.](#) Albin Segmüller, *Über reactive Selbstmorde und Selbstmordversuche in der Nachkriegszeit* (Nuremberg 1949).
- [14.](#) Bundesministerium für Vertriebene (ed.), *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*, vol. I/1 (Bonn 1954-6), p. 226.
- [15.](#) Goeschel, *Selbstmord im Dritten Reich*.
- [16.](#) См. Кершоу, "Конец", с. 114-17, 120, 122.
- [117.](#) Margret Boveri, *Tage des Überlebens: Берлин 1945* (Мюнхен 1985), с. 43.
- [18.](#) См. Heinrich Schwendemann, "Das Kriegsende im Ostpreussen und in Südbaden in Vergleich", in: Bernd Martin (ed.), *Der Zweite Weltkrieg und seine Folgen, Ereignisse, Auswirkungen, Reflexionen* (Berlin 2006), pp. 91-112.
- [19.](#) Bundesministerium für Vertriebene (ed.), *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen*, vol. I/1, pp. 28-31, 106.
- [20.](#) Bärbel Gafert, 'Kinder der Flucht - Kinder der Vertreibung 1945-1948', in: *Deutschland-Archiv* 40, 4/6 (2007), pp. 833-5.
- [21.](#) Леони Биаллас, "Комм, фрау, бешенство: Ich war Kriegsbeute (Leverkusen 2010), pp. 17-18.
- [22.](#) Там же, стр. 19-20.
- [23.](#) Ингеборг Якобс, *Freiwild: Das Schicksal deutscher Frauen 1945* (Berlin 2008), pp. 72-4.

- [24.](#) Albrecht Lehmann, *Im Fremden ungewollt zuhaus: Flüchtlinge und Vertriebene in Westdeutschland 1945-1990* (Munich 1993).
- [25.](#) Bundesministerium für Vertriebene (ed.), *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen*, vol. I/1, p. 23.
- [26.](#) Mathias Beer, 'Die Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa (1953-1962): Ein Seismograph bundesdeutscher Erinnerungskultur', in Jörg-Dieter Gauger and Manfred Kittel (eds.), *Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten in der Erinnerungskultur*, Eine Veröffentlichung der Konrad-Adenauer-Stiftung e.V. und des Instituts für Zeitgeschichte (Sankt Augustin 2004) pp. 17-37; обсуждение жертв см. на стр. 17-31, здесь стр. 21-2.
- [27.](#) Обсуждение документации см. в Robert G. Moeller, *War Stories: Поиск полезного прошлого в Федеративной Республике Германия* (Беркли 2001), стр. 51-87.
- [28.](#) В этой книге все имена сокращены, даже если они названы в источниках. В случаях из очень маленьких деревень или тех, которые легко идентифицировать по другим причинам, я также изменил инициалы. Я привожу полные имена только в тех случаях, когда жертвы опубликовали свои истории под собственными именами.
- [29.](#) Bundesministerium für Vertriebene (ed.), *Dokumentation der Vertreibung der*, vol. I/1, pp. 28-31.
- [30.](#) Там же, стр. 59-61.
- [31.](#) Там же, стр. 63-4.
- [32.](#) Там же, стр. 101.

- [33.](#) Там же, стр. 181.
- [34.](#) Там же, стр. 196.
- [35.](#) Там же, стр. 198.
- [36.](#) Там же, стр. 223.
- [37.](#) Там же, стр. 265.
- [38.](#) Там же, стр. 268.
- [39.](#) Там же, стр. 274.
- [40.](#) Gela Volkmann-Steinhardt, *Eine Stimme aus der pommerschen Passion: Erlebnisse aus dem deutschen Zusammenbruch 1945* (Freiburg i. Brsg. 1993), p. 128.
- [41.](#) Там же, стр. 135.
- [42.](#) Gabi Köpp, *Warum war ich bloss ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945* (Мюнхен 2010), стр. 78-9.
- [43.](#) А.А. Смирнов, начальник III-го отдела Народного комиссариата иностранных дел СССР 21 марта 1945 г. о положении на немецких территориях, оккупированных Красной Армией, цитируется в Scherstjanoi, *Rotarmisten schreiben aus Deutschland*, p. 121.
- [44.](#) Ryan, *The Last Battle*, p. 328.
- [45.](#) Там же, стр. 329.
- [46.](#) Там же, стр. 362-3.
- [47.](#) Там же, стр. 363.
- [48.](#) Там же, стр. 382.

- [49.](#) Там же, стр. 383.
- [50.](#) Там же, стр. 352.
- [51.](#) Ruth Andreas-Friedrich, *Schauplatz Berlin: Ein deutsches Tagebuch* (Berlin 1964 [1946]), p. 193.
- [52.](#) BA Koblenz B 126/28038 Berliner Finanzsenator 28 марта 1957 года.
- [53.](#) Андреас-Фридрих, *Schauplatz Berlin*, стр. 215-16.
- [54.](#) Ландесархив Берлина C Rep. 118/398.
- [55.](#) Regine Nohejl, 'Einführung: Nation und Gender in der russischen Kultur', in: Nohejl, Olga Gorfinkel, Friederike Carl and Elisabeth Cheauré (eds.), *Genderdiskurse und nationale Identität in Russland: Sowjetische und postsowjetische Zeit* (Мюнхен 2013), pp. 7-16.
- [56.](#) Naimark, *Die Russen in Deutschland*, p. 93.
- [57.](#) См. Erich Kuby, *Die Russen in Berlin* (Munich 1965), p. 304.
- [58.](#) Kurt Arlt, "Nach Berlin" - Der Kriegsverlauf an der Ostfront und seine Auswirkungen auf Motivationen und Stimmungen in der Roten Armee", in: Elke Scherstjanoi, *Rotarmisten schreiben aus Deutschland*, pp. 28-9.
- [59.](#) Elke Scherstjanoi, "Sowjetische Feldpostbriefe vom Ende des Grossen Vaterländischen Krieges als Quelle für historische Forschung", in: Scherstjanoi, *Rotarmisten schreiben aus Deutschland*, pp. 28-9.
- [60.](#) Владимир Гельфанд, *Deutschland-Tagebuch*, стр. 13-14.
- [61.](#) Там же, стр. 31.

[62.](#) Там же, стр. 44.

[63.](#) Там же, стр. 79-80.

[64.](#) Там же, стр. 89.

[65.](#) Кэтрин Мерридейл, *Война Ивана: Красная армия, 1939-1945* (Лондон 2005), стр. 272.

[66.](#) Там же.

[67.](#) В течение нескольких лет в Советском Союзе также уделялось внимание ситуации в последние месяцы войны и обращению с гражданским населением в странах, через которые проходила наступающая армия, хотя тема массовых изнасилований до сих пор остается малоизученной. Тем не менее, в настоящее время имеется хорошая исследовательская база по советскому взгляду на войну и немецкого агрессора. Например, факультет современной истории в Мюнхене собирает исследования и публикации немецких и советских ученых и делает возможным публикацию исследований по истории взаимного восприятия и отношения Красной армии и немецкого гражданского населения во время завоевания и оккупации немецкой территории. Эти исследования помогают нам понять мышление солдат Красной армии, которые до сих пор считаются главными виновниками массовых изнасилований немецких женщин. Эльке Шерстяной собрала подборку из 161 письма русских солдат в последние месяцы войны, в которых они рассказывают о своем отношении к Германии и пережитом в ней опыте. См. Scherstjanoi, "Sowjetische Feldpostbriefe", in: Scherstjanoi, *Rotarmisten schreiben aus Deutschland*, pp. 3-193.

- [68.](#) Там же, стр. 31.
- [69.](#) Там же, стр. 36.
- [70.](#) Там же, стр. 39.
- [71.](#) Там же, стр. 41.
- [72.](#) Там же, стр. 42.
- [73.](#) Там же, стр. 46.
- [74.](#) Там же, стр. 52.
- [75.](#) Александр В. Перепелицын и Наталья П. Тимофеева, *Das Deutschen-Bild in der sowjetischen Militärpropaganda während des Grossen Vaterländischen Krieges* (Мюнхен, 2004), pp. 267-86.
- [76.](#) Carola Tischler, 'Die Vereinfachungen des Genossen Ehrenburg: Eine Endkriegs- und eine Nachkriegskontroverse', in: Scherstjanoi, *Rotarmisten schreiben aus Deutschland*, pp. 326-39, здесь pp. 330-3.
- [77.](#) Scherstjanoi, pp. 60-1.
- [78.](#) Там же, стр. 114.
- [79.](#) Там же, стр. 145.
- [80.](#) Там же, стр. 132.
- [81.](#) Там же, стр. 151.
- [82.](#) Там же, стр. 160.
- [83.](#) Мотив мести убедительно рассмотрен Норманом М. Наймарком, совсем недавно в работе "Русские и немцы:

Изнасилование во время войны и постсоветские воспоминания", в: Branche and Virgile (eds.), *Rape in Wartime*, pp. 201-19.

[84.](#) Мерридейл, *Война Ивана*, стр. 263.

[85.](#) См. Ричард Бессель, *Германия 1945: От войны к миру* (Лондон 2009), стр. 148-68.

3

ЮЖНАЯ ГЕРМАНИЯ - КТО ЗАЩИТИТ НАС ОТ АМЕРИКАНЦЕВ?

Они мягко вошли в суд и изнасиловали меня и всех женщин. Даже старую директрису, которую я до сих пор слышу, как она кричит: "Отпустите меня, я старая женщина".

В деревне недалеко от Пирмасенса 1

Существуют различные причины, по которым случаи изнасилования на Западе были редкими. Одна из причин заключается в том, что, очевидно, существовало достаточное количество немецких женщин, которые были настолько привлекательны для оккупационных солдат, что не было необходимости применять силу.

Гюнтер Саган в своей книге об окончании войны в 1945 году 2

НИЧЬЕ ВРЕМЯ

В конце войны Моосбург-ан-дер-Изар, расположенный в 45 километрах к северо-востоку от Мюнхена и недалеко от современного аэропорта Эрдингер Моос, был небольшим городком с 10 000 жителей, над которым возвышались две церковные башни одинаковой высоты. На окраине города находился большой лагерь для военнопленных, в котором содержалось до 200 000 заключенных всех национальностей. В начале марта 1945 года несколько тысяч британских и американских офицеров были переведены туда из лагеря в Верхней Силезии. Говорят, что офицерам пришлось пройти 70 километров пешком, неся на спине ослабленных немецких охранников, сопровождавших их.

За шесть дней до окончания войны мэр Герман Мюллер, занимавший свой пост с 1933 года, решил сдать город без сопротивления. 29 апреля 1945 года приехали американские переговорщики, чтобы обсудить передачу города. Поначалу все шло гладко. Комендант и мэр быстро договорились об условиях капитуляции. Однако на следующий день вооруженные члены Ваффен-СС начали окапываться. Один американский офицер в гневе сказал: "Так вот что значит честное слово немецкого офицера". Американские танки медленно катились к городу.

Сражение за Моосбург началось в 10.15 утра. Эсэсовцы вынуждены были уступить превосходящим силам и отошли за мост через реку Ампер. Жители укрылись в подвалах. Снаряды разрывались. Одна из башен церкви также подверглась обстрелу. Начался пожар. Перед церковью шел бой. В приходском доме появились первые солдаты. Площадь перед

монастырем была заполнена танками. Вдали продолжались бои. Эсэсовцы отступили через Изар и взорвали мост. Некоторые немецкие солдаты прятались в домах. Позже стало известно, что два подростка из гитлерюгенда стреляли из револьверов по американским танкам. 3

Было ли это бессмысленное, но упорное сопротивление немцев, которое так возмущало американских военных, или 40 000 военнопленных, среди которых было много их соотечественников? В любом случае, американцы начали грабить город с особой безжалостностью. Если двери не открывались достаточно быстро, их взрывали. Затем дома были разграблены от подвала до чердака, причем не только в поисках еды, но и всего, что могло поместиться в простыни, превращенные для этой цели в мешки. Предметы переходили из рук в руки: коробки с яйцами, сырные круги из молочной кровати, матрасы, одеяла, банки для консервирования, посуда и многое другое. Американские солдаты напрягались, перетаскивая тяжелый груз, с поясов свисала мертвая домашняя птица. 4 В одном подвале они обнаружили 80 000 литров вина. Они выносили его в ваннах, умывальниках, молочных бидонах и ведрах. Грабеж продолжался восемь дней. Но это было еще не все.

В понедельник, в первый день после взятия города, приходской священник Моосбурга Алоис Шимль получил первые известия об изнасилованиях. Если в домах, куда входили солдаты, были мужчины, их заставляли выходить под угрозой пистолета или ножа. Один или два сообщника стояли на страже. Несколько девушек выпрыгнули из окон первых этажей и лежали

раненные на земле; другие искали убежища в приходском доме, где одна из комнат была превращена в убежище.

Военные власти приказали вывесить на дверях каждого здания список с именами и возрастом всех жильцов. Эффект этого приказа нетрудно представить. Семнадцать девушек и женщин, над которыми негры надругались один или несколько раз, попали в больницу; другие женщины и девушки посещали врачей. Чернокожие американцы также изнасиловали женщину в соседней деревне Фолькманнсдорф", - писал священник.

Особенно его потрясла судьба одной служанки. Она была изнасилована белым солдатом в стальном шлеме. У нее уже была депрессия, а на следующий день она стала параноиком, особенно при виде стального шлема. Ей предоставили убежище в приходском доме. После того как ее настроение улучшилось, она выразила желание вернуться домой. Через несколько дней она попыталась выпрыгнуть из окна второго этажа. Ее поместили в "камеру для умалишенных", как ее называли в больнице. Примерно через две недели ей разрешили покинуть эту камеру, но ее товарищи по палате не спускали с нее глаз. Однажды днем она увидела трех американских солдат в стальных касках, вошедших в больницу. В панике она взбежала на третий этаж, выпрыгнула из окна и ударилась головой о булыжники, где лежала без сознания и вся в крови. Американский врач осмотрел ее и обнаружил, что у нее проломлен череп от затылка до лба, но внутренних повреждений у нее, похоже, не было. 1 августа 1945 года Шимль сообщил: "Она все еще жива, находится на пути к выздоровлению и чувствует себя нормально". 5.

Хорошо оснащен, дисциплинирован, умен

Последний этап войны начался для жителей западной и южной Германии в октябре 1944 года, когда войска союзников впервые пересекли границу Рейха в районе Ахена, заняли территорию на левом берегу Рейна и продвинулись до Баварского Пфальца. К концу марта 1945 года конец войны стал очевиден и для Баварии. Рейн был пересечен, первые территории Баварии, Пфальц и Нижняя Франкония были захвачены всего за несколько недель. В некоторых местах, особенно в Баварском Оберланде, первыми прибыли французы, за ними последовали американцы. После того как немецкие солдаты сбрасывали форму и прятали оружие, а последние местные партийные чиновники бросали борьбу за каждую церковную башню и исчезали, до прибытия новых военных сил часто проходили часы или дни. Этот период был известен как "ничье время", наполненный страхом и тревогой. Население создавало приемные комитеты, планировало официальную передачу власти, шило белые флаги и старалось выглядеть как можно более идеологически незаметным.

Американцы захватили власть в Мюнхене 30 апреля, заняв все города и деревни Верхней Баварии в предшествующие и последующие дни. Оккупация обычно проходила мирно, и население вздохнуло с огромным облегчением. "Мы как будто праздновали победу, так велика была радость освобождения из пасти ужасного чудовища, которое почти поглотило нас", - писал священник Каспар Вальдхерр из Джетцендорфа в районе Пфаффенхофен/Ильм, описывая настроение вечером 28 апреля, когда пушки наконец замолчали. Он выразил широко распространенное убеждение, что американцы в целом будут

"хорошо себя вести, будут внимательны и полезны", и что населению очень повезло, что оно не попало в руки русских. 6 Его коллега Иоганн Хубер из Ридена выразил свои предпочтения еще более четко: "Чем скорее они придут, тем лучше. Лишь бы не Иван пришел. Все лучше, чем русские". 7

GI были приняты не только потому, что Америка воспринималась немецким населением гораздо более позитивно, чем коммунистический Советский Союз. Первые впечатления также способствовали тому, что американские солдаты вызывали больше симпатии. Священник Альфонс Вейт из Штайнкирхен-ан-дер-Ильм был впечатлен мужественным боевым духом американских войск:

Машины американской военной полиции проследовали мимо мэра в умной и упорядоченной манере.... А затем появилось боевое подразделение, проходящее через деревню и обратно; небольшие танки, пара больших бронетранспортеров и другие машины, хорошо оснащенные, дисциплинированные и умные, равноудаленные, вооруженные и готовые к действию, все на машинах. Американцы прибыли оснащенными так, как никогда прежде не было. Вся армия была моторизована! Никто нам об этом не говорил. Какое зрелище! Накануне на той же улице остатки немецкой армии, недисциплинированные, с реквизированными конными сельскохозяйственными машинами... бедные подбитые немецкие солдаты... какое неравное соревнование. 8

Но первое впечатление быстро испарилось. Повсюду в Верхней Баварии прибытие американцев сопровождалось грабежами, разрушениями, насилием и изнасилованиями. Солдаты самой богатой нации в мире ходили от деревни к деревне и от дома к

дому, сначала искали вражеских солдат и оружие, забирали часы и велосипеды, радиоприемники, фотоаппараты, бинокли, ювелирные изделия, серебряную посуду, перочинные ножи и зажигалки в качестве сувениров, запасались спиртными напитками, продуктами питания (особенно яйцами) и даже живыми животными. Затем начинались изнасилования, часто группами, один или несколько раз подряд.

Американские военные трибуналы, где впоследствии рассматривались некоторые из этих преступлений, выявили четкую закономерность. Двое солдат ночью входили в дом на окраине деревни. Один из них был вооружен пистолетом, и они вместе поднимались на второй этаж, где спали женщины. Вооруженный солдат уводил женщину вниз и запирал входную дверь. Затем женщин насиловали одну за другой. Солдаты покидали дом, по дороге рассказывая своим товарищам, где они могут найти женщин. 9

Иногда военнопленных доставляли к своим жертвам освобожденные рабы - особенно вероломная форма мести бывшим немецким рабовладельцам. В условиях оккупации немцы становились беззащитными и бесправными жертвами. В таких местах, как спокойный Хёргертсхаузен в районе Фрайзинга, имели место случаи сексуального рабства, когда военнопленные реквизировали комнаты для десяти-пятнадцати женщин, которых постоянно меняли.^{[10](#)}

Одна из особенностей, которая поразила армейское начальство, заключалась в том, что солдаты изнасиловали немецких женщин не только чаще, но и более жестоко, чем ранее женщин своих союзников в Великобритании и Франции. Немецких женщин чаще ранили, избивали до потери сознания кулаками

или оружием, чаще издевались над ними в присутствии их мужей или родственников и чаще проникали в них орально или анально, по данным Главной военной прокуратуры.^{[11](#)}

Согласно военной статистике, около половины насильников в первые месяцы после войны были обвинены и привлечены к суду за нападения на подростков.^{[12](#)} Четверть жертв были незамужними, четверть - женатыми, а 4 процента - вдовами. Семейное положение остальных 45% неизвестно.^{[13](#)} Самой младшей жертве было семь лет, и она была заражена гонореей; самой старшей - шестьдесят девять. Классовое распределение было равномерным - женщины среднего класса страдали так же часто, как и крестьянки. Альпийские пастушки и доярки были особенно уязвимы для нападений солдат.

УМЕРЕННОЕ НЕГОДОВАНИЕ

Отчеты архиепископства Верхней Баварии Мюнхен-Фрайзинг дают полезное представление о событиях в конце войны и их непосредственных последствиях. Каждое министерство епископства должно было до 1 августа 1945 года представить кардиналу Михаэлю Фаульхаберу отчет о событиях в соответствующих приходах в последние дни войны и первые дни оккупации. Целью этих отчетов было, прежде всего, перечислить материальные и нематериальные потери церкви. Однако уже в то время 540 отчетов вскоре были признаны историческими документами. Авторы осознавали, что немецкое общество находится на перепутье, и поэтому пытались зафиксировать события, часто в форме хроники и не без огласки собственных политических взглядов.

Хотя эти наблюдения охватывают только первые три месяца после прибытия американцев в Мюнхен и Верхнюю Баварию, и хотя священнослужители почти наверняка не были проинформированы обо всех случаях изнасилования (но, вероятно, в первую очередь о тех, которые затрагивали католиков), количество перечисленных нападений поражает. Архиепископство занимало примерно ту же площадь, что и правительственный округ Верхняя Бавария. На малонаселенной территории площадью 12 000 квадратных километров проживало более 2 миллионов человек, на 90 процентов католиков. Двадцать одна община сообщила о "нескольких" случаях изнасилования, не указывая точно, сколько именно, и было прямое упоминание о 131 случае (с именами и часто адресами). Если принять, что в среднем в двадцати одной общине, не предоставившей точных данных, было три случая, то общее число изнасилований за первые три месяца оккупации, первоначально французами, а затем американцами, составит чуть менее 200.

Это число является лишь приблизительным. Из отчетов можно сделать вывод, что, по мнению авторов, сексуальная агрессия в общинах была далеко не самым страшным преступлением. Более подробно и часто с большим негодованием они писали о грабежах со стороны солдат, бывших военнопленных, рабов, узников концлагерей и коренного населения. Учитывая многочисленные подробные отчеты об имущественных преступлениях и зачастую лаконичный перечень сексуальных преступлений, в некоторых случаях кажется, что церковники были больше заинтересованы в сохранности своих церковных шпилей и святого вина, чем в сохранности женщин-членов

своих общин. Во всяком случае, Георг Валл из Эберсберга не выглядел слишком встревоженным, когда писал 21 июля 1945 года: "Прибытие американцев прошло без инцидентов; выстрелов не было. Было несколько сообщений об изнасиловании женщин и девочек".¹⁴ Использование таких слов, как "несколько" или "единичные" в этом и других сообщениях, похоже, указывает на то, что в глазах служителей церкви женщины-жертвы не имели большого значения.

Сексуальные контакты по обоюдному согласию между немецкими женщинами и оккупантами, похоже, вызвали большее возмущение среди священнослужителей, чем насильственная агрессия. Для некоторых уже было достаточно того, что женщины махали оккупантам и радовались. Особенно женщины забывали себя, бросались в объятия американцев и осыпали их цветами", - жаловался Йозеф Мок из церкви Святого Креста в мюнхенском районе Гизинг.¹⁵ В действительности, то же самое можно сказать и об отношении женщин к Адольфу Гитлеру, но сегодня мы знаем, что ни в том, ни в другом случае эйфория не была присуща только женщинам.

Клирик Стефан из прихода Оберхуммель был особенно немилосерден. Он писал, что, к сожалению, имели место серьезные грабежи и изнасилования. Однако "наибольшую неприятность" доставляли бывшие узники концлагерей, которые "ели себя до тошноты" от предлагаемой им хорошей пищи. Он также жаловался на бордель, созданный американскими солдатами напротив его приходского дома, где можно было найти немецких женщин и девушек (в основном говорящих на берлинском диалекте), которым платили

ценностями, в частности, "кроватями и одеждой, награбленными у нас". Эвакуированные женщины днем и ночью самым бесстыдным образом предоставляли себя в распоряжение, особенно проходящим неграм, в обмен на кофе, шоколад и т.д., женщинам, чьи мужья были в плену или недавно убиты или здесь. Последнее увлечение: танцы с неграми! Жителям будет очень трудно проявить сострадание!"

[16.](#)

Средний возраст священников составлял пятьдесят три года; в основном они были выходцами из скромных семей и были рукоположены в среднем двадцать семь лет назад. Таким образом, они были опытными пасторами, которые знали свои общины в течение многих лет: традиционные и религиозно консервативные сельские общины. Священнослужители играли ключевую роль в этой сельской среде, участвуя в ритуалах рождения, брака, болезни и смерти; они были важными точками опоры и авторитета и по этой причине часто участвовали в принятии решений о сдаче или не сдаче деревень, в некоторых случаях проявляя инициативу и сами выходя на встречу с танками.

Однако прежде чем отвергать отчеты церковников как чрезмерно предвзятые, следует помнить, что их суждения были отнюдь не типичными для того времени. Мы увидим, что тон, принятый духовенством Верхней Баварии, должен был преобладать в течение длительного времени после войны. Они думали не иначе, если и менее гибко, чем остальное население, о событиях, которые, по их мнению, можно было четко разделить на половой акт по обоюдному согласию и изнасилование без согласия. Большинство репортеров считали

себя способными выносить моральные суждения о женщинах и соответствующим образом оценивать нападения. Типичное заявление такого рода: "К сожалению, приходится сообщить о трех случаях агрессии в отношении девушек и женщин. В двух случаях женщины были совершенно очевидно виноваты сами, но в одном случае жертвой стала очень добродетельная девушка из хорошей крестьянской семьи"¹⁷.

Беженцы в основном считались аморальными ("говорят, что швабские девушки из Баната особенно страстно танцуют"),¹⁸ как и эвакуированные, городские женщины и женщины, которые, будучи жительницами лагеря, не соответствовали обычной картине моральной чистоты. Изнасилование таких женщин, очевидно, считалось незначительным грехом, а в некоторых случаях даже не заслуживало регистрации. Некоторые репортеры даже перевернули эти случаи и обвинили женщин в том, что они сбивают мужчин с пути истинного. Сорок женщин и их незаконнорожденных детей были размещены в Грисштетте в деканате Вассербурга, судьба бесчисленных женщин, которых клеймили как "асоциальных" или "дегенеративных". Министр Якоб Кристаллер писал, что "их дерзкий и бесцеремонный характер представлял большую моральную опасность для американских солдат".¹⁹

Другие группы жертв также разделяли эту дурную репутацию в глазах церковников. Несомненно, мелкие кражи, совершаемые освобожденными узниками лагерей, эвакуированными и беженцами без средств к существованию, были проблемой (помимо имущественных преступлений со стороны соотечественников-немцев). Однако сегодня нам трудно понять, насколько мало сострадания было у большинства

священников и пасторов к евреям и другим жертвам преследований и порабощения. Их судьба, очевидно, не вызывала никакого сочувствия, а только раздражение и гнев, когда они вели себя не так, как следовало. Даже после окончания войны те группы населения, которые были маргинализированы в нацистском обществе, по-прежнему рассматривались как находящиеся вне морального мейнстрима и потому недостойные сочувствия.^{[20](#)}

Обвинение и женщины без совести

Как уже упоминалось, я считаю, что в архиепископстве Мюнхен-Фрайзинг было гораздо больше актов сексуальной агрессии, чем сообщалось, не в последнюю очередь потому, что, читая между строк, очевидно, что католические священники тривиализировали эти случаи или даже обвиняли в них женщин. Они, очевидно, считали себя способными провести различие между "моральным" и "аморальным" - другими словами, между сексом по согласию и без согласия. Так, приходской священник Йозеф Форстер из Айхенрида не находит ничего предосудительного в том, что женщины из его общины попали в тюрьму до конца войны за связь с французскими военнопленными. Он считает гораздо хуже то, что теперь, когда война закончилась, женщины без последствий "предоставили себя в распоряжение американцев".^{[21](#)}

Было бы анахронизмом применять современные стандарты того, что является сексуальной агрессией, к ситуации того времени. Тем не менее, вполне правомерно спросить, что имел в виду священник из Шелленберга под Зальцбургом, говоря следующее: "Серьезные приставания к женщинам имели место

только в двух или трех семьях".²² Невольно комичный, но существенный промах допустил Йозеф Грубер из Тауфкирхен-ан-дер-Вильс, когда написал: "Гражданские лица не были ранены или убиты. В первые дни мая, однако, имели место серьезные нарушения морали, в основном со стороны негритянских солдат, выразившиеся в изнасиловании нескольких (восемь серьезных случаев) девушек и женщин."²³ Изнасилование в те дни не считалось ранением. Дело в том, что главной проблемой в Тауфкирхене - в глазах церковников - было нарушение морали.

Таким образом, весьма вероятно, что в архиепископстве Мюнхен-Фризинг было больше изнасилований; многие сексуальные агрессии, вероятно, не рассматривались или не воспринимались как таковые. Преувеличения также должны приниматься во внимание, в зависимости от политических взглядов репортера. Действительно ли 200 женщин в Бад-Райхенхалле были "осквернены" "галлистами, турками и иностранными рабочими", как сообщил 25 июля 1945 года приходской священник Маттиас Кун из прихода Святого Николая? Некоторые из жертв покончили с собой, а одна из женщин даже была похоронена в церкви. В этом случае "растление" оправдывало самоубийство, которое было запрещено церковью.²⁴ Даже если 200 изнасилований в Бад-Райхенхалле кажутся несколько преувеличенными, все же они не были полностью выдуманы, поскольку коллега Куна Ойген Абеле из Санкт-Зено также сообщал о трех днях грабежей и "ужасных эксцессах; они также делали ужасные вещи морального характера с женщинами и девочками; например, цветные марокканцы, которые ночью врывались в дом под

дулами автоматов".²⁵Повторяющиеся сообщения о французах-мародерах в Верхней Баварии, которая была оккупирована американцами, можно объяснить тем, что в течение короткого времени французская армия была оккупантами, а затем ее сменили американцы.

Для некоторых пасторов узкий взгляд на мораль затуманивает различие между добром и злом. Что стоит, например, за следующим сообщением? Людвиг Аксенбёк из прихода Шёнау писал 21 июля 1945 года: "Эвакуированная женщина из Мюнхена общалась с американцами, развлекалась с ними, была выброшена из машины в лесу около Майлинга, переехала машину, сломала таз в пяти местах, из-за чего ей пришлось провести около десяти недель в больнице Айблинг".²⁶ Возможно ли, что оккупанты просто переехали ее и ничего больше?

Якоб Энгль из Обертауфкирхена также имеет странное понимание добра и зла: "Женщин и девочек тоже насильовали. К сожалению, в некоторых случаях в этом были виноваты сами девушки. Они без нужды выходили на улицы, улыбались чернокожим и просили шоколад, пока не случилось несчастье".²⁷ Единомышленник священника, Маттиас Керн из прихода Святого Вольфганга в Дорфене, написал:

В первые две недели происходили ужасные и шокирующие события, когда почти каждую ночь появлялись машины с черно-белыми солдатами из Дорфена, врывались в дома под предлогом поиска солдат и нападали на девушек и женщин. Изнасилование произошло, к сожалению, возможно, в пятидесяти случаях. Несколько женщин без зазрения совести, особенно из Мюнхена, могли быть виноваты в том, что проявили дружелюбное отношение к прибывшим американцам.^{[28](#)}

Пастор Антон Кройтмайер из Моозаха под Эберсбергом также писал: "Говорили об изнасилованиях, хотя в некоторых случаях сами жертвы не были полностью лишены вины. Один янки, как говорят, официально извинился перед девушкой, сказав, что он был в состоянии опьянения и никогда раньше не совершал подобных поступков."^{[29](#)}

Поиск девочек усиливается".

Несмотря на оговорки относительно полезности этих отчетов как источника - оговорки, которые также относятся к документам о бегстве и высылке - в целом, судя по ситуации в архиепископстве Мюнхен-Фрайзинг, представляется, что по всей Верхней Баварии происходили массовые изнасилования, в основном американскими солдатами и иногда французами - например, в Лоххаузене, Обертауфкирхене, Фельдмохинге, Шелленберге-бей-Зальцбург, Ноймаркте, Оберау, Эберсеберге, Графинге, Хольцкирхене, Фрайзинге, Гаммельсдорфе, Паллинге, Мисбахе (включая детей), Моосахе, Кирхдорфе-бей-Хааг, Вольфратсхаузене, Оттерфинге, Траунштайне и в Мюнхене в приходах Санкт-Эммерам, Санкт-Ахаз и Имен Йезу. Во многих общинах священнослужители вообще пишут об

"охоте на женщин и девочек", как, например, в Аллахе. Изнасилования, приведшие к смерти, произошли в приходе Мариахильф в Мюнхене, где к молодой женщине с Вельфенштрассе приставали и затем застрелили американские солдаты.^{[30](#)} В Унтерштайн-бай-Берхтесгадене 11-летняя девочка была ранена в ногу при бегстве, а женщина поранилась, прыгая с балкона; в Титтмонинге женщина умерла от сердечного приступа, потому что ее двум дочерям угрожали солдаты; а в Шёнберге молодая женщина умерла от неудачного аборта.^{[31](#)}

Некоторые из приходских отчетов были очень яркими. В идилической деревне Оберварнгау в округе Мисбах две сестры косили утром 20 июня 1945 года, когда из-за деревьев вышел военный служащий, застрелил одну молодую женщину и задушил другую, затащил ее в кустарник и надругался над ней. Поскольку у него не осталось патронов, он попытался убить ее, ударив камнем, но ей удалось убежать в соседнюю деревню. Священник сообщил об этом американской военной полиции, которая "после короткого допроса доставила женщину с травмой головы в больницу Тегернзее, откуда ее выписали через шесть недель".^{[32](#)}

В Ленгрисе солдаты разбили прикладами оконную раму в фермерском доме, проникли в спальню семейной пары, угрожали мужу оружием и изнасиловали жену, которая была на четвертом месяце беременности. Аналогичный случай произошел в конце июля в горной хижине недалеко от Ленгриса, хотя в этом случае пастухи смогли отбиться от нападения.^{[33](#)}

Многие подобные сообщения из Верхней Баварии меняют наше представление о массовых изнасилованиях после войны. Жертвами были не только бездомные женщины в бегстве или уязвимые женщины в разбомбленном Берлине. В Верхней Баварии, например, жертвами также становились люди, жившие в относительной безопасности в предполагаемой святости своих собственных домов, окруженные своими людьми и, возможно, до сих пор практически не затронутые войной. Изолированные дома часто становились мишенью для солдат. Жильцов часто будили ото сна и издевались над ними в их собственных четырех стенах.

В Обербергкирхене было зарегистрировано восемь случаев изнасилования. В большинстве случаев преступники врываются в дома ночью и угрожали жильцам оружием. Распространилась паника, священники велели дочерям спать с родителями, а нескольким семьям объединиться в группы. Протесты населения, наконец, дошли до военных властей. Компания должна была пасть ниц перед жертвой. Женщина ходила взад и вперед по рядам, узнавала своего обидчика, но не называла его имени, опасаясь расправы. Пастору, по крайней мере, удалось добиться того, чтобы женщины и девушки, подвергшиеся нападению, были обследованы на венерические заболевания американским военным врачом. В одном случае таким образом удалось избежать более серьезных последствий", - писал он своему кардиналу.^{[34](#)}

Пастор Иоганн Шаусбрайтнер из Штефанскирхена, одной из первых церквей, основанных в Баварии вблизи Мюльдорфа, где поблизости находился трудовой лагерь, а также лагерь-спутник концентрационного лагеря Дахау, вел точный учет

изнасилований: двух 18-летних, 25-летней дочери фермера и 69-летней незамужней крестьянки. Еще нескольким женщинам удалось спастись.³⁵ В этой деревне сегодня проживает всего 500 человек, что означает, что пострадали даже традиционные и устоявшиеся общины, а жертвы насилия не смогли избежать последующего общественного позора.

Эти случаи сексуальной агрессии по отношению к немецким женщинам, в основном со стороны американцев, богато задокументированы в файлах баварской полиции, собранных Министерством внутренних дел. Сценарии не отличаются от сообщений об изнасилованиях Красной Армией на Востоке и в Берлине: грабежи, групповые изнасилования, жестокость. Разница в том, что они не являются хроникой катастрофы, которую предвидели заранее. Население было совершенно не готово к агрессии. Похоже, что солдаты Гитлера были более ожесточены, чем красноармейцы на Востоке, плутовством и бессмысленным сопротивлением немцев, сражавшихся до последнего метра территории. Местные условия, особенно в сельской местности, где солдаты могли без всякой опасности для себя врываться ночью в дома, грабить и насиловать женщин, облегчали им совершение этих преступлений.

Частое упоминание цвета кожи преступников в источниках, напротив, больше говорит о предрассудках того времени в отношении других "рас". Изучая материалы американских военных судов, криминолог Роберт Лилли отмечает, что афроамериканские солдаты не совершали больше изнасилований, но военные трибуналы наказывали их чаще и строже. Он предполагает, что действия чернокожих солдат чаще появляются в источниках из-за отношения репортеров,

которым было трудно представить, что белая женщина может заниматься сексом по обоюдному согласию с темнокожим мужчиной.^{[36](#)} К этому добавились предрассудки относительно сексуального и интеллектуального характера чернокожего мужчины не только среди белых американцев, но и среди немецкого населения.

Йозеф Коблехнер из прихода Святого Якоба в Вассербурге отметил:

В главе "Американцы и женщины" население ждал большой сюрприз. До их прибытия многие немецкие женщины и девушки с тревогой относились к американским неграм. Это беспокойство вскоре было преодолено. В первые дни было несколько случаев изнасилования, и в любом случае нет убедительных доказательств того, что они происходили полностью против воли женщин. В целом, однако, негры, когда трезвые, оказались безобидными, доброжелательными, отзывчивыми и веселыми. Они часто играли и шутили, как дети. Эти наблюдения стали настоящим уроком для немецкого народа, продемонстрировав нелепое преувеличение нацистской расовой идеологии.^{[37](#)}

"ЧУВСТВО БОЛЬШОЙ НЕЗАЩИЩЕННОСТИ СРЕДИ НАШИХ СОЛДАТ".

В связи с участвовавшими сообщениями об изнасилованиях в первые недели американского наступления некоторые люди утверждали, что это была спланированная тактика немцев. В июне 1945 года командующий военной полицией, генерал-лейтенант пехоты Эдвин Ли Кларк, в ответ на слухи заявил, что "немецкие женщины создают чувство большой неуверенности

у наших солдат путем неправдивых обвинений в изнасиловании, и что эта тактика может быть частью немецкого плана".[38](#).

Кларк занялся расследованием этих инцидентов. Он допросил свидетелей, прочитал отчеты и пришел к выводу, что в одном или двух случаях имело место совращение, но без каких-либо диверсионных мотивов со стороны противника. В большинстве других случаев жертвы сопротивлялись, что свидетельствовало об изнасиловании. Некоторые женщины выпрыгивали из окон, рискуя сломать ногу. Другие были сильно избиты нападавшими. Два случая с более молодыми жертвами - 13-летней и 18-летней девушками, обе из которых были девственницами до нападения "негритянских войск" и обе из благополучных семей - были ясны, как и случай в Тюрингии, когда жертва была на восьмом месяце беременности. Он заключил: "Я считаю, что утверждение о создании чувства "большой неуверенности" среди наших солдат путем неправдивых обвинений в изнасиловании является ЛОЖНЫМ. Я также считаю, что эта так называемая тактика не является планом саботажа со стороны немцев, и что ни в одном из районов, занятых корпусом, не было найдено никаких доказательств в поддержку этого последнего утверждения".[39](#).

Все эти случаи происходили в домах жертв в то время, когда военным было запрещено браться, а контакты военнослужащих с гражданским населением Германии строго контролировались.

Большинство изнасилований, по словам Кларка, произошло во время быстрого продвижения вперед. Такая картина уже

наблюдалась после высадки во Франции. Он надеялся, что как только войска останутся, количество изнасилований уменьшится. Он также не нашел подтверждения слухам о том, что женщины ложно обвиняли солдат в изнасиловании, чтобы получить законный аборт.

Групповое изнасилование во Франкфурте-на-Майне

Одно из дел, рассмотренных Кларком, вызвало особое беспокойство военных властей в июне 1945 года. Уолтер М. К., рядовой 204-го батальона полевой артиллерии, был обвинен в братоубийстве.⁴⁰ Вместе с четырьмя другими солдатами он обвинялся в том, что стоял в стороне, когда две немецкие женщины были вовлечены в дом под дулом пистолета и изнасилованы тремя сослуживцами. Этот инцидент обсуждался в военных кругах и даже достиг ушей генерала Дуайта Д. Эйзенхауэра, главнокомандующего союзными войсками в Европе. К. напал на своего командира, бригадного генерала Слака из XX полка, который, по его словам, не только несколько раз назвал трех насильников "грязными ублюдками", но и угрожал лично проследить за тем, чтобы их повесили и похоронили в течение тридцати дней. Стратегия защиты К. сводилась к утверждению, что предполагаемое изнасилование на самом деле было хитрой уловкой немецких женщин, чтобы ослабить американскую армию.

Отвлекающая атака обвиняемого привела к пересмотру до сих пор зарегистрированных и расследованных случаев изнасилования в Германии. Только в апреле 1945 года тридцать семь солдат, две трети из которых были белыми, были осуждены за изнасилование. Еще шестнадцать дел

находились на рассмотрении, и только пять были отклонены за недостаточностью улик.

Из списка приговоров, представленных высшему руководству военной полиции для расследования обвинений, выделяется еще один случай во Франкфурте, закончившийся несколькими тяжелыми травмами. 13 апреля 1945 года рядовой Самуэль Дж. Б. из 526-го пехотного батальона был приговорен к смертной казни через повешение. Его обвинили в нарушении запрета на братание, нападении с целью убийства на Марго Б., Луизу Б., Альвина Ф. и Эмилию С., а также в изнасиловании мисс Р. Все эти преступления были совершены в один день. Это было похоже на попытку убийства.

В полдень 27 марта в доме 31-летней Марго Б. появился мужчина. Это был Сэмюэль Дж. Б., который приказал ей выйти, потому что она говорила по-английски. Она взяла с собой небольшой словарь. В протоколе судебного заседания говорится: 'Я не могла понять, что именно он говорил, кроме слова "подвал". Он направил на меня пистолет, и я боялась, что он выстрелит в меня". Они поднялись на несколько ступенек, где ее ждала мать. Когда солдат увидел ее, он выстрелил. Мать была ранена в руку и колено. Марго Б. побежала к ней. Солдат шел следом с поднятой винтовкой. Он приказал ей покинуть дом вместе с ним. В этот момент появился 15-летний Алвин Ф., хрупкий для своего возраста мальчик. Он попытался понять, чего хочет солдат, но понял только слово "стена". Когда Алвин сделал шаг в сторону солдата, тот выстрелил и попал Алвину в живот. В суде, где она опознала Самуэля Ж.Б., Марго Б. позже показала, что солдат выглядел не совсем нормально, размахивал винтовкой во все стороны и кричал "убью тебя".

Она видела, как Алвин упал и попытался убежать. Затем обвиняемый выстрелил в нее и попал в верхнюю часть руки и грудь.

В тот же день днем Мария Р. шла по улице и увидела солдата, перед которым маршировали три немца с поднятыми руками. Он приказал ей присоединиться к ним. Позже она опознала этого человека как Самуэля Дж. Б. Они остановились перед магазином. Мужчинам разрешили пройти дальше, но Марии Р. было приказано войти в магазин. В проходе находился второй солдат, Фрэнк Б. Первый солдат, Самуэль Дж. Б., приказал ей пройти в боковую комнату и сказал своему товарищу следить за ней. Он велел Марии Р. раздеться, на что она ответила отказом. Тогда он направил на меня свою винтовку, но я отмахнулась от него. Он показал мне коробку и сказал, что если он откроет ее, то я сразу умру". Он неоднократно приказывал ей раздеться, а затем ударил ее прикладом винтовки. У меня немного закружилась голова, и я упала на стол". Он повернулся и снял штаны. Затем ей пришлось лечь на пол.

В ходе перекрестного допроса Марии Р. был задан вопрос, сопротивлялась ли она или хотя бы звала на помощь. "Я сказала себе, что это бесполезно. Никто не придет мне на помощь". Кладовщик, который находился в соседней комнате, был задержан другим солдатом. Фрэнк Б. несколько раз открывал дверь и пытался войти, но насильник выгнал его. Тогда за дело взялся другой солдат. Сопротивление Марии Р. становилось все слабее, и она чувствовала, что силы покидают ее. "Возможно, я могла бы сопротивляться физически еще немного, но я была измотана". Через десять или пятнадцать минут все было кончено. Затем первый солдат вернулся и снова изнасиловал

ее. По ее словам, это продолжалось полчаса. Затем в комнату вошли новые американцы, которых вызвал немецкий гражданский. Среди американцев был генерал-лейтенант Блейкфилд. Увидев, что произошло, он приказал Сэмюэлю Дж. Б. встать и арестовал его.

Блейкфилд позже показал в суде, что жертва была крайне возбуждена, даже истерична. Она попеременно плакала и смеялась. Ее поза была явно оборонительной. Осмотр военным врачом показал, что у нее были легкие ушибы и царапины за ухом, которые могли быть нанесены оружием, и синяки на спине и бедре. Кладовщик дал показания, что он видел изнасилование через щель в двери и позвал на помощь. Он особенно запомнил татуировку женщины на спине обвиняемого.

Его история была явно иной. Он утверждал, что заговорил с мисс Р. на улице и спросил: "Как насчет потрахаться?". Она привела его в магазин, разделась и легла на стол. Я встал и сказал, что на столе ничего хорошего не получится и что она должна лечь на пол. Когда я закончил, вошел Фрэнк Б. и спросил: "Можно мне получить кусочек задницы?", и я сказал ему: "Спроси ее сам". Молодая женщина не сопротивлялась и не звала на помощь, продолжал он, и он не применял силу.

Суд поверил свидетелю. Она оказала достаточное сопротивление и была вынуждена находиться под дулом пистолета, и следовало предположить, что обвиняемый мог использовать оружие, учитывая, что в тот же день он застрелил трех гражданских лиц. Он был приговорен к пожизненному заключению с каторжными работами и увольнению из армии с позором.

Как показывает этот случай, совет защиты прибегнул к испытанной и проверенной стратегии, которая используется и сегодня. Адвокаты попытались поставить под сомнение репутацию женщины. Как описывает Лилли на основе своей случайной выборки, эту тактику использовали и преступники. Они объективировали своих несовершеннолетних жертв как "цыпочек", "подстилку" или "лживую сучку", которая "хороша для уколов". Они тривиализировали свои поступки как процесс превращения девочки в женщину, за что они должны быть благодарны. Другой стратегией защиты в суде был вопрос о том, были ли жертвы членами НСДАП или другой нацистской организации. Даже тот факт, что их муж или отец воевал в вермахте, использовался защитой в качестве смягчающего аргумента. Когда в одном случае жертва заявила, что была девственницей, защита спросила, была ли она когда-либо в нацистском молодежном лагере, заявив, что общеизвестно, что фюрер искал новую кровь, и что ее утверждение о непорочности не заслуживает доверия по этой причине. Тем не менее, обвиняемые по этому делу были приговорены к пожизненному заключению.⁴¹

Физическое сопротивление со стороны женщины было главным критерием для установления того, был ли сексуальный контакт действительно изнасилованием или жертва просто заявила об этом. Это часто становилось камнем преткновения для немецких женщин. Сомнительная аргументация осложнялась еще и тем, что у американских военных трибуналов сложилось впечатление, что немецкие женщины защищаются не так энергично, как британские или французские женщины, не говоря уже об американских. Это

замечание содержится как в судебных материалах, рассмотренных мной, так и в делах, которые изучает Лилли. Если это правда, то возникает вопрос, почему немецкие женщины сопротивлялись меньше. Есть две возможные причины с точки зрения жертв. Во-первых, женщины ожидали, что их изнасилуют иностранные солдаты, поскольку нацистская пропаганда готовила их к этому; во-вторых, они, несомненно, были обезоружены тем фактом, что в случае отказа их убьют.

Одна жертва из Берлина, опрошенная социологом Эрикой М. Хернинг, ретроспективно объяснила свое поведение следующим образом: "Как я уже сказала, было восемь русских... очень жестоко, и я должна сказать вам, что я не кричала и не делала ничего другого. Я хныкала, потому что все говорили об изнасиловании и последующем выстреле в шею, а я этого ужасно боялась".⁴² Лилли считает, что это могло даже привести к эскалации сексуальных нападений. Некоторые солдаты, полагает он, могли расценить отсутствие физического сопротивления как согласие, не в последнюю очередь потому, что они также не могли общаться вербально и фактически не имели права этого делать, поскольку запрет на братание включал даже разговоры с гражданским населением. Более того, они часто воспринимали "нет" как робкое "да".⁴³

Я считаю, что этот аргумент жизнеспособен лишь в ограниченной степени. Несомненно, было много вербальных и невербальных возможностей для непонимания между солдатами и их жертвами. Несогласие выражается не только через яростное сопротивление и вербальные средства. Источники снова и снова рассказывают о жертвах, которые

плакали, просили, умоляли, пытались бежать и оказывали физическое сопротивление, а также о солдатах, которые силой удерживали своих жертв и угрожали им оружием. Трудно интерпретировать эти ситуации как сексуальный контакт по обоюдному согласию. Лозунг "совокупление без разговоров не является братанием" не может быть использован для оправдания нападений в то время.

Стратегия смягчения, использованная оккупантами, была, тем не менее, эффективной. Лилли считает, что инциденты, которые в Британии или Франции были бы расценены как изнасилование, в Германии могли быть истолкованы по-другому. Он упоминает случай в Альдекерке в регионе Нижний Рейн, когда двое военнослужащих поочередно дважды изнасиловали 19-летнюю девушку в ее доме. Жертва плакала и испытывала боль. После акта солдаты выпили вина с ней и ее матерью, а затем над девушкой снова надругались. Один из военнослужащих снял со своего пальца кольцо, отдал его жертве и сказал: "Ты мне фрау".

Впоследствии военный врач подтвердил, что жертва была девственницей. Солдаты не били ее и не направляли на нее оружие, а винтовки находились в пределах досягаемости рядом с кроватью. Один из солдат сказал впоследствии, что подарил ей золотое кольцо, полагая, что она заслужила его в качестве вознаграждения за секс. Тем не менее, военный суд приговорил обоих солдат к пожизненному заключению с каторжными работами за изнасилование. Однако апелляционный суд отменил приговор, признав обвиняемых виновными только в братании и беспорядочном поведении с незамужней женщиной, заменив наказание на год каторжных работ и

увольнение из армии. Они рассудили, что жертва не сопротивлялась физически и не жаловалась, а слабые сигналы сопротивления, такие как покачивание головой и плач, были совершенно нормальным поведением для женщин в ее положении. Это решение отражает широко распространенное в то время убеждение, что женщины хотят быть покоренными и что здоровая степень притворного сопротивления является частью морально одобряемого образа женской сексуальности.

Изучив судебные дела за период с марта по сентябрь 1945 года, Лилли приходит к выводу, что военные суды все чаще тривиализировали изнасилование. В описаниях редко использовались такие эпитеты, как "грубый" или "зверский". Он утверждает, что изменение формулировок свидетельствует о все более безразличном отношении со стороны участников процесса. Например, анальное и вагинальное изнасилование 60-летней Анны К. описывается лаконично: "Он удовлетворил свою похоть". В других случаях говорится просто об "удовлетворении сексуальных потребностей" или о том, что преступник запугивал свою жертву, чтобы инициировать сексуальный контакт.^{[44](#)}

Изменились и приговоры за изнасилование. В Великобритании и Франции, где уже были проблемы с изнасилованиями военнослужащими, насильников - особенно чернокожих - чаще приговаривали к смертной казни, с возможностью в некоторых случаях мутации к пожизненному заключению. В Германии, однако, преступники могли рассчитывать на более мягкие приговоры. Лилли предполагает, что это было связано как с внешним видом, так и с внутренними соображениями. Армия не хотела деморализовать своих солдат перед лицом врага, и в

любом случае женщины побежденного врага стоили меньше, чем женщины союзников или те, кто пострадал от немецкой оккупации.

ДИСКУССИЯ

Мы должны избегать обособления этих событий как инцидентов в высокоуровневой битве полов. Сексуальное нападение не является мужской привилегией, а опыт сексуального нападения не является женской привилегией. Современная феминистская теория больше не использует этот бинарный код в качестве шаблона для идентификации преступников и жертв, а учитывает взаимодействие социальных, этнических, религиозных, возрастных и других категорий в человеке. Сексуальность понимается как ситуативная или принятая: другими словами, приобретенная и визуализированная только через взаимодействие с другим - не в последнюю очередь через изнасилование. Независимо от того, происходит ли сексуальное нападение между мужчинами, между женщинами или между женщиной и мужчиной, в конечном итоге речь идет об осуществлении власти в патриархальной среде, которая превращает жертву в "женщину" - другими словами, лишает ее прав и возможностей.

Систематические изнасилования в регионах военных действий и кризисов в последнее время вновь шокируют общественность. Террористическая организация "Исламское государство" в Ираке, Сирии и Ливии, радикальная исламская секта "Боко Харам" в Нигерии - является ли изнасилование частью арсенала всех войн? Мое историческое исследование изнасилований в конце Второй мировой войны призвано опровергнуть подобные обобщения. Напротив, я стремлюсь

выявить факторы, которые привели к этим преступлениям в конкретной исторической констелляции.

Идеи мужественности и женственности

Чтобы понять гендерную культуру, которая была частично ответственна за массовые изнасилования, нам нужно вернуться еще дальше в прошлое, в буржуазную эпоху, когда "эмоциональная культура" между мужчиной и женщиной превратилась из чувствительных и дружеских отношений в полярное противостояние. С одной стороны была мягкая, эмоциональная женщина, нуждающаяся в защите; с другой - агрессивный и рациональный мужчина. Это противостояние полов в XIX веке способствовало развитию у мужчин "агрессивных и конкурентных аффектов в рыночном обществе", конкуренции, соперничества, воинственной твердости.^{[45](#)} Женский субъект в сравнении с этим был реконструирован как эмоциональный, эмпатичный и склонный к сентиментальности. Общество потребления начала XX века усилило сексуализацию женщин, в то время как мужчины приняли ориентированную на власть, бескомпромиссно гетеросексуальную гендерную роль, которая оставляла мало возможностей для взаимного влечения и сопереживания другим. Именно в этой напряженной мужско-женской атмосфере в начале XX века возникла концепция "войны полов". Стало модным говорить о якобы непримиримости полов.^{[46](#)}

Битва полов не была немецким или европейским феноменом, она охватила весь современный мир: пресса, ученые, политические партии, врачи и психиатры объясняли, что мужчины и женщины не созданы друг для друга и что

отношения между полами - это поле битвы, в отличие от утопической буржуазной идеи предыдущего века о взаимодополняемости: мужчина действует на публике, женщина - дома, оба работают над мирной семейной жизнью, основанной на любви, уважении и терпимости. Между тем, биологизм и дарвинизм конца XIX века породили конфликтную модель, основанную на чувствах и сексуальности. Теперь эксперты утверждали, что женщины не могут разделить секс и любовь, в то время как мужчины используют секс прежде всего для передачи своих генов. Качество желания также было совершенно разным: мужчины хотели жесткого секса, женщины - ласкового. Настоящему мужчине необходимо доминировать, возможно, с оттенком насилия, а настоящая женщина уступит этой потребности в интересах естественного отбора более сильных.

Подобные идеи означали, что еще до Первой мировой войны проституция и торговля девушками значительно возросли. Например, число проституток в Германской империи выросло со 100 000 до 330 000. Эта тенденция стала еще более заметной во время войны, когда военные открывали публичные дома и контролировали проституцию, чтобы дать солдатам доступ к сексу. Это не мешало многим солдатам считать, что они имеют право на сексуальную военную добычу. Пенис как оружие, половой акт как суррогат борьбы, диаметрально противоположность пассивной женщины и агрессивного мужчины - все это породило взрывоопасную смесь в отношениях между полами. Там, где простые организационные категории были поставлены под сомнение, возникла

необходимость в жестких контрастах, чтобы женщины чувствовали себя женственными, а мужчины - мужественными. Движение за женскую эмансипацию, все более открытая гомосексуальная среда, психоанализ, первые операции по смене пола - все это потрясло традиционные представления о мужественности не только в западном мире, но и на Востоке, где коммунизм выступал за равенство полов. В Советском Союзе идеологически предписанное, но лишь фрагментарно реализованное равенство полов не особенно приветствовалось мужчинами. Женщины должны иметь детей и работать, поэтому связь между производством и воспроизводством была в центре внимания гендерной политики. Несмотря на это, женщины обычно застревали в менее оплачиваемых и менее заметных областях политики и промышленности.^{[47.](#)}

Поэтому в начале двадцатого века доминирующая мужская модель стала испытывать все большее давление. Мужской образ был образом рабочих и бойцов, но машины сделали физическую силу менее важной, так как работу теперь могли выполнять менее квалифицированные иммигранты и женщины. В то же время, начиная с Первой мировой войны, боевые действия все больше и больше затрагивали гражданскую жизнь и, таким образом, влияли не только на мужчин. По словам социолога Андреаса Реквитца, положение мужчин было "вдвойне дестабилизировано: дома и на фронте, который затронул гораздо больше гражданских лиц, чем предыдущие войны". Теперь уже не было "привилегией" мужчин воевать, проявлять себя на войне и, если потребуется, героически погибнуть за родину. Это может объяснить, почему

в послевоенные периоды после 1918 и 1945 годов наблюдался радикально новый гендерный порядок.^{[48](#)}

Мужественность также пострадала в США в 1930-х годах. Экономический кризис вызвал массовую безработицу и сокращение заработной платы, в результате чего миллионы семейных кормильцев стали зависеть от социального обеспечения. Страх перед мягкой и "феминизированной" нацией для некоторых людей был сильнее, чем угроза войны с Германией. Это привело к возникновению движения, направленного на укрепление мужчин, поддержание здоровья и силы нации с помощью физической подготовки и мужской силы. Начало войны стало идеальным моментом для объединения мужского и солдатского образов. Настоящий мужчина" мог проявить себя в особенно тяжелой ситуации, полной лишений, физического напряжения и безграничного насилия.^{[49](#)}

Британским солдатам также пришлось иметь дело с противоречивыми мужскими достоинствами во время войны: с одной стороны, благородная и эмоционально контролируемая или 'закаленная' буржуазная мужественность как контраст гипермужественной нацистской мужественности, и, с другой стороны, героическая, стойкая и солдатская мужественность для защиты атакованной 'женской' нации.^{[50](#)}

Идея солдатского товарищества как исключительно мужской сферы, не требующей женщин, которая олицетворяла дом, семью и безопасность, сыграла важную роль в наказании агрессивных сексуальных практик.^{[51](#)} Товарищ - это тот, с кем можно заниматься совместными делами. Под совместными

делами подразумевался, прежде всего, внебрачный секс с женщинами:

Прелюбодеяние с товарищами - вот что делало жизнь солдата интересной... Пьянство и разгул давали мужскому обществу ощущение, что можно пренебречь формальными правилами военного порядка и тем более моралью буржуазной жизни. Демонстрация презрения к женщинам, грубые и невоспитанные разговоры на сексуальные темы, разврат - все это было признаками настоящего мужского достоинства.^{[52](#)}

В первую очередь важны были не сексуальные потребности, а необходимость вписаться в солдатское сообщество и проявить себя среди товарищей.

Именно этим объясняется частое совершение в группах изнасилований и других преступлений в Красной Армии, а также в армиях США, Великобритании и Франции. Речь шла не только о наказании врага, но и о взаимодействии с товарищами. Сами жертвы, казалось, почти не воспринимались ими как люди.... Страсть, о которой шла речь, была в основном их любовью друг к другу, а также их горем - не утоленным, несмотря на океаны вина и шнапса - по всем людям и шансам, которые они потеряли", - так описывает это Кэтрин Мерридейл.^{[53](#)} Стремление к товариществу и страх прослыть трусом были усилены групповыми изнасилованиями. Мерридейл рассказывает о солдате Красной армии, которому предложили выбрать немецкую девушку из группы испуганных пленниц. Его первым страхом было то, что его собственные люди могут посчитать его трусом или даже импотентом, если он откажется.^{[54](#)} То же самое явление можно наблюдать и сегодня в обрядах посвящения мужчин в

студенческие братства или групповых изнасилованиях преступных группировок.

Габи Ципфель указывает на еще один мотив солдатского насилия над женщинами и гражданскими лицами. Солдаты скрывали свою уязвимость на войне, направляя свою силу на причинение вреда женщинам или феминизированным людям. Они компенсировали свой собственный страх и слабость мужской агрессивностью. Жертвой не обязательно должна была быть женщина. Массовые изнасилования в Нанкине в 1937 году во время Второй китайско-японской войны также включали анальное изнасилование мужчин и принуждение мужчин к сексуальному насилию друг над другом. Во время войны в Боснии в начале 1990-х годов сербские солдаты также принуждали мужчин к половому акту друг с другом.^{[55](#)}

Драматизация сексуальности и гендерных ролей в военное время, переживание мужчинами понижения в своих странах происхождения, подсознательная неуверенность в своей идентичности в связи с растущей женской рабочей силой создали атмосферу антиженской агрессии как на Западе, так и на Востоке. Это превратило женщин в особые мишени для мужской фрустрации на последнем этапе войны и в послевоенный период. Самым крайним проявлением было изнасилование, но были и другие формы реакции на мужскую неуверенность, такие как ритуалы посрамления через публичное бритье голов предполагаемых коллаборационистов во Франции и Германии. В этом свете можно рассматривать и обязательные обследования женщин на "источники инфекции", не говоря уже о безжалостной дисциплине в домах для "обездоленных" девочек и, не в последнюю очередь, о

постоянных подозрениях, что жертвы изнасилования на самом деле согласились на подходы оккупантов и даже требовали финансовой компенсации за свое аморальное поведение.⁵⁶

Неоднократно отмечается, что жертвами злодеяний, совершенных союзниками и немецкими солдатами во Второй мировой войне, было побежденное население, и что они были частью сексуального завоевания страны. Изнасилование, связанное с войной, классифицируется в семантическом поле насильственного посягательства на права, собственность и коллективную честь других людей.⁵⁷ Как бы правдоподобно это ни звучало, на мой взгляд, это крайне абстрактное объяснение не помогает нам понять, что произошло. Концепция символического коллективного изнасилования, как и более ранняя идея естественного мужского полового влечения, рискует скорее нормализовать сексуальное насилие на войне и представить его как неизбежное зло.

На мой взгляд, было бы полезнее считать, что именно специфический опыт обращения с полами и сложившиеся модели поведения в различных армиях привели к вспышке сексуального насилия в конце войны. Изнасилования происходили по мере продвижения армий на Германию - коммунальные акты уже были "опробованы" американцами в Британии и Франции и Советами на Востоке.

Наряду с острыми военными возможностями для массовых изнасилований немецких женщин, взаимодействие этнических, сексистских и специфических социальных факторов может быть еще одной причиной того, что судьба немецких женщин никогда не была признана и не вызывала сочувствия. Их никогда не выделяли как группу жертв, поскольку их

насиловали не только как немцев или женщин. Как мы увидим, это имело амбивалентные последствия в попытках примириться с произошедшим. Отношение к ужасным событиям как к жестокой судьбе нации помогло, в частности, в обсуждении бегства и изгнания немцев, но это также означало, что долгое время судьба отдельных женщин игнорировалась и не признается по сей день. Это была судьба женщины, что в послевоенном обществе, заинтересованном в восстановлении мужского господства, привело к обесцениванию группы жертв, которые были "женскими" и, следовательно, неполноценными.

"СЕКСУАЛЬНОЕ ЗАВОЕВАНИЕ ЕВРОПЫ"?

Решение второй раз за поколение отправить солдат через Атлантику, чтобы они сражались на стороне союзников против Германии, поначалу не пользовалось популярностью среди населения США. Только после нападения японцев на Перл-Харбор в декабре 1941 года настроение изменилось. После первоначальной цели освобождения оккупированных немцами стран, разоружения врага и привлечения к ответственности главных виновных, целью стало восстановление безопасности и порядка и перевоспитание немцев для построения демократии. Долгосрочная цель США по укреплению американского влияния в Европе и сдерживанию Советов в конечном итоге потребовала присутствия американских войск за рубежом в течение многих лет.

Перспектива постоянного пребывания в Европе в условиях жизни, намного худших, чем дома, не пользовалась популярностью у солдат. Благородные политические мотивы сами по себе часто были недостаточны для мотивации рядовых солдат. В своей книге *"Что делают солдаты"*, посвященной

сексуальным завоеваниям военнослужащих во Франции в конце Второй мировой войны, Мэри Луиза Робертс указывает на еще один мотив, использовавшийся армией США для завлечения солдат - награда за усилия и тяготы войны могла быть и сексуального характера в виде европейских женщин.

Робертс показывает, что армия США, пытаясь вдохновить молодых людей на борьбу, вполне сознательно распространяла образ французских и европейских женщин как сексуально голодных и открытых. В военных газетах и пропагандистских листовках перспектива долгой и тяжелой борьбы за освобождение Европы от немецкого агрессора была откровенно сделана более приятной благодаря перспективе благодарности со стороны женщин.⁵⁸ Бесчисленные карикатуры и фотографии показывали американских героев, которых обнимали и целовали женщины в освобожденных странах. Робертс утверждает, что "завоевание" женщин преследовало двойную цель: с одной стороны, как трофей для самих американских солдат, а с другой стороны, как стратегия в борьбе за господство в стране. Секс по согласию и без согласия иностранцев с их женами и дочерьми ясно продемонстрировал мужчинам Европы, насколько незначительным стало их положение в мире.⁵⁹

Таким образом, изнасилования американскими солдатами начались не после того, как они перешли Рейн, а сразу после высадки в Нормандии, где шли бои, грабежи и разрушения со стороны американских войск. Французские женщины пострадали из-за своей репутации среди американских мужчин как особенно легкой добычи. Длительная пропаганда США, направленная на поощрение и сексуализацию американских

солдат, имела свои последствия: "Миф о мужественном солдате оказался *слишком* успешным. Сексуальные фантазии о Франции действительно побуждали солдат выходить из лодки и сражаться. Но такие фантазии также вызвали настоящее цунами мужской похоти"⁶⁰.

Завоевание и освобождение Европы выглядело как романтический роман - выраженный смеющимися женщинами в объятиях американских солдат - но в действительности французы были вынуждены постоянно жаловаться военным властям на то, что солдаты искали секса на публике среди бела дня, иногда мирно, но иногда и силой. Для этого идеально подходили парки, разрушенные здания, кладбища, железнодорожные пути.

Несмотря на многочисленные жалобы, командование американской армии не сделало ничего, чтобы дисциплинировать свои войска. Вместо этого оно оправдывало поведение солдат, ссылаясь на военную - то есть мужскую - неспособность Франции противостоять нацистской Германии, и высокомерно решило, что такие социальные пороки, как открытая и тайная проституция, особенно молодых девушек из сельской местности, и растущий уровень заражения венерическими заболеваниями являются французской проблемой - до тех пор, пока американская общественность, особенно женщины, остается нетронутой этим.

Однако когда жалобы на изнасилования французов участились и стали достоянием американских СМИ, армейское руководство прибегло к обвинению афроамериканских солдат, которых преследовали и наказывали с особой строгостью. В октябре 1944 года 152 американских солдата, в том числе 139

чернокожих, были осуждены за изнасилование во Франции. В течение одного года сорок пять чернокожих солдат были казнены за изнасилование. Это вполне устраивало французов, которые также были особенно заинтересованы в преследовании темнокожих преступников.

Робертс считает, что непропорционально большое число чернокожих военнослужащих, согласно официальным данным об изнасилованиях во Франции летом 1944 года, было вызвано не только страхом француженок перед "черным мужчиной", но и структурным фактором: большинство жалоб было связано с изнасилованиями военнослужащих подразделений снабжения, в которых доля чернокожих была выше, чем в боевых частях. Они были менее мобильны, чем другие подразделения, и поэтому было легче привлечь кого-либо к ответственности за преступление. Однако в то время люди, естественно, искали другое объяснение непропорционально большому числу подозреваемых афроамериканцев: как уже упоминалось, считалось, что чернокожие мужчины обладают более сильными влечениями и слабым контролем. Около 77 процентов всех изнасилований, по которым были вынесены обвинительные приговоры во Франции, были совершены афроамериканцами; позднее, в Германии, эта доля сократилась до менее чем трети.^{[61](#)}

Исследование Робертса ясно показывает, что поведение американских солдат во Франции уже было похоже на то, что позже должно было произойти в Германии, хотя и не с такой жестокостью. Молчаливое принятие сексуальной распущенности, также как и надежда на противоядие от гомоэротического климата в армии (принудительное

сексуальное ограничение рассматривалось как причина гомосексуализма), в конечном итоге имело большее значение, чем вопрос о том, принадлежали ли сексуальные объекты к дружественной или вражеской нации. Современные свидетели уже отмечали насильственный и интенсивный характер "братания" солдат в Европе. В то время также проводилось очевидное сравнение между завоеванием сексуальных партнеров и завоеванием врага, чье человеческое достоинство и равенство отрицалось.⁶² По словам Карен Хагеманн, эротическое братание стало "скорее мифом, чем ударом в спину". Тот факт, что их честь была задета из-за того, что они не смогли выполнить свой мужской долг и защитить "своих" женщин, использовался немецкими мужчинами, чтобы оправдать и отмежеваться от чувства вины и направить свою агрессию против "любовников-янки".⁶³

Изнасилование, подслащенное плиткой шоколада

Американский писатель и журналист Мейер Левин, работавший военным корреспондентом во время Второй мировой войны, признался, что после того, что он увидел в концентрационном лагере Терезиенштадт, он почувствовал в себе потребность отомстить в форме изнасилования:

На войне происходит отмена общего кодекса человеческого сообщества. Убивать правильно, и с этой санкцией приходит принуждение отменить все другие цивилизованные запреты: воровать, лгать, богохульствовать и насиловать.... Так кража превращается в грабеж, изнасилование в Германии совершалось с помощью плитки шоколада и называлось братанием".⁶⁴

Другими словами, очевидец говорил, что для американцев братание может быть эвфемизмом для изнасилования. Эта самокритичная оценка поражает и показывает, насколько обманчиво считать фотографии восторженно приветствующих американских солдат в своих танках отражением гармоничной реальности. За этими изображениями скрывалось гораздо больше, чем просто заслуженный отдых и расслабление испытанных в боях солдат.

Вполне возможно, что сексуальное насилие со стороны американцев также было результатом предрассудков и взаимного непонимания. Петра Гедде считает, что контакты между чернокожими американцами и немецкими женщинами быстро обострились из-за взаимных предрассудков - немецкие женщины считали чернокожих мужчин движимыми похотью и бурно реагировали на приставания афроамериканцев, в то время как американцы действовали, исходя из ложного предположения, что у немецких женщин меньше проблем с этническими барьерами в вопросах секса, чем у белых американок. Солдаты слышали, что европейские женщины в целом менее сексуально зажаты, чем женщины на родине. Уже одно это давало достаточно материала для недоразумений. Более того, разница между "приличной" женщиной и проституткой не всегда была очевидна для военнослужащих, а немецкие женщины не понимали, что определенное поведение с их стороны означает согласие с ними. [65.](#)

Несомненно, между немецкими женщинами и американскими оккупационными войсками также было много отношений по обоюдному согласию. Из примерно 70 000 матерей оккупационных детей только около 5 процентов утверждали,

что они забеременели в результате применения силы. Немецкие женщины были очарованы относительным благополучием американских солдат и в разрушенной послевоенной Германии мечтали начать жизнь заново в Новом Свете. Они видели хорошую физическую форму и оптимизм солдат-пехотинцев в контрасте с их собственными, часто обгоревшими и искалеченными мужчинами, отмеченными боями и пленом. Но прежде всего именно тяжелые условия жизни побуждали женщин (как тогда, так и сегодня в странах, где процветает секс-туризм) вступать в связь с иностранными солдатами. Один пример иллюстрирует бедность и лишения немецкого населения в конце войны. В еженедельном отчете за июль 1945 года мэр Бад-Висзее, сегодня процветающего города в Верхней Баварии, писал в районный совет в Мисбахе: "Показателем продолжающегося плохого питания и состояния здоровья населения является не только общее плохое самочувствие, но и обмороки, которые иногда наблюдались даже при легких инфекционных заболеваниях. Около трети населения заметно недоедает, а детей даже видели роющимися в мусорных баках в поисках американской еды."⁶⁶

По этой причине у военнослужащих и немецких женщин были определенные взаимные интересы. В частности, для чернокожих солдат, которым в то время в США не разрешалось жениться на белых женщинах и которые страдали от многих других форм дискриминации и сегрегации, перспектива отношений с белой женщиной вполне могла быть не менее заманчивой, чем перспектива лучшей жизни и даже эмиграции для немецкой женщины. Моральное суждение, до сих пор встречающееся в современной историографии, о том, что

немецкие женщины были особенно раскованными, сексуально голодными и морально нищими, по-прежнему окрашено негативной интерпретацией событий того времени.

БЕСПРЕРЫВНОЕ УТВЕРЖДЕНИЕ ВЛАСТИ ОККУПАНТОВ

Американская оккупационная зона, состоящая из частей южной и центральной Германии, Бремена и Бремерхафена, имела площадь 116 000 квадратных километров, примерно такую же, как и советская зона. Американское военное командование во Франкфурте-на-Майне отвечало за 16,7 миллиона немцев. Основное отношение немцев к американцам было двойственным. Победоносную державу идеализировали как оплот свободы и равенства, как защитника, но в то же время демонизировали за отсутствие культуры, материализм и агрессивную гегемонистскую политику.⁶⁷ Британские солдаты воспринимались как процветающие, расслабленные и дружелюбные по отношению к детям (последнее относилось и к Красной Армии), но также и как хамоватые обыватели, распутные, ребячливые и некультурные.⁶⁸ Как и в случае с Берлином, сексуальные и другие насильственные действия американцев не прекратились с окончанием войны, а продолжали возмущать население в течение многих лет, мало способствуя улучшению двойственного отношения немцев к "оккупантам".

Только в округе Траунштайн в течение нескольких недель в мае 1946 года, через год после окончания войны, было зарегистрировано несколько инцидентов. Когда среди этих инцидентов были и убийства, население поднялось в гневе и потребовало "удалить" по возможности всех "иностранцев", чтобы повысить правовую безопасность в регионе.⁶⁹ В богатом

районе на окраине Мюнхена продавщица магазина здорового питания была изнасилована в июне 1946 года двумя американскими солдатами. Она гуляла, когда в 20 метрах от нее остановился легкий американский военный грузовик. Один из солдат с взведенной винтовкой приказал ей пройти с ним за деревья.

Я сказала по-английски: "Нет, я не пойду с вами, я порядочная девушка". Тогда он направил на меня винтовку и с силой сказал: "Ты пойдешь со мной". Я засунула вязание в сумочку и попыталась убежать. Он схватил меня за руку, направил на меня оружие и потянул в подлесок... После общения он был приветлив и велел мне никому не говорить о случившемся, даже своему товарищу.

Но на этом все не закончилось. Второй солдат пригрозил застрелить ее, если она не пойдет с ним на деревья. После того как женщина подверглась этому изнасилованию, первый американец спросил ее, встретится ли она с ним снова на том же месте на следующее утро, на что она согласилась. Они дали мне две сигареты и кусочек шоколада и уехали в направлении "Графелинга". Женщины сразу же обратились к врачу, который подтвердил наличие травмы половых органов, а затем в полицию.^{[70](#)}

Этот случай показывает, насколько самоуверенными, но в то же время и невежественными были американцы в своем поведении. Они без всяких угрызений совести нападали среди бела дня, полагая, что смогут откупиться от неприятностей подачкой, и даже повторить свой поступок. Им нечего было бояться немецких властей, и хотя они уважали свою

собственную администрацию, это не мешало им действовать сообща.

В Хохбрюке-бай-Обершляйсхайме 32-летняя Кете К. также подверглась нападению из армейской машины в июне 1946 года. Она оказала энергичное сопротивление, за что была избита и избита дубинками. И снова товарищ наблюдал за изнасилованием. После этого нападавший велел ей молчать и ничего не говорить начальству. Когда подъехали другие солдаты на другой машине, они помогли ей и отвезли ее в военную полицию. В другом сообщении из того же региона говорится о гостинице, в которой четверо американских солдат реквизируют номер и неоднократно приводили туда женщин.^{[71](#)}

До вступления в силу Парижских договоров в 1955 году немецкая полиция и юрисдикция были бессильны перед лицом этих нападений. Ни американцы, ни солдаты союзников в других оккупированных зонах не могли быть обвинены ни ими, ни судами оккупантов. Только после 1955 года немецкая юрисдикция была распространена на все неуголовные дела против физических лиц из союзных армий, хотя и с очень ограниченными возможностями, как мы увидим позже на примере исков об установлении отцовства против военнослужащих оккупационных сил.

Еще одним источником раздражения был тот факт, что даже после официального окончания оккупационного статуса американские вооруженные силы неоднократно отказывались сотрудничать с немецкой полицией. Доказательства не признавались, преступники защищались, а жертвы подвергались уголовному преследованию и запугиванию.

Иногда американские следователи разыскивали их дома и допрашивали на детекторе лжи, не давая возможности вызвать адвоката. Если возбуждалось судебное разбирательство, оно проводилось в соответствии с американским процессуальным законодательством, которое также включало перекрестный допрос, процедура, неизвестная в Германии.

Немецкая лига защиты детей обратилась в Федеральное министерство юстиции с письмом по этому поводу в августе 1956 года. 15-летняя школьница Эрика Л. сломалась в Вюрцбурге после перекрестного допроса. На следующий день американские врачи заявили, что она может снова давать показания, но она снова сломалась, как только начался допрос, и ее пришлось госпитализировать. Она была изнасилована восемью американскими солдатами. Во время перекрестного допроса, который длился несколько часов, не были приняты во внимание ни ее молодость, ни чувство стыда и смущения. Лига защиты детей назвала эту процедуру "вторым изнасилованием" и призвала политиков обеспечить лучшую защиту, по крайней мере для несовершеннолетних, в американских судах. Но министр юстиции медлил с ответом. Он сказал, что преследование военнослужащих американских вооруженных сил находится в компетенции армии, а обвиняемый имеет право проверить достоверность показаний свидетеля путем перекрестного допроса. По крайней мере, в данном случае третий допрос проходил дома у девушки, что избавило ее от необходимости снова противостоять нападавшим.⁷² Не стоит забывать, что тактика обвинения жертв изнасилования была не только особенностью американской военной юстиции, но и до сих пор остается

популярной стратегией защиты, позволяющей усомниться в правдивости жертвы.

Баварская пресса также неоднократно жаловалась на мягкие приговоры, вынесенные американским солдатам, осужденным за изнасилование. Оправдательные приговоры по делу об изнасиловании 12-летней И. С. в 1959 году вызвали яростные протесты.⁷³ Обеспокоенные члены парламента и церковные лидеры обратились в Министерство иностранных дел с вопросом, нельзя ли дипломатическими средствами добиться того, чтобы немецких женщин и девочек оставили в покое. Насилие усиливалось каждый раз, когда размещалось новое подразделение. Например, в 1963 году в городе Гельнхаузен в Гессене, где были расквартированы части 3-й танковой дивизии США, даже через восемнадцать лет после окончания войны наблюдался такой рост краж имущества, вандализма и насилия, что жители стали задаваться вопросом, кто защитит их от американцев. После изнасилования 37-летней женщины американским солдатом городской совет обратился с протестом в штаб гарнизона, а пятеро граждан взяли закон в свои руки и избили чернокожего солдата. *Der Spiegel* опубликовал подробный отчет о том, что отсутствие безопасности на улицах также разрушило доверие населения к американскому чувству справедливости. В двух случаях гражданские лица следовали за солдатами, пойманными на месте преступления, в казармы, но караульные отводили их в безопасное место на экстерриториальной территории. Только за период с 8 августа по 25 сентября военнослужащими было совершено двадцать одно преступление. Офицер полиции, попросивший предъявить документы солдата, который

пытался украсть прожектор со строительной площадки, получил перелом пальца. Хотя местный командир, полковник Джеймс Терри, обещал улучшение ситуации, это было безрезультатно. После нагромождения немецких машин, вызванного американскими дымовыми гранатами, солдат пробрался ночью в спальню супружеской пары и убежал только тогда, когда они громко звали на помощь.

Жители Гельнхаузена быстро поняли, что сообщать о подобных инцидентах бессмысленно. Молодой работник почты, который был избит американскими солдатами и опознал преступников в казарме, позже был снова сильно избит теми же солдатами". Население также возмущало то, что осужденных преступников не сажали в тюрьму, а "перевоспитывали" в казармах. Часто они получали лишь выговор и выволочку от своего командира. Пьяный капитан, ставший причиной дорожно-транспортного происшествия, в результате которого погибли два человека и еще несколько получили ранения, отделался предупреждением и штрафом в 400 марок. Жители Гельнхаузена по-своему отреагировали на свое правовое бессилие. Отец, чья дочь едва избежала изнасилования, купил пистолет. Насильник 37-летней женщины так и не был пойман.^{[74](#)}

Нередко женщины подвергались нападениям в открытую, иногда даже в сопровождении мужчины. 4 декабря 1951 года 26-летний клерк К. С. шел домой со своей женой в Бад-Киссингене. Незадолго до того, как они дошли до дома, их остановили два пьяных американских солдата. Один из них схватил женщину за плечи и попытался оттащить ее. Ее муж вмешался и потребовал, чтобы солдаты оставили его жену в

покое. Ей удалось вырваться, но другой солдат ударил мужчину кулаком и ранил его. Он смог убежать и вызвать военную полицию, которая прибыла, когда эти двое еще продолжали буйствовать. Депутат лишь полушепотом сказал им, чтобы они шли домой, а затем снова уехал.

В Вюрцбурге в апреле 1952 года две женщины, также с мужчиной, подверглись приставаниям американских солдат. Немецкий мужчина встал перед женщинами, чтобы защитить их. Один из солдат ударил его кулаком, а другой бросил камень ему в голову, вызвав подозрение на перелом черепа.^{[75](#)} Городской совет Бад Киссингена зимой 1951 года в письме к региональным властям Нижней Франконии жаловался на поразительное количество инцидентов такого рода, особенно во время Рождества.^{[76](#)} Жители Бамберга в это время также были обеспокоены многочисленными инцидентами с участием военнослужащих. Помимо изнасилований, имели место вандализм, стрельба, драки, кражи и даже убийства, часто в состоянии алкогольного опьянения. Когда жалобы из общин, где были расквартированы американские войска, стали нарастать, президент Баварии Ханс Эрхард в январе 1952 года обратился с письмом к ландескомиссару США Орону Дж. Хейлу, заявив, что, хотя он не имеет права критиковать поведение оккупационной армии, он считает, что необходимо срочно научить командиров низшего звена "плохой службе, которую это поведение оказывает общим интересам Запада и престижу величайшей демократии в мире".^{[77](#)}

Призыв был составлен с благими намерениями, но не имел большого эффекта. Только за последние три месяца 1952 года Министерство внутренних дел Баварии получило сообщения о

227 серьезных инцидентах с участием американских солдат, включая 18 попыток или успешных изнасилований.⁷⁸ Год спустя, за последние три месяца 1953 года, поступило 260 сообщений о нарушениях безопасности американскими солдатами, что даже больше, чем в предыдущем году. Население особенно обеспокоено многочисленными попытками или успешными сексуальными преступлениями, совершенными американскими солдатами", - писало Министерство внутренних дел Баварии.⁷⁹ Особенно опасной считалась территория вблизи военных полигонов. Большинство зарегистрированных нападений были групповыми изнасилованиями.

Эти примеры из Баварии повторялись и в других регионах, находившихся под американской оккупацией. Спустя годы после окончания войны сексуальное подавление Германии - реакция на страдания войны и невероятные лишения, которые немцы причиняли своим врагам, - очевидно, превратилось в жест власти через сексуальные действия.

ПАРАЛЛЕЛИ И РАЗЛИЧИЯ

Хотя для жертв не имело большого значения, в какую форму был одет изнасиловавший их солдат, я считаю, что было бы полезно сравнить советские и американские преступления, не в последнюю очередь потому, что последствия и коллективная память настолько различны. Как мы уже видели, сами действия были похожи. После месяцев и лет боев солдаты обеих главных держав-победительниц уже совершали изнасилования своих союзников на Востоке, в Великобритании и Франции соответственно. После столкновения с чудовищными преступлениями немецкого вермахта и освобождения

концентрационных и истребительных лагерей с их горами трупов, сексуальное насилие, тем не менее, возросло в геометрической прогрессии. Оно было направлено на население, которое из-за страха, а также по причинам идеологии и самодовольства оказало неожиданно ожесточенное сопротивление. Относительное процветание врага вызывало ярость и зависть не только у советских людей. GIs в Верхней Баварии также мародерствовали, крали часы, велосипеды и другие ценности. Более того, пропаганда и слухи о якобы аморальной жизни немецких женщин подталкивали обе армии к мысли, что каждый солдат имеет право на женский трофей.

С другой стороны, мы видим страх перед "азиатскими зверями", а также перед афроамериканскими войсками; убеждение, что они были особенно раскованными и нецивилизованными; смутное ожидание возмездия за проступки предыдущих лет. Угроза оружия и правовая незащищенность, вероятно, также заставляли жертв казаться более пассивными, и это убеждение подкреплялось общим предубеждением союзников о побежденном немецком народе как о трусливом и желающем выслужиться, а также о нации, которая, как известно, охотно принимает и выполняет приказы.

После первой фазы завоевания задокументированные изнасилования американцев часто кажутся простыми демонстрациями силы. Они происходили среди бела дня, группами, без малейшего страха перед немецкими властями и лишь с легкими опасениями в отношении своих собственных. Население понимало это, но у него не было иного выбора,

кроме как решительно призвать к большей дисциплине. Некоторые групповые изнасилования, по-видимому, носили систематический характер, например, когда советские и американские граждане создавали временные помещения, в которых они могли издеваться над женщинами несколько дней подряд.

Интересно также отметить, что различия в стратегиях двух ведущих держав по отношению к немцам, похоже, никак не повлияли на проблему изнасилований. Американцы изначально призывали к строгому запрету на братание, в то время как Советы лишь постепенно отсеивали свои войска от гражданского населения. Как мы увидим на примере французов, которые разместили своих солдат в гражданских домах, чтобы они жили в тесном контакте с покоренным населением юго-западной Германии, ни один из этих подходов не привел к улучшению ситуации с сексуальными нападениями. Помимо различных структурных и ситуационных факторов, способствовавших формированию культуры изнасилования среди солдат, прежде всего, образ женщин - и особенно немецких женщин - и гендерные роли того времени привели к сексуальному насилию, которым было отмечено завоевание Германии всеми оккупационными войсками.

Примечания

1. Стефан Хебель (ред.), *Alltag in Trümmern: Zeitzeugen berichten über das Kriegsende 1945* (Berlin 2005), p. 137.
2. Günter Sagan, *Kriegsende 1945: Die dramatischen Wochen vor und nach der Kapitulation* (Petersberg 2008).

- [3.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, pp. 844-5.
- [4.](#) Там же, стр. 842-53.
- [5.](#) Там же.
- [6.](#) Там же, стр. 994.
- [7.](#) Там же, стр. 1326.
- [8.](#) Там же, стр. 1010.
- [9.](#) Лилли, *Взятые силой*, стр. 120.
- [10.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 835.
- [11.](#) Лилли, *Взятые силой*, стр. 120.
- [12.](#) Это не означает, что ИГ чаще насиловали женщин этого возраста, а скорее то, что виновные в этих случаях чаще привлекались к суду.
- [13.](#) Лилли, *Взятые силой*, стр. 144.
- [14.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 571.
- [15.](#) Там же, стр. 323.
- [16.](#) Там же, стр. 1386-7.
- [17.](#) Там же, стр. 1130.
- [18.](#) Там же, стр. 1167.
- [19.](#) Там же, стр. 1317.
- [20.](#) См. Anthony D. Kauders, *Democratisation and the Jews: Мюнхен 1945-1965* (Lincoln, NE 2004).
- [21.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 626.

[22.](#) Там же, стр. 502.

[23.](#) Там же, стр. 563.

[24.](#) Там же, стр. 489.

[25.](#) Там же, стр. 491.

[26.](#) Там же, стр. 437.

[227.](#) Там же, стр. 556.

[28.](#) Там же, стр. 568.

[29.](#) Там же, стр. 585.

[30.](#) Там же, стр. 328.

[31.](#) У нас есть точные данные о жертвах из следующих мест: одна из Хельфендорфа, четыре из Хааг-ан-дер-Ампера (включая "непорочную девушку шестнадцати лет, одну замужнюю и одну незамужнюю женщину"), шесть в приходе Лицдорф (четыре крестьянские девушки, одна эвакуированная и одна армейская помощница), три в Тунтенхаузене, от пяти до десяти в Дорфене, восемь в приходе Рамзау, десять в Швиндкирхене ("добродетельные женщины и девушки"), восемь "серьезных случаев" в Тауфкирхен-ан-дер-Вильс, один в Трудеринге, две замужние женщины в Хергерсдорфе, одна 63-летняя женщина в Кирхаше, одна в Аллинге, три в Герлинден-бай-Майзах, одна в Инкофене, одна 17-летняя в Энсдорфе, одна замужняя женщина и три девочки в Гроссхольцхаузене, одна в Майлинге, три в Пфарренхофен-ам-Инн, одно изнасилование в Бёбинге ("15-летнему подростку удалось спастись"), одно в Обермарбахе, одна 7-летняя девочка в

Шайерне, зараженная гонореей, одна во Фрасдорфе, две в Зайзеринге, одна в Остерварнгау, одна мать четырех детей в Штайнгау/Оттерфинге, одна замужняя женщина и две девочки в Петтинге, две в Тейзендорфе, две в Оттинге, от шести до восьми в Зигсдорфе, две в Вахендорфе, две в Лохкирхене, одна в Нидертауфкирхене, восемь в Обербергкирхене, одна в Оберварнгау, шесть или семь в Ранольдсберге, две в Шёнберге, четыре в Штефанскирхене (включая 69-летнюю женщину), две в Байербахе, пять в Хоэнпольдинге, одна в Паулусцелле, одна в Бабеншаме, одна в Фюрхольцене, одна в Лангенбахе и три в Ленгрисе.

[32.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 1087.

[33.](#) Там же, стр. 1193-4.

[34.](#) Там же, стр. 1252.

[35.](#) Там же, стр. 1260.

[36.](#) Lilly, *Taken by Force*, p. 163; см. также Mary Louise Roberts, *What Soldiers Do: Sex and the American GI in World War II France* (Chicago 2013), pp. 222-4.

[37.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 1352.

[38.](#) Национальный архив, штаб XX корпуса, Офис проректора, ответы на вопросы об изнасилованиях, файл №. 70, 5 июня 1945 года: Изнасилование немецких женщин американскими солдатами (ID Национального архива: 6081861).

[39.](#) Там же.

[40.](#) Там же.

- [41.](#) Лилли, *Взятые силой*, стр. 149.
- [42.](#) Erika Hoerning, 'Frauen als Kriegsbeute: Der Zwei-Fronten-Krieg, Beispiele aus Berlin', in: Lutz Niethammer and Alexander von Plato (eds.), *'Wir kriegen jetzt andere Zeiten': Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern* (Bonn 1985), pp. 327-44, здесь p. 334.
- [43.](#) Лилли, *Взятые силой*, стр. 146.
- [44.](#) Там же, стр. 151-2.
- [45.](#) Andreas Reckwitz, 'Umkämpfte Maskulinität: Zur historischen Kultursoziologie männlicher Subjektformen und ihrer Affektivitäten vom Zeitalter der Empfindsamkeit bis zur Postmoderne', in: Borutta and Verheyen (eds.), *Die Präsenz der Gefühle*, pp. 57-80, здесь p. 67.
- [46.](#) *Meyers Grosses Konversationslexikon* 1905 года гласит: "Нервная система в целом более раздражительна у женского пола... Существуют также психические гендерные различия; у женщин преобладают чувства и эмоции, у мужчин - интеллект и разум; у женщин более живое воображение, чем у мужчин, но оно редко достигает таких высот и смелости, как у мужчин". Цитируется в Angelika Schaser, *Frauenbewegung in Deutschland: 1848 bis 1933* (Dortmund 2006), p. 69.
- [47.](#) Женщины были зачислены в боевые части Красной Армии и сражались наравне с мужчинами. После вторжения нацистской Германии защита родины стала патриотическим долгом как мужчин, так и женщин. Около 800 000 женщин служили в армии, флоте и ВВС или в тылу,

а с 1942 года они проходили подготовку в специальных учреждениях как снайперы, летчики или офицеры. Идеалом, как и в Германии, была сильная и независимая женщина на фронте, которая должна была занять место мужчины и в то же время поддерживать огонь в доме для возвращающихся солдат.

[48.](#) Reckwitz, 'Umkämpfte Maskulinität'.

[49.](#) Frank Werner, 'Noch härter, noch kälter, noch mitleidloser': Soldatische Männlichkeit im deutschen Vernichtungskrieg 1941-1944', in: Anette Dietrich and Ljiljana Heise (eds.), *Männlichkeitskonstruktionen im Nationalsozialismus* (Frankfurt 2003), pp. 45-63, 51.

[50.](#) См. Sonya O. Rose, 'Temperate Heroes: Концепции мужественности в Британии времен Второй мировой войны', в: Stefan Dudink, Karen Hagemann and John Tosh, *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History* (Manchester 2004), pp. 177-95.

[51.](#) Thomas Kühne, 'Zärtlichkeit und Zynismus: Militärische Vergemeinschaftung 1918-1945', in: Borutta and Verheyen (eds.), *Die Präsenz der Gefühle*, pp. 179-202, здесь p. 183.

[52.](#) Там же, стр. 191.

[53.](#) Мерридейл, *Война Ивана*, стр. 267.

[54.](#) Там же, стр. 268.

[55.](#) Габи Ципфель, 'Ausnahmezustand Krieg?', in: Insa Eschebach and Regina Mühlhäuser (eds.), *Krieg und Geschlecht: Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-*

Konzentrationslagern (Berlin 2008), pp. 55-74; см. также Miranda Alison, 'Sexuelle Gewalt in Zeiten des Kriegs: Menschenrechte für Frauen und Vorstellungen von Männlichkeit', in: Eschebach and Mühlhäuser (eds.), *Krieg und Geschlecht*, pp. 35-54.

[56.](#) Джон Хорн, "Мужественность в политике и войне в эпоху национальных государств и мировых войн, 1850-1950", в: Dudink et al., *Masculinities*, p. 33.

[57.](#) Angela Koch, 'Die Verletzung der Gemeinschaft: Zur Relation der Wort- und Ideengeschichte von "Vergewaltigung"', in: *Österreichische Zeitschrift für Geschichtswissenschaft* 15, 1 (2004), pp. 37-56, здесь p. 46.

[58.](#) Робертс, *Что делают солдаты*, стр. 62-3.

[59.](#) Там же, стр. 7.

[60.](#) Там же, стр. 9.

[61.](#) Это все еще непропорционально процентной доле афроамериканских солдат в армии: *ibid.*, p. 196.

[62.](#) Петра Гедде, *GIs and Germans: Культура, гендер и внешние отношения 1945-1949* (Нью-Хейвен и Лондон 2003), стр. 83.

[63.](#) Karen Hagemann, 'Heimat-Front: Militär, Gewalt und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege', in: Hagemann et al. (eds.), *Heimat-Front*, pp. 13-52, здесь p. 40.

[64.](#) Цитируется в Goedde, *GIs and Germans*, p. 84.

[65.](#) Там же, стр. 220-1.

- [66.](#) Staatsarchiv München, Zur Sicherheitslage, Wochenbericht Bürgermeister von Bad Wiessee an den Landrat Miesbach, Wochenbericht 23-29 July 1945, LRA 148574.
- [67.](#) См. Christian T. Müller, *US-Truppen und Sowjetarmee in Deutschland: Erfahrungen, Beziehungen, Konflikte im Vergleich* (Paderborn 2011).
- [68.](#) Там же, стр. 220-1.
- [69.](#) Staatsarchiv München, LRA 214430 Traunstein 16 мая 1946 года.
- [70.](#) Staatsarchiv München, LRA 148575.
- [71.](#) Штаатсархив Мюнхена, LRA 148576.
- [72.](#) Федеральный министр юстиции обратился к Немецкой лиге защиты детей 21 сентября 1946 года.
- [73.](#) BayHStaA, Minn 91951, Sicherheitsstörungen ausländischer Streitkräfte allg. 1959-1961.
- [74.](#) *Der Spiegel*, 45 (1963); онлайн-архив www.spiegel.de/spiegel/print/d-46172639.html.
- [75.](#) Polizeidirektion Würzburg, 13 апреля 1952 года, BayHStA, Minn 80209.
- [76.](#) BayHStA, Minn 80209, письмо от 28 декабря 1951 года.
- [77.](#) Президент Баварии - Ороу Дж. Хейлу 11 января 1952 года, BayHStA, Minn 80209.
- [78.](#) Sicherheitsstörungen durch Angehörige der Besatzungsmacht, Bayerisches Innenministerium on 30 January 1953, BayHStA, Minn 80209.

[79.](#) Innenministerium - Bayer. Staatskanzlei 17 октября 1953 года, BayHStA, Минн 80209.

БЕРЕМЕННЫЕ, БОЛЬНЫЕ, ПОДВЕРГШИЕСЯ ОСТРАКИЗМУ - ПОДХОДЫ К ЖЕРТВАМ

Мамочка, если бы мы только могли быть вместе. Я так боюсь, потому что у меня еще не было месячных. Скоро будет десять недель. Я надеюсь, что Господь не сделал этого со мной.

Габи Кёпп, пятнадцать лет, одна в полете 1

Мне не нужна благотворительность. Я хочу получить свои права, как любая другая мать. Я не понимаю, почему я должна страдать от последствий проигранной войны всю оставшуюся жизнь. 2

Маргарет С. в письме в Федеральное министерство социальных дел

Я принадлежу не к большому числу матерей с незаконнорожденными детьми, а к особой группе жертв войны, и я считаю, что правительство не должно отказывать мне в этом моральном признании.

М. К. из Бремена в своем обращении в Федеральное министерство внутренних дел 12 июня 1951 года 3

ЖЕРТВЫ ДВАЖДЫ

В сентябре 1961 года 35-летняя домохозяйка У. Г. предстала перед местным судом Опладена. Она была проинформирована о своем праве отказаться от дачи показаний, но заявила, что готова это сделать. Она рассказала, что поздним вечером 8 мая 1945 года она шла из Вайде в Штайнвег в районе Зегеберг, когда около семи часов вечера увидела британского мотоциклиста, прислонившегося к дереву. Его рука лежала на пистолете, лежавшем у него на коленях. Он обратился к двум женщинам и спросил на ломаном немецком языке, сколько им лет. В то время У. Г. было восемнадцать, а ее подруге - шестнадцать. Солдат сказал подруге, что она слишком молода для него и ей удалось убежать. Я не смогла убежать, - продолжала У. Г., - он схватил меня так, что я не могла освободиться. Он был, можно сказать, как животное, и повалил меня на землю, порвав при этом блузку".

Когда У. Г. позже поговорила со своей подругой, та сказала, что хотела позвать на помощь, но никого не нашла. У. Г. рассказала о случившемся своей матери, которая сказала ей, что сначала нужно дождаться следующих месячных. Но они не приходили. В отделе здравоохранения Бад-Зегеберга был проведен тест на беременность. Мать хотела, чтобы она сделала аборт, но в департаменте им сказали, что аборты строго запрещены. 30 января 1946 года У. Г. родила ребенка от британского насильника. Теперь, пятнадцать лет спустя, она поклялась, что ее показания были правдивыми. Она надеялась получить пособие по тяжелым обстоятельствам для своей дочери.

Одним из аспектов массовых изнасилований после войны, который до сих пор остается предметом обсуждения, является

тот факт, что во многих случаях страдания женщин не заканчивались изнасилованием. Многие жертвы вынуждены были терпеть унижения в течение многих лет после этого. Особенно у тех, кто забеременел в результате изнасилования, было очень мало шансов начать жизнь заново после войны. Их презирали в обществе, они боялись, что мужья их бросят, или обнаруживали, что, будучи обремененными "оккупационным ребенком", у них мало шансов найти партнера, который на них женится. К тому же им приходилось нести финансовые издержки, связанные с исходом изнасилования.

Нежелательная беременность была лишь одним из последствий сексуального насилия в конце войны. Те женщины, которые "всего лишь" заразились венерической болезнью и были вынуждены бороться "всего лишь" психологическими последствиями или были маргинализированы в обществе, должны были с болью узнать, как немецкое общество обращается с жертвами, к которым оно не испытывает никакого сочувствия.

Для У. Г. история продолжалась. Через два месяца после ее судебного заседания муниципальный советник в Amt für Verteidigungslasten [отдел по убыткам, понесенным иностранными военными] в Дюссельдорфе заявил, что она не представила никаких доказательств изнасилования, и потребовал, чтобы сбежавший друг был допрошен под присягой. Свидетельница была заслушана 21 декабря 1961 года. Она добавила, что они обе начали плакать, когда солдат заговорил с ними, и она сказала ему, что она очень молода и у нее дома больная мать. Затем солдат схватил ее подругу за руку. Она не смогла сказать, сопротивлялась ли ее подруга.

Однако ее показания удовлетворили судью, и 14 марта 1962 года У. Г. получила решение в свою пользу, предоставив ей пособие по лишениям для дочери в размере 65 марок в месяц с 1 октября 1958 года, за вычетом 50 процентов для учета государственных социальных выплат. Общая сумма составила 1 300 марок. Сейчас ребенку шестнадцать лет, и он должен был получать пособие по лишениям в размере 42 марок в месяц до окончания профессионального обучения в 1965 году. 4 Потребовалось двадцать лет, чтобы получить компенсацию, по крайней мере, финансового характера, за изнасилование.

Социальный климат того времени и учреждения, занимавшиеся женщинами, во многих случаях не помогали жертвам, а скорее ухудшали их положение. Бесчувственные гинекологи и жалкие юристы принимали решения по просьбам об абортах и искам о компенсации; авторитарные работники социального обеспечения контролировали их домашние и детские пособия, если у женщин рождался ребенок в результате изнасилования; жестокие полицейские помогали военной полиции оккупационных сил бороться с подозрительными "источниками заражения" венерическими заболеваниями - часто с теми же оккупационными силами, которые совершали изнасилования. При этом репутация и авторитет женщин всегда были поставлены на карту. Послевоенное общество было больше заинтересовано в борьбе за восстановление якобы утраченной "морали", чем в устранении последствий актов насилия, которым подверглось немецкое население в нацистскую эпоху и во время войны.

БРАТСТВО

Сегодня мало кто знает о массовых изнасилованиях, совершенных военнопленными и солдатами французской армии. В отличие от действий солдат Красной армии, эти преступления не вошли в коллективную немецкую память. Даже в небольших общинах они были забыты или замалчивались. Образы братания гораздо более яркие: женщины и девушки, которые подсаживались к ближайшему мускулистому солдату якобы за сигарету или пару нейлоновых чулок или просто потому, что американские солдаты казались им более привлекательными, чем истощенные немецкие мужчины. Говорили, что американцам потребовалось шесть лет, чтобы победить немецких солдат, но чтобы заполучить немецкую женщину, нужен был всего один день и плитка шоколада. 5

Сегодня трудно понять возмущение женщин, имевших отношения с оккупационными солдатами. Однако в то время и у оккупационных держав, и у немцев были разные причины, по которым они хотели предотвратить контакты между военными и гражданскими лицами. Для немцев существовали вопросы верности нации и солдатам, которые были убиты или взяты в плен на поле боя, в то время как американцы, британцы, французы и советские войска боялись, что неофициальные контакты с вражеским населением могут ослабить и подвергнуть опасности их собственные войска. Кроме того, союзники хотели, чтобы немцы однозначно поняли, что они проиграли войну и не могут рассчитывать на сочувствие или помилование.

Именно по этой причине еще 12 сентября 1944 года генерал Эйзенхауэр запретил личные контакты с немцами: "Каждый дружелюбный немецкий гражданский - это замаскированный солдат ненависти... Улыбка - это оружие, которое они используют, чтобы обезоружить вас. Не братайтесь".⁶ Это отношение было подкреплено запретом на братание в начале 1945 года, призванным предотвратить любые ненужные личные контакты. Однако после капитуляции Германии запрет на контакты оказался невыполнимым и нежелательным, поскольку оккупационные власти рассчитывали на помощь немцев в управлении оккупированными территориями, а также намеревались провести перевоспитание и демократизацию. К октябрю 1945 года американский запрет на братание был официально снят.

В то же время термин "братание" приобрел второе неофициальное значение, а именно: добровольный (гетеро-)сексуальный контакт между немецкими женщинами и западными солдатами и другими членами вооруженных сил.⁷ Даже если "братание" обычно ассоциируется с американскими солдатами, британцы имели схожие представления о характере и намерениях немецких женщин и предупреждали своих солдат соответствующим образом. В руководстве 1944 года британских солдат предупреждали, что "под влиянием шока от поражения стандарты личной чести, и без того подорванные нацистами, опустятся еще ниже. Многие немецкие женщины будут готовы, если им представится возможность, продешевить ради того, что они смогут получить от вас". Браки были запрещены британцами в качестве меры предосторожности, поскольку немецкие девушки становились

британками, выходя замуж за британских мужчин и используя все преимущества этой национальности. Они не будут делать это из любви: "Когда у них появятся брачные линии, он будет служить своей цели". Их также предупреждали, что немцы могут использовать привлекательных женщин в качестве шпионов: "Не будьте слишком готовы слушать истории, рассказанные привлекательными женщинами. Они могут действовать по приказу". 8.

Для жертв изнасилований - в частности, западных союзников - это суждение имело фатальные последствия. Женщинам было очень трудно избавиться от подозрений в братстве, даже если они были жертвами сексуального насилия. Одна из главных проблем заключалась в том, что изнасилование в целом - и не только в то время - часто рассматривалось как несчастье, навлеченное на женщину самой женщиной, результат неустойчивого женского характера. Изнасилование западным солдатом, а не советским, который в нацистской идеологии принадлежал к низшему виду, удваивало недоверие.

Существовали конкретные аргументы, которые в сочетании с социальными тревогами и чувством стыда образовывали сложную структуру, воющую против женщин. С одной стороны, существовала реальная потребность в пище, сигаретах и других товарах, доступных в больших количествах американским солдатам. Существовал также страх перед сексуальной и эмоциональной привлекательностью "победителей", что также воспринималось как оскорбление немецких мужчин. Этот страх подпитывал коллективный страх перед "выхолощенной" немецкой нацией. Отвержение и обида

на иностранцев и другие этнические группы подпитывали эту смесь эмоций и потребностей.

Немецкое население в целом считало тех, кто вступал в братство, проститутками. Женщины продавали себя не потому, что им это было необходимо или потому, что их выкосили, а потому, что они не хотели работать. Как таковые, они были оскорблением для всех мужчин, пожертвовавших собой в борьбе за немецкое отечество; они развлекались, в то время как бывшие солдаты страдали; они наносили ущерб "здоровью нации" и обременяли государственный сектор, распространяя венерические заболевания; они ставили под угрозу моральную дисциплину молодежи. Но прежде всего они угрожали буржуазной модели семьи с ее установленными гендерными ролями; только они были виноваты в том, что Германия потеряла свое достоинство после войны. Их внебрачные связи с солдатами оккупационных держав подрывали мораль и приличия; потребляя американских мужчин и продукты, они способствовали "американизации" Германии, сексуальной распущенности, материализму и "миссгенизации" в случае контакта с чернокожими солдатами. Единственное, что можно было сказать хорошего в этом моральном дискурсе, это то, что "янки-любовники", по крайней мере, защищали уважаемых женщин от сексуальных домогательств представителей оккупационных держав. 9.

Некоторые наблюдатели даже связывали предполагаемое моральное падение женщин с нацистским прошлым. После того как гитлеровский режим заставил людей заниматься "умственной проституцией", им не потребовалось много времени, чтобы сделать шаг к физической проституции.¹⁰ Это

был стратегический аргумент, который связывал якобы аморальных женщин с нацистской идеологией.¹¹ Сексуальные контакты с иностранными солдатами интерпретировались как продолжение аморального периода до 1945 года и предательство немецкого народа.¹²

Внимательное изучение отчетов о женских братствах показывает, что одна группа женщин, в частности, - представительницы низшего класса, неместные жительницы городов - обвинялись и даже публично выделялись путем обривания волос и других позорящих ритуалов. Само их существование, казалось, стояло на пути стремления к укреплению сексуальной и семейной морали после войны. К сожалению, были флирты между янки и немецкими девушками и женщинами. Была даже дружба с черными, к счастью, только в случае двух или трех бесчестных женщин (две из Силезии!)", - писал летом 1945 года Альберт Мишель, священник из Аллинга в округе Унтерпфаффенхофен.¹³ Пастор Йозеф Хорт из Гюндлкофена в Моосбурге также не скупился на слова, определяя тех, кто нарушал традиционный общественный порядок: "Сочувствие к эвакуированным обычно неуместно. Они ленивые, вороватые, спорящие, обвиняющие фермеров по мелочам, и их нужно как можно скорее прогнать из нашей баварской провинции".¹⁴

ДжиИ не нужно насиловать

Предвзятое моральное осуждение, особенно городских жителей и чужаков, в конце войны сочеталось с унижением поражения для немецкого мужчины. Проблема заключалась не в убийствах в недавнем прошлом страны, в которых были глубоко замешаны мужчины, а в моральном распаде

настоящего, который был спроецирован на женщин. Устойчивость этой точки зрения видна в сегодняшних профессиональных реконструкциях, которые по-прежнему не ставят под сомнение предрассудки того времени. В других серьезных историях оккупационного периода тема изнасилования рассматривается под заголовком "братание", смело связывая два аспекта, которые на самом деле совершенно несопоставимы - добровольные, иногда вызванные потребностями, отношения между солдатами и немецкими женщинами и сексуальную агрессию оккупантов. Это искаженное представление выливается в негибкий тезис, который и сегодня держит нас в неведении относительно изнасилований со стороны западных союзников; согласно этому тезису, сексуальная агрессия американцев была "ограниченной", потому что немецкие женщины были очень гостеприимны. Другими словами, солдатам не нужно было совершать изнасилования, потому что женщины в любом случае хотели заниматься с ними сексом. [15](#).

Этот тезис некритично основан на обсуждении в то время отношения немецких женщин к западным оккупационным войскам. Истинность этих утверждений, сделанных в конце войны, не подвергается сомнению, а просто делается вывод, что "случаи изнасилования на Западе были единичными и имели различные причины. Одна из них заключалась в том, что, очевидно, существовало достаточное количество немецких женщин, которые с самого начала были настолько привлекательны для оккупационных солдат, что не было необходимости в применении насилия" [16](#).

Как пишет историк Клаус-Дитмар Хенке, военнослужащие были в невыгодном положении по сравнению со своими французскими и немецкими товарищами, поскольку армия США не хотела предоставлять им военные публичные дома. Но "влечение" между американскими солдатами и немецкими женщинами было велико, и существовала взаимная потребность в отвлечении, нежности и сексуальных приключениях. Любопытство к умным и упитанным очаровашкам из сказочно богатой и превосходной Америки, "братание" со стороны немецких женщин началось в день их прибытия. Политика небратства американской армии, запрет на любые частные контакты солдат с гражданским населением противника, не могла конкурировать с этой силой притяжения. По мнению этого специалиста по истории американской оккупации, поэтому случаев изнасилования практически не было. В течение 1945 года, по его оценкам, было зафиксировано от 1000 до 1500 случаев.^{[17](#)}

Предрассудки, которые до сих пор существуют в исторических исследованиях, объясняются интенсивным нападением в то время на братание немецких женщин. Современные источники, которые в действительности весьма сомнительны, являются главными свидетелями этой неверной оценки.

Здесь не только мемуары немецких мужчин с уязвленным самолюбием, например, юриста Дитриха Гюстрова, который был прокурором в нацистскую эпоху, судьей и мэром после войны. Когда американцы прибыли в его деревню в Гарце, ему пришлось мириться с тем, что в его доме жили восемь американских солдат, что было особенно тяжело для его фанатично националистически настроенной матери-пруски.

Разочарование стало еще сильнее, когда их русская служанка, рабыня, неожиданно столкнулась с семьей Гюстроу. Она флиртовала с американцами и настаивала на своем праве после освобождения самой решать, когда ей работать на семью. Быстрый взлет бывшей рабыни, ставшей уверенным в себе членом семьи победителей, был типично горьким опытом для немцев того времени, особенно для глав семей, которые привыкли пользоваться неограниченной властью. Гюстров описал молодого американского офицера как "плохо воспитанного человека", который отказывался "сотрудничать" с немцами и нагло утверждал, что американские солдаты не были "гостями", а пришли в Германию как завоеватели.^{[18](#)}

Именно на этом фоне бесправной немецкой патриархальной системы, которая больше не контролировала своих женщин и вынуждена была стоять в стороне, когда они братались с новыми хозяевами, мотивируется критика этого слишком охотного братания: "Прошло совсем немного времени, прежде чем мы обнаружили, что ничто так не эротично, как власть"^{[19](#)}.

Еще один сомнительный источник, касающийся очевидной безнравственности немецких женщин, можно найти в отчетах американских солдат того времени. Многие солдаты с гордостью писали домой из Германии, как, например, этот: "Девушки здесь все хорошо развиты. Возможно, это потому, что я так долго отсутствовал, но они все кажутся мне красивыми. Брататься запрещено, но я думаю, что они не против, чтобы мы на них смотрели. Везде, где я был, они все одинаковые, кучка флиртующих".^{[20](#)}

Это зеркальное отражение немецкой документации, выражение триумфа над униженным патриархальным

обществом.^{[21](#)} Никто не может отрицать, что американских солдат и немецких женщин сильно влекло друг к другу и что потребность в отвлечении, нежности и сексуальных приключениях не была односторонней. Но те, кто посмотрит на большое количество изнасилований американскими солдатами, серьезно усомнятся в том, что это все, что было в истории немецко-американских сексуальных контактов.

Сексуальный порядок того времени, навеянный буржуазным христианским чувством морали, иерархией чувств, делает сегодня практически невозможным определить реальную природу сексуальных отношений. Но объяснять их просто как проявление поиска "человеческого тепла и развлечений" звучит как крайнее упрощение.^{[22](#)} Нам бы не пришло в голову сделать такое предположение в аналогичном случае с секс-торговлей между туристами и местными жителями в бедных странах. Поэтому я согласна с Дженнифер В. Эванс, что идея братания немецких женщин нуждается в коренном пересмотре. Только более внимательно изучив представления о гендере и морали в то время (и в некоторой степени сегодня), мы можем пролить свет на серую зону между открытым насилием, принуждением к проституции и сексуальными контактами по обоюдному согласию - серые зоны в иерархии власти немцев и американцев, женщин и мужчин.^{[23](#)}

Общественная мораль превышает всего

Еще одним серьезным препятствием на пути разумного подхода к жертвам изнасилования стала попытка послевоенного общества восстановить *Sittlichkeit* ("общественную мораль").^{[24](#)} После лет нацизма и войны в Германии возникло движение за очищение искаженной

системы ценностей путем восстановления, прежде всего, сексуальной морали. Считалось, что избитое общество, каким видела себя Германия, может восстановиться только на основе твердой морали. Поэтому все партии заинтересовались предполагаемыми угрозами *Sittlichkeit*: порнография, проституция, вредная для молодежи литература, а также материализм и сексуальная распущенность. Для борцов за приличия женщины, добровольно отказавшиеся от себя из чистой жажды и гедонизма, были идеальной мишенью.^{[25](#)}

Послевоенное общество действовало по испытанному принципу поиска козла отпущения как способа избежать личного признания вины.

Ответственность за катастрофу Второй мировой войны и Катастрофу была установлена путем инверсии причинно-следственных связей. Если бы немцы вовремя вспомнили о своих традиционных буржуазных ценностях, если бы веймарское общество не сделало первых шагов к плюрализму, если бы церкви и патриархальные главы семей были сильнее, всего этого бы не случилось. Другими словами, все, что способствовало исчезновению старых добрых времен до 1933 года, было возложено на ответственность за последующее моральное и военное поражение. Таким образом, "традиционные ценности" были отделены от нацизма, а преступления нацистского режима в конечном итоге интерпретировались как связанные с ослаблением нравов до 1933 года.^{[26](#)}

Эта риторика о морали имела свою цену: политики, административные работники, службы социального обеспечения и полиция, врачи, психологи, социальные

работники и криминологи, священнослужители - конечно же, все объединились, чтобы отрицать, что падение нравов было *следствием проигранной войны* и что аморальность была *следствием* искажения ценностей нацистами, экономического обнищания и оккупации. В конечном итоге это означает, что немецкие женщины не были изнасилованы в конце войны и во время оккупации из-за аморального поведения самого населения при нацистах. Хуже того, в традиции недоверия к якобы неустойчивой женской морали, изнасилования часто рассматривались как еще одна проблема сомнительной морали. Говоря кратко, таким образом, женщины, которые в действительности стали жертвами преступных действий немцев при нацистах, рассматривались как нуждающиеся в излечении от своей безнравственности.

Чтобы восстановить моральный дух немцев после 1945 года, бригада морали отстаивала две цели: борьбу за сексуальные приличия и спасение буржуазной семьи. Типичный пример этого сформулировал Петер Шмиттинген, священник прихода Гюнцльхофена, летом 1945 года:

Основы семьи были сильно поколеблены. Отсутствие строгой отцовской руки, ранняя и часто долгая разлука мужей и жен, раздражающая праздность и стремление к удовольствиям молодых женщин... страх за детей, особенно мальчиков, которые, по мнению многих, станут лишь пушечным мясом, очень часто также страх за детей из-за будущих религиозных проблем, тяжелая работа и связанные с ней эмоциональная усталость и потрясения, отсутствие друзей-мужчин и страх девушек, что они никогда не найдут себе мужа, если будут слишком разборчивы и узкомыслящи в вопросах морали, и многое другое - все это привело к постепенному снижению моральных норм и стиранию границ между добром и злом.²⁷

Таким образом, автор этих строк интерпретировал нацистскую эпоху как время морального разложения в его собственном обществе и обвинил в этом поведение женщин. Следует четко сказать, что женщины, конечно, также несли ответственность за преступления нацистов. Но не это волновало священника; его, скорее, беспокоило ослабление буржуазного патриархального общественного строя с его традиционными гендерными ролями через якобы аморальное поведение женщин. После 1945 года пальцем быстро указали на группы людей, которые считали себя особенно ответственными за все, что было не так. Во многих случаях это были городские жители, эвакуированные и чужаки, которые принесли позор немецкому народу из-за своего "распутства и бесчестного поведения по отношению к американцам". Другой священник из прихода Изинг-им-Чимгау выразился еще более прямо: "Они слоняются, как ленивые свиньи, у озера и жадно стоят у костров в надежде получить кусочек шоколада или что-то

подобное, чтобы удовлетворить свою жажду. И они мечтают о том, что, возможно, найдут того, кто увезет их в далекую страну... Только насильственная дисциплина может научить уважению этих незрелых и распутных молодых женщин".²⁸

После чужаков и якобы преступных перемещенных лиц, освобожденных из лагерей, следующими козлами отпущения в консервативной послевоенной морали стали молодые люди и женщины в целом - прежде всего одинокие женщины, незамужние матери, "инфицированные" и "заброшенные" женщины.²⁹ Женщины, имевшие дело с бывшим "врагом" - их называли "верониками" - были идеальной мишенью для обвинений. Первоначально этот термин относился только к женщинам, которые заразились венерическим заболеванием в результате сексуального контакта с оккупационными солдатами, и были известны как "девушки ВД", что означает "Veronika Dankeschön", а также английскую аббревиатуру венерических заболеваний. В армии США вскоре стало принято использовать это обозначение для всех немецких женщин, которые якобы отблагодарили своих "освободителей", заразив их венерическим заболеванием. Позже этот термин стали использовать для всех женщин, которые жили не в социально приемлемых условиях.

В такой обстановке женщины, подвергшиеся изнасилованию, также быстро попадали под подозрение. Кто знает, было ли на них совершено нападение или они добровольно вступили в половую связь с врагом? Действительно ли их венерическое заболевание или беременность были результатом акта насилия? Были ли у них свидетели? Или какие-то другие доказательства? Обратились ли они сразу после акта к врачу

или в полицию, чтобы рассказать о случившемся, или предпочли ничего не говорить? Не было ли изнасилование на самом деле защитой, чтобы прикрыть свой беспутный образ жизни?

Не будет преувеличением сказать, что женщины, изнасилованные в конце 1940-х и начале 1950-х годов, подвергались символическому нападению во второй раз через постоянное сомнение в их честности со стороны соседей, врачей, чиновников и других органов социального обеспечения. Послевоенная дискуссия о морали преувеличила проблему женской морали в той же степени, в какой она тривиализировала реальные преступления, совершенные в нацистскую эпоху. Женщины, которые не были замужем или жили не в приличных условиях, но имели венерические заболевания и были выкормышами, возможно, беременными, вряд ли были признаны виновными в жестоком обращении, поскольку в строгом смысле у них не было чести, которую можно было бы нарушить. Падшие женщины, как их называли - другими словами, незамужние беременные девушки и проститутки - рассматривались как социальные случаи, представляющие опасность для общества.

Девушки, похожие на Анну

Обвинение в сексуальной дегенеративности висело как дамоклов меч над каждой женщиной, чей образ жизни считался "асоциальным". Многие молодые девушки, подвергшиеся сексуальному насилию, были заклеены подобным образом. Анна К. родилась в Восточной Пруссии в 1932 году. Она была одной из семи детей, и их отец работал кладовщиком. Она описала свою жизнь до двенадцати лет как "нормальную". Она

ходила в начальную школу и чувствовала себя счастливой, и родители хорошо заботились о ней. В начале 1945 года упали первые бомбы, и беженцам понадобилось убежище. Семья освободила место, и Анна жила в одной комнате с семьей другими.

Однажды она услышала крики в соседней комнате. Она увидела, как женщина рождает без посторонней помощи. В то время Анне было двенадцать лет. Было страшно смотреть, а я ничем не могла помочь. Я просто стояла там, не знаю, сколько времени. Когда пришла помощь, я услышала, как кто-то сказал, что уже слишком поздно. Мать и ребенок были мертвы. После того, как я стал свидетелем этого, я перестал быть ребенком".

Но впереди было еще хуже. 27 апреля 1945 года Анну и ее семью разбудили громкие крики и плач. Они быстро оделись и подошли к двери. Там были советские солдаты. Не успела Анна осознать опасность, как один из русских выхватил ее из группы и потащил прочь. Она кричала. Он затолкал ее в погреб, заткнул ей рот тряпкой и позвал своих товарищей. Потом они сняли с меня нижнее белье и овладели мной. Это было ужасно. Я не знаю, как я вернулась к родителям".

Анна К. написала этот отчет в конце пребывания в доме престарелых. Самоанализ был заказан руководством, чтобы выяснить, исправилась ли их "подопечная". И в то же время они иллюстрируют ужасы, которые пришлось пережить Анне, чтобы оказаться в немецком учреждении. После изнасилования последовал побег. В Кенигсберге (Калининграде) ей и другим детям приказали убрать трупы из домов и с улиц и отнести их в лес для захоронения. Анна заболела брюшным тифом. Когда через пять месяцев ее выписали из больницы, матери уже не

было в живых. Вместе с отцом ей пришлось заботиться об оставшихся братьях и сестрах в возрасте двух, шести, девяти и одиннадцати лет. В начале 1947 года нехватка продовольствия на Востоке была настолько велика, что остальные члены ее семьи умерли от голода: "Они умерли 5, 25, 29, 30 и 31 января. Это было самое страшное время для меня, потому что мне пришлось одной хоронить своих братьев и сестер и отца".

Предоставленная самой себе, она присоединилась к группе мальчиков, которые ходили в походы, чтобы найти себе еду. Она коротко остригла волосы и носила куртку, чтобы не выглядеть как девочка. Она переезжала, позже искала работу в качестве домашней прислуги, но продолжала убегать. Таким образом, она попала в поле зрения властей и оказалась в приюте. Ее самым большим желанием, написала она в конце своего отчета, было найти работу, которая бы ей нравилась, по возможности с детьми. "Это в основном история моей жизни. К сожалению, я не смогла рассказать более подробно, потому что моя память о прошлом просто ужасна", - заключила она.^{[30](#)}

Она была помещена в исправительное учреждение с официальным диагнозом "сексуальная дегенерация". Согласно одной статистике, этот диагноз был поставлен почти 80 процентам женщин, содержащихся в исправительных школах после войны, в то время как мальчики в основном поступали туда за кражи. С эпохи Веймарской республики эта группа все чаще становилась объектом "общественного здоровья". Речь шла не о лечении "подопечных", а об избавлении общества от больных элементов - другими словами, о предотвращении нежелательного размножения, абортов и венерических заболеваний. В эпоху нацизма положение асоциальных

несовершеннолетних стало еще хуже. Их классифицировали как "морально слабоумных", и евгенический принцип означал, что их заключали в концентрационные лагеря для несовершеннолетних, подвергали принудительным абортам и стерилизации, часто без их ведома и согласия.

После войны те же люди по-прежнему занимали большинство ответственных постов в секторе социального обеспечения и здравоохранения. Для бездомных изнасилованных девушек тот факт, что отношение к сексуальной уязвимости практически не изменилось, оказался фатальным. Дегенеративность - это "глубинный патологический дефект характера", характеризующийся "ненормальной несдержанностью и неспособностью формировать привязанности из-за врожденной или приобретенной поверхностности, неспособностью поддерживать эмоции и силу воли, что приводит к ослаблению (или недоразвитию) внутреннего восприятия моральных ценностей", - так описывал его печально известный детский и подростковый психиатр Вернер Виллингер. В эпоху нацизма он занимался эвтаназией и принудительной стерилизацией, а после денацификации стал деканом и ректором Марбургского университета и президентом Общества немецких неврологов и психиатров.^{[31](#)}

Лечение" в таких случаях "сексуальной дегенерации" было таким, как и следовало ожидать. Поскольку считалось, что девочки не обладают умственными способностями, чтобы "сублимировать" свои чрезмерные импульсы, единственной возможной терапией была "честная" работа в дисциплинированной обстановке дома. Как правило, девочки были старше мальчиков, и их дольше держали под опекой.

Девушки с часто меняющимися сексуальными партнерами рассматривались как проблема, а не их сексуальные партнеры. Достаточно было увидеть девушку в "плохой компании", быть сильно накрашенной или вызывающе одетой, ходить на танцы до поздней ночи, мастурбировать, заниматься сексом в несовершеннолетнем возрасте, заболеть венерическим заболеванием или забеременеть - независимо от того, было ли это результатом изнасилования, насилия или секса по обоюдному согласию - чтобы она попала в лапы агентств "социального обеспечения".^{[32](#)}

Стать "бродягой" из-за потери одного или обоих родителей было достаточно для того, чтобы ребенок был принят на воспитание. Из 1,6 миллиона детей и подростков, ставших сиротами или полусиротами в результате войны, от 80 000 до 100 000 считались "неприспособленными, бездомными, безработными и без профессии" и, таким образом, автоматически попадали в социальную сферу.^{[33](#)} Никто не знает, сколько из них было изнасиловано на Востоке или в послевоенной Германии. Их не выписывали, пока они не считались ресоциализированными - в случае женщин, другими словами, когда они находили мужчину и выходили замуж, поскольку брак и семья в то время считались единственным эффективным "лекарством" для женщин.

Таким образом, послевоенное общество подвергло молодых женщин, таких как Анна, сбитых с курса во время войны разрушительным опытом и трагическими потерями, бомбардировке неправильного морального дискурса. Девушки, подобные Анне, считались крайне уязвимыми в сексуальном

плане, поскольку были изнасилованы, осиротели, были бездомными и безработными.

Опасность для "общественного здоровья"

Повсюду в стране полиция проводила облавы на молодых женщин. В ходе крупного рейда в Эрдинге под Мюнхеном в ноябре 1946 года мюнхенская криминальная полиция арестовала несколько несовершеннолетних девушек и представила их военному трибуналу. Некоторые из девочек были помещены в больницу Альгассинг, где лечили венерические заболевания; других отпустили, поскольку не было доказательств того, что они совершили преступление. Поскольку о девочках никто не беспокоился, они продолжали вести свой печальный образ жизни", - писал отдел социального обеспечения Министерства внутренних дел Баварии в ноябре 1946 года.^{[34](#)}

Практика помещения предположительно дегенеративных женщин и девочек в дома престарелых была настолько распространена после войны, что 31 ноября 1946 года министр внутренних дел Баварии получил крик о помощи от директора регионального управления Верхней Баварии: в учреждениях не осталось мест, и направление в исправительную школу должно рассматриваться как последнее средство. Следует учитывать тот факт, что определенная доля вырождения в морально распущенных слоях женского населения является неизбежным продуктом оккупации в любой стране и поэтому не может быть искоренена полностью. Для того чтобы не допустить еще большей переполненности учреждений, следует применять поэтапный подход. Перед приемом несовершеннолетним следует выносить предупреждение, которое может быть

занесено в удостоверение личности. Дегенератов из других оккупированных зон можно отправлять обратно в родные города.^{[35](#)}

27 октября 1947 года полиция Траунштайна сообщила, что Р. П., девушка, больная сифилисом, сбежала из больницы Траунштайна. Когда полиция поймала ее, она заявила, что другой пациент напугал ее, заявив, что она должна платить 4,20 марок в день за госпитализацию. Поскольку денег у нее не было, она вылезла из окна мужского туалета в 6 часов утра и убежала в лес, по дороге сбросив больничную одежду. Она направилась в сторону Тростберга и села на поезд на станции Нуссдорф. Ее арестовали, когда она вернулась за чистой одеждой. Р.П. была охарактеризована как "опасная для здоровья населения". Поскольку больница Траунштайна не могла взять на себя ответственность за нее, а полиция сочла, что девушка "очень впечатлительна", ее перевели в больничный отсек тюрьмы Штадельхайм в Мюнхене.^{[36](#)}

После войны риск заражения венерическим заболеванием значительно возрос среди населения в целом, и не только из-за изнасилований. В 1946 году 0,5 процента немцев были инфицированы гонореей и 0,2 процента сифилисом, что вдвое и втрое превышало показатели 1934 года соответственно. Высокий уровень заболеваемости был зарегистрирован не только в таких городах, как Бремен и Бремерхафен, которые были центрами дислокации американских войск в стране, но и во многих других городах и даже сельских районах. В сельском округе Айхсфельд в Тюрингии утверждалось, что абсурдный показатель составляет 44 процента среди несовершеннолетних и 70 процентов среди взрослых. Церковь, школы и врачи

призывали к принятию контрмер.^{[37](#)} Ежеженедельно в Саксонии велась статистика распространения сифилиса, гонореи и мягкого шанкра. На конференции, посвященной борьбе с инфекцией, психиатры и невропатологи в оккупированной советской зоне в ноябре 1946 года говорили о "чрезвычайном положении". Там должны были быть созданы лечебные центры, которые были открыты и ночью. После того как "многочисленные армии" прошли по Германии, венерические заболевания были вездесущи не только в городах, но и в сельской местности. Например, в Грайфсвальде в провинции Мекленбург более трети из 3246 инфицированных были сельскими жителями.^{[38](#)} Сегодня уже невозможно определить, какой процент этих людей был изнасилован.

Метровые стопки папок со списками, таблицами и постановлениями по этой теме в федеральном архиве в Берлине-Лихтерфельде свидетельствуют о том, как после войны немецкая администрация под советской оккупацией перешла от борьбы военным противником на местах к борьбе с венерическими заболеваниями. Власти, похоже, больше заботились о здоровье населения, чем о том, при каких обстоятельствах были получены заболевания. Причина роста венерических заболеваний очевидна. Если после Первой мировой войны две трети инфицированных составляли мужчины, то после Второй мировой войны две трети - женщины. В регистрационных журналах центров лечения венерических заболеваний в качестве источника регулярно указывается "рус. солдат", что свидетельствует о том, что сексуальный контакт редко был добровольным.^{[39](#)}

Несмотря на это, женщины были объявлены целью контрмер. Они рассматривались как "источники инфекции". Против них проводились рейды, направленные в первую очередь на принудительное обследование, госпитализацию, официальную регистрацию и иногда даже запрет на выезд. В Гессене в начале 1947 года более половины всех женщин-пациентов в больницах были госпитализированы в принудительном порядке, в то время как среди мужчин таких было всего 6 процентов.⁴⁰ Это было связано с тем, что немецкие власти не имели влияния на солдат союзников, а советские солдаты, в частности, неохотно шли к врачу, опасаясь дисциплинарных последствий. Кроме того, (морально разложившиеся) немецкие женщины в одностороннем порядке рассматривались как распространители болезней. На конференции государственных и земельных департаментов здравоохранения в марте 1946 года в Берлине врачи отметили, что эпидемиологическое значение имеет не проституция, а "сексуальные отношения с часто меняющимися партнерами сами по себе". Не было выявлено даже 10 процентов женских "источников".⁴¹

Среди американских солдат уровень заражения также вырос до такой степени, что в конце 1946 года опасались, что треть военнослужащих может быть заражена венерическим заболеванием.⁴² По этой причине военные администрации решили вести по крайней мере эту битву вместе со своими бывшими врагами. Американцы и Советы начали обследовать и лечить не только своих солдат, но и немецких женщин. Каждый, кто распространял болезни, подлежал принудительному лечению в больнице, регистрации и регулярным перепроверкам. Тех, кто отказывался от лечения,

помещали в дома престарелых. Назначались штрафы и обязательные работы сроком на месяц. Образ жизни вылеченных женщин должен был регулярно проверяться.^{[43](#)} Патрули и инспекторы посещали бары, клубы, подозрительные пансионаты и другие соответствующие места. В качестве профилактической меры были проверены определенные группы, в том числе медперсонал детских больниц, женщины, подозреваемые в проституции, и беженцы.

Боевые крики немецких врачей напоминали о пафосе крестовых походов:

Помня о своей моральной миссии, вся медицинская профессия должна приступить к работе. Если учесть, сколько несчастий мы причиняем нашим людям каждый день промедления в борьбе с этим злом, если вспомнить, какой ущерб может нанести бесконтрольный источник инфекции, если осознать, как неумолимо эти язвы высасывают жизненную и трудовую энергию наших людей и угрожают самым основам общества, то ни один врач, обладающий чувством ответственности, не сможет остаться безучастным.... Демографические последствия плохо леченного венерического заболевания радикальны.... К этому добавляется серьезная потеря рабочих в период восстановления.^{[44](#)}

Борьба с венерическими заболеваниями" была связана не только с опасностью самих венерических заболеваний, но, прежде всего, с предполагаемым падением нравов и, в частности, с новыми серыми зонами между "сексуальными контактами с часто меняющимися партнерами" и "скрытой проституцией". Обсуждение сосредоточилось не на индивидуальном положении женщин, а на "чистоте"

"общинной крови" всего народа и желании оккупационных войск защитить своих солдат от инфекций. Немецкие власти не отмахнулись от целенаправленного осуждения. Например, летом 1948 года газета *Landsberger Presse* призвала соседей быть бдительными и сообщать о любых подозрительных случаях в жилищный отдел. Имена женщин, подозреваемых в проституции, также были обнародованы, не говоря уже об обычных репрессиях, таких как запрет на проживание в определенных местах, поступление в рабочий дом или исправительную школу. Через две недели городскому совету пришлось взять самоотвод, так как обвинения оказались преувеличенными или несостоятельными.⁴⁵

Послевоенное общество не хотело проводить различия между сексуальными контактами по согласию и без согласия, между женщинами, которые занимались проституцией из-за нужды, и жертвами изнасилования. В сомнительных случаях вину возлагали именно на женщину. Даже если у женщин не было причин полагать, что они могли быть инфицированы, их иногда заставляли пройти медицинское обследование. Для этого достаточно было оказаться в неподходящем месте в неподходящее время и попасться патрулю. Только в Ландсберге-на-Лехе с августа 1948 года по март 1949 года 128 женщин были подобраны на улице и принудительно обследованы. Только половина из них была инфицирована. В Берлине 23 ноября 1946 года была начата специальная акция по борьбе с венерическими заболеваниями. Около 400 человек были собраны и доставлены в больницу Фридрихсхайн. Из них 11 женщин и 4 мужчины были больны гонореей, 4 женщины и 5 мужчин - сифилисом.⁴⁶ В Бамберге в 1946 году не менее 3300

человек были помещены в специально созданную временную больницу для обследования по подозрению на венерические заболевания. У половины пациентов было диагностировано заболевание и проведено бесплатное лечение. Опыт случайного ареста людьми в форме, помещения в машины и, наконец, принуждения к гинекологическому осмотру, должно быть, был травмирующим для многих женщин, тем более, если они ранее были жертвами сексуального насилия.

Шестнадцатилетняя Эльза Б. была арестована немецким полицейским в Бремене в 1946 году и передана американской военной полиции. Ее подозревали в заражении венерическим заболеванием. В полицейском участке военные полицейские попытались изнасиловать девушку, но ей удалось отбиться от них. Разочаровавшись, военные полицейские поместили ее в бункер, который служил полицейским изолятором. Заключенным нечего было есть, не было свежего воздуха, не было возможности помыться. У Эльзы началась менструация. Ей пришлось ждать три дня, прежде чем она попала к врачу. Он установил, что у нее нет венерического заболевания и что она девственница.^{[47](#)}

ПРОБЛЕМА АБОРТОВ

Особым мучением для многих изнасилованных женщин был страх забеременеть. Часто они узнавали о своей беременности довольно поздно, поскольку физическое и психическое напряжение вызывало нарушения менструального цикла и даже полное отсутствие месячных. Когда женщина была уверена, что беременна в результате изнасилования, желание или возможность сделать аборт зависели не только от ее собственного отношения, но и от внешних факторов. В

оккупированной советскими войсками зоне сделать аборт было легче, чем в католической Верхней Баварии или Бадене, где, несмотря на сочувствие в отдельных случаях, врачи и больницы часто отказывались лечить женщин.⁴⁸ Во время бегства женщины в отчаянии искали возможности прервать беременность, как мы знаем на примере Рут Ирмгард Фреттлох, чья мать в итоге родила нежеланного ребенка, который умер всего через четыре месяца.⁴⁹ Источники из католической Верхней Баварии описывают неудачные самопроизвольные аборт, иногда со смертельным исходом.

Аборт в Германии в то время регулировался параграфом 218 Гражданского кодекса (BGB). Он был в основном незаконным, карался длительным тюремным заключением и разрешался только при особых обстоятельствах. При нацистах запрет был снят в отношении "нежелательных". В годы войны в оккупированных восточных регионах в случае изнасилования солдатами или гражданскими лицами был разрешен "этический аборт".⁵⁰ Тот факт, что легальные и нелегальные аборт после изнасилования на войне были разрешены, привел историка Атину Гроссманн к выводу, что частичная отмена запрета на аборт в конце войны была результатом расистских настроений немцев. Гроссманн, которая рассматривала только случай Берлина, пишет, что аборт делались вплоть до последнего месяца беременности и что с одобрения церкви и оккупантов женщины завершали непроизвольную беременность "на быстром конвейере".⁵¹ Они не хотели приводить в мир неполноценное потомство "монголов" или славян.⁵² Аборт были официально разрешены и приняты обществом из "смеси сочувствия к

изнасилованным женщинам, расизма, уязвленной национальной гордости и мужской солидарности".⁵³ Это утверждение подтверждается обширной коллекцией показаний под присягой в департаменте здравоохранения Берлина-Нойкёльна от женщин, желающих сделать аборт.

Гроссманн занимает принципиально критическую позицию в отношении обращения с немецкими жертвами войны. Возможно, именно поэтому историк менее чем объективен в этом вопросе. Ни с индивидуальной, ни с официальной точки зрения не может быть и речи о "конвейерных" абортах. Документы Нойкёльна свидетельствуют о том, что власти ни в коем случае не были в восторге от смягчения закона об абортах и, напротив, часто блокировали аборты. И женщины шли на аборт не по легкомысленным или расовым причинам - они делали это в целях выживания и сохранения отношений.⁵⁴

Изучив несколько сотен заявлений на аборт в архиве департамента здравоохранения Нойкёльна, я нашла только один случай, в котором упоминался идеологический мотив такого рода. Поскольку заявления составлялись в сотрудничестве с врачами и чиновниками, можно было ожидать оппортунистического отношения со стороны женщин - другими словами, если бы они считали, что их делу поможет ссылка на расовые мотивы, мы бы также нашли это отражение в записях. Немецкое общество не было "политически корректным", и не было причин подавлять расовые чувства, как мы увидим позже. Поэтому мы можем предположить, что заявления в Нойкёльне раскрывают истинные мотивы соответствующих женщин.

Трудно сказать, почему так много женщин пытались сделать аборт самостоятельно, без медицинской помощи. По оценкам, в 1946 году было сделано 27 000 нелегальных абортов.⁵⁵ Я убеждена, что даже в этих случаях основными причинами были стыд за незаконнорожденного ребенка, страх общественного осуждения, экономические последствия и, в случае замужних женщин, беспокойство о сохранении брака.

Юридическое лоскутное шитье

Просьба о прерывании беременности по причине сексуального преступления рассматривалась по-разному на местном уровне, не только на Западе и Востоке или в зависимости от оккупационной власти, но и в пределах различных оккупированных зон. Врачи могли прерывать нежелательную беременность, но были обязаны соблюдать строгие критерии. В большинстве случаев оправданием для аборта служил страх перед серьезными психологическими последствиями для жертв этих нежелательных беременностей.

В течение короткого времени город Грайфсвальд был особенно щедр. Lex Gryphiswaldnis от 29 мая 1945 года гласил, что каждая желающая женщина может сделать аборт в женской больнице университета, хотя вскоре это было ограничено медицинскими и этическими показаниями с разрешения официального врача. В Южном Вюртемберге-Гогенцоллерне 18 января 1946 года был обнародован конфиденциальный указ, требующий отменить запрет на аборты только в том случае, если изнасилование доказано неопровержимо и ожидаются неблагоприятные психологические последствия. В Бадене, во французской зоне, глава немецкого департамента юстиции 18 декабря 1945 года направил меморандум старшим прокурорам,

в котором говорилось, что, кроме строго интерпретируемых медицинских показаний, ни этические, ни евгенические, ни социальные показания не могут быть использованы для оправдания аборта. Однако для особо тяжелых случаев существовало "правило помилования". Ниже мы увидим, как редко проявлялось милосердие в отношении абортотворцев. В Ганновере прерывание беременности в результате изнасилования зависело от усмотрения врача при условии, что женщина сообщила об этом медицинскому работнику. Это постановление было отменено приказом военного правительства 14 августа 1945 года, хотя лазейка осталась в виде комбинированного медицинского и этического указания. В советской оккупированной зоне комиссия должна была сначала проверить обстоятельства беременности. Однако судам и прокурорам было предписано до дальнейшего уведомления не выдвигать обвинений в нарушении пункта 218.

Официальным аргументом в пользу частичной отмены параграфа 218 для жертв изнасилования было то, что общество не может требовать от женщины доведения насильственной беременности до срока, поскольку это привело бы к потере личной свободы и обрекло бы ее на материнство против ее желания.⁵⁶ Поэтому в течение долгого времени права женщины считались приоритетными по отношению к правам нерожденного ребенка, что впоследствии было подтверждено в западногерманских правовых интерпретациях.

Двенадцать лет мы надеялись на победу союзников".

На основании директивы от 2 августа 1945 года в Баварии комиссия, состоящая из трех врачей, включая государственного

служащего, принимала решения по просьбам об абортах. До этого американское военное правительство отвечало за одобрение отказа от параграфа 218 и сразу же запрещало аборты. Изнасилование военнослужащим не признавалось достаточной причиной для прерывания беременности, что также было незаконным в США в то время. Как отмечает Силке Сатюков, официальное одобрение абортов было не в интересах американцев, поскольку это было бы равносильно признанию большого количества нападений со стороны их собственных солдат.⁵⁷ Когда немецким властям разрешили самим принимать решения, они поставили аборты в зависимость от разрешения медицинской комиссии, которая, однако, признавала только медицинские показания.

О том, с каким бездушием рассуждали медицинские работники, свидетельствует случай с переводчицей американского подразделения, которая после изнасилования попросила сделать ей аборт. Медицинский работник отказал, заявив, что женщина, которая была замужем, очевидно, недостаточно сопротивлялась нападению. Вполне "понятно", что теперь она страдает от реактивной депрессии из-за беременности: "Это, однако, может наблюдаться у любой счастливой замужней женщины, которая заводит роман в отсутствие мужа"⁵⁸.

Столь же циничный аргумент можно найти в Штутгарте. Там американский департамент юстиции заявил, что аборт допустим только в том случае, если жизнь матери находится под угрозой. Термин "насилие" был относительным. Является ли изнасилованием, если женщина соглашается подвезти на джипе неизвестного солдата на пустынной улице или если она

утверждает, что ее ударили и укусили во время полового акта?
[59.](#)

Поскольку для получения разрешения на аборт здоровье матери должно было находиться под угрозой, в заявлениях часто говорилось о тяжелой депрессии. Например, 18 сентября 1946 года муж изнасилованной сорокалетней женщины из Мюнхена просит разрешения на прерывание беременности, поскольку его жена с каждым днем все больше впадает в депрессию, что ставит под серьезную угрозу семейную жизнь.
[60.](#)

Но женщинам-жертвам не суждено было так легко. В это время Медицинский совет Баварии заявил Министерству внутренних дел Баварии, что психиатрический диагноз в заявлениях, призванных продемонстрировать серьезные психологические основания для аборта, был поставлен недостаточно тщательно: "Чисто психологические показания для прерывания беременности не могут быть приняты только на основании заключения психиатра, а только как результат существующей психопатологии, оправдывающей аборт". Другими словами, Медицинский совет Баварии признавал только извращенные евгенические аборты, практиковавшиеся при нацистах, в то время как психологический стресс в результате внешнего события, такого как изнасилование с последующей нежелательной беременностью, не рассматривался как медицинское показание. Далее в письме говорилось, что в будущем заявления о прерывании беременности в результате изнасилования не будут приниматься.
[61.](#)

Таким образом, отношение было очень узким, и рассмотрение заявлений могло затянуться на месяцы, а для беременной

женщины, естественно, время поджигало. И. О. из Пенцинг-бай-Ландсберга 1 октября 1945 года написала отчаянное письмо в военное правительство:

10 мая 1945 года меня остановил солдат в американской форме и, несмотря на сильное сопротивление, под дулом пистолета заставил подчиниться ему. Солдат был пьян, и, к сожалению, рядом не было никого, кто мог бы мне помочь. Я и моя семья всегда были ярыми противниками нацистского режима и страдали от нацистского правления целых двенадцать лет... Двенадцать лет мы надеялись на победу союзников, которые восстановят равные права и освободят нас от ужасного образа жизни, который стал почти невыносимым для миролюбивых людей. Доверяя проницательности американского военного правительства, я прошу этого разрешения, потому что совершенное против меня нападение и его последствия вновь угрожают разрушить мою жизнь вместо того, чтобы позволить мне, наконец, тихо и мирно работать благодаря победе союзников ради лучшей жизни, чем была возможна при нацистах.^{[62.](#)}

Женщины, желающие сделать аборт в Баварии, сталкиваются с особенно бескомпромиссным отношением. Религиозные врачи, как правило, отказывали. Например, А. К., которая была изнасилована чешскими солдатами в Судетской области, была проинформирована медицинским работником в Нёрдлингене, что она должна родить ребенка и обратиться в религиозную организацию, чтобы ребенка взяли на воспитание.^{[63.](#)}

В конце 1946 года главы государственных ведомств юстиции рассмотрели эту проблему на межзональной конференции. Они решили, что в будущем аборты будут разрешены, если будет

доказано, что беременность наступила в результате изнасилования, и если беременная женщина заявит об изнасиловании в течение очень короткого периода (около одной недели).⁶⁴ Как мы видели, в это время сделать заявление было практически невозможно, поскольку немецкая полиция не отвечала за расследование таких случаев. Официальные источники также свидетельствуют, что для женщин, которые не могли выполнить все требования, единственной возможностью было сделать аборт без официального разрешения. В записях упоминается по крайней мере один подпольный абортник - акушерка из Фельдкирхена под Мюнхеном, которая, как говорят, сделала большое количество абортов.⁶⁵

Основания для аборта

Женщины в Берлине-Нойкёльне, желающие сделать аборт, должны были представить показания под присягой, подтверждающие насильственное происхождение беременности, и медицинскую справку о сроке беременности.⁶⁶ Архив содержит более 300 показаний под присягой. Не все женщины указывают причину, по которой они не хотят иметь ребенка. Однако, как уже упоминалось, есть только один случай, когда женщина, уже на седьмом месяце беременности, прямо попросила сделать аборт, потому что не хотела "ни при каких обстоятельствах произвести на свет русского ребенка".

Большинство других женщин заявили, что они помолвлены, замужем, овдовели или уже имеют детей. Они упоминали о сохранении брака или о трудностях, связанных, например, с тем, что их муж был инвалидом войны, или о необходимости работать. Они указывали, что их заставляли заниматься сексом

против их воли и под дулом пистолета - в то время угроза оружием считалась необходимой для признания акта. Одна женщина написала:

У меня было двое детей. Старшему три с половиной года, второй умер в больнице от кори и пневмонии в возрасте восемнадцати месяцев. В моем нынешнем положении я не могу позволить себе завести третьего ребенка. Кроме того, я вынуждена каждый месяц получать социальное пособие. Мой муж шесть лет служил в армии и уже год как пропал без вести. Поэтому я полностью предоставлена самой себе - и поэтому мне достаточно одного ребенка! Надеюсь на ваше понимание. И. Х., 27 сентября 1945 года.

Женщины часто называли имя человека, который мог подтвердить факт нападения. Это было возможно, потому что изнасилования часто происходили в присутствии свидетелей. В случае с Е. Х. присутствовали ее домовладельцы и ее собственные четверо детей. Многие из заявителей были изнасилованы несколько раз, что, естественно, увеличивало шансы забеременеть - А. С. девять раз, Б. Б. в Верхней Силезии восемнадцать раз. У нее было двое детей, она жила с матерью и утверждала, что у нее больше нет детской одежды. Б. Е. была изнасилована марокканцем в Санкт-Блазиене в Шварцвальде. Она была медсестрой Красного Креста и боялась, что если у нее будет ребенок, она потеряет работу. Хильдегард С. насильовали "много раз", когда она бежала из Силезии. Ее муж был убит на войне. У нее не было даже сменной одежды для восьмимесячного ребенка: "Пожалуйста, поймите мое положение и позвольте мне прервать беременность. Я говорю чистую правду".

С. В. рассказала, что она была замужем без детей в течение двадцати двух лет. Ее муж только что вернулся из плена. Э. Х. два месяца находилась в лагере беженцев в Фюрстенвальде, где ее изнасиловали и она забеременела. Она ожидала, что ее раненый жених вернется со дня на день: "Учитывая страдания, которые мне пришлось пережить, я не хочу ни при каких обстоятельствах произвести на свет ребенка". Г. В. также выразила свои опасения: "Я замужем с 23 августа 1941 года и имею двух детей в возрасте четырех и восемнадцати месяцев. Мой брак находится под угрозой, поэтому я прошу прервать беременность". Г. Д. также видела угрозу своему браку, если она не сделает аборт.

Н. С. угрожала покончить с собой. Она была эвакуирована в 1944 году из Вестфалии в Восточную Пруссию и вынуждена была бежать в январе 1945 года с четырехмесячным ребенком. Ребенка переехал танк. Несколько месяцев ей пришлось работать на советскую армию. Сейчас она была на шестом месяце беременности и хотела вернуться к мужу в Гельзенкирхен.

Я настоятельно прошу забрать у меня ребенка. Я не в том эмоциональном состоянии, чтобы родить ребенка, зачатого при таких зверских обстоятельствах. Я продолжала жить только в надежде на медицинскую помощь, о которой сейчас прошу. В таком состоянии я ни при каких обстоятельствах не сообщу своему мужу новость о смерти моего маленького мальчика. Я умоляю Вас помочь мне и принять меня в институт, так как здесь у меня нет пищи и я хочу как можно скорее вернуться домой. Если я не получу положительного ответа, я больше не смогу продолжать жить. Надеюсь, что Вы оцените мое положение и остаетесь, с благодарностью, госпожа Х. С., 14 сентября 1945 г.

Наши примеры, которые можно продолжить как угодно, показывают, что некоторые женщины родили бы, если бы могли рассчитывать на поддержку. Их просьбы и письма явно опровергают тезис Атины Гроссманн о расизме. В баварских заявлениях нет ни одного случая, связывающего просьбу об аборте с цветом кожи отца. Мы уже слышали о случаях, когда женщины требуют компенсации за детей, рожденных в результате изнасилования. Здесь также нет аргументов на расовой почве.

Это не означает, что расизм не играл никакой роли в обществе. Как мы увидим, на решения властей о том, признавать изнасилование или нет, действительно влияло этническое происхождение соответствующего солдата. Однако на данный момент представляется, что во многих случаях причины желания сделать аборт не сильно отличались от тех, которые имеют место в любом случае нежелательной беременности: экономические последствия и страх перед личными

последствиями. Опасность для существующего брака была в то время многообещающей причиной для обращения за аборт. На первый план выходила забота о сохранении семьи, этот фактор также был определяющим при рассмотрении вопроса о выплате компенсации детям от изнасилования. Усыновление детей мужчинами, стигматизированными как неполноценные, было второстепенным по сравнению с вопросом морали и восстановления семейных ценностей после войны.

НИЧЬИ ДЕТИ

У беременных изнасилованных женщин, которые не хотели или не могли сделать аборт, было две возможности: оставить ребенка или отдать его. В 1956 году в Западной Германии, включая Западный Берлин, официально насчитывалось чуть менее 3 200 детей, родившихся в результате изнасилования. Неизвестно, сколько из них воспитывалось матерями, но известно, что из всех оккупационных детей, как их называли, 73 процента остались с матерями и только 7 процентов попали в детские дома. Остальные воспитывались родственниками по материнской линии, обычно бабушками и дедушками, либо в приемных или патронатных семьях (что было нередко для незаконнорожденных детей после войны). Эти цифры были собраны официально и удивили сами власти. Это также опровергает тезис о том, что жертвы изнасилования, стремящиеся сделать аборт, делали это в основном по расовым причинам.^{[67](#)}

Согласно официальной статистике, в апреле 1953 года насчитывалось 202 ребенка, зачатых в результате изнасилования военнослужащим оккупационных войск. Почти все они воспитывались своими матерями, некоторые -

бабушками и дедушками, а некоторые - в приемных семьях.^{[68](#)} Матери неохотно отдавали своих детей в дома ребенка не только из-за расходов, которые им пришлось бы оплачивать самим, пока не было достигнуто финансовое соглашение. Как мы увидим из рассказов очевидцев, женщины очень часто принимали детей близко к сердцу, несмотря на ужасные обстоятельства, в которых они были зачаты, считая их своей плотью и кровью и не придавая значения тому, как они были зачаты. Были даже такие женщины, которые рассматривали ребенка как единственный положительный аспект ужасного времени.

Даже среди полукастовых детей афроамериканских или североафриканских солдат и сотрудников оккупационных властей доля детей в домах престарелых и приемных семьях была лишь немного выше, чем среди белых детей.^{[69](#)} Современники, тем не менее, отмечали, что одинокие женщины с цветными детьми имели меньше шансов найти мужа. По этой причине возникла мысль о создании специальных домов для "детей мулатов". Летом 1953 года священнослужитель из Швейцарии предложил принять в свою общину несколько детей оккупантов из Западной Германии. Он назвал свой проект "Акция для ничьих детей".^{[70](#)}

Эти дети были названы властями "оккупационными детьми", несмотря на то, что около трети из них были зачаты в последние дни боев перед официальным началом оккупации. Их правовое положение было нестабильным. Они были немецкими гражданами. Только французские оккупационные войска предоставили детям от связей со своими солдатами возможность получить французское гражданство. Из

пронаталистских соображений французы даже претендовали на таких детей, хотя и не прикладывали к этому никаких усилий. Другие оккупационные войска не предпринимали никаких попыток требовать опеки над отцами этих детей, а в случае изнасилования такие просьбы, вероятно, в любом случае были бы проигнорированы.

Таким образом, ответственность за детей несли немецкие матери и немецкое государство. До вступления в силу Парижских соглашений в 1955 году немецкие суды не обладали юрисдикцией в отношении исков о выплате алиментов незаконнорожденным оккупационным детям в любой из трех зон. Иски о выплате алиментов не могли быть поданы и в оккупационные суды. Только после 1955 года юрисдикция Германии была распространена в целом на все неуголовные дела против физических лиц. Даже в случае детей, зачатых не в результате изнасилования, отцы выплачивали алименты только в 1,7% случаев для белых детей и в 2,1% случаев для черных.⁷¹ В 1956 году в Мюнхене были вызваны в суд все известные живым отцы, но только 10% солдат и сотрудников оккупационных властей откликнулись на дружеское приглашение, и только 6% в конечном итоге признали отцовство, в основном мужчины, которые состояли в длительных отношениях с матерью-немкой и даже намеревались жениться.

В принципе, эти дети имели тот же статус, что и немецкие незаконнорожденные дети, но в материальном плане они были хуже, поскольку не имели права на получение пособия для сирот или инвалидов войны. Таким образом, законное право на воспитание "в телесной, духовной и социальной форме" было

менее надежным, чем у незаконнорожденных детей с немецкими отцами.

Таким образом, сложный правовой статус в отношении выплаты алиментов на детей, появившихся в результате изнасилования, был еще одним тяжелым бременем для женщин, подвергшихся насилию. Конечно, мужчины, совершившие изнасилование, не оставляли адреса, но иногда случалось, особенно когда оккупационные войска размещались в домах немецких гражданских лиц, что женщины знали имя, звание и роту преступника и отца ребенка, или имели хотя бы достаточную фрагментарную информацию, чтобы выяснить, от кого они забеременели. Это не означало, что они могли получить от них финансовую поддержку. Даже после 1955 года все еще существовал зияющий разрыв между юридической ситуацией и реальностью. Штаб армии США в Гейдельберге, который должен был вручать повестки судов по опеке - армия отказывалась вручать их непосредственно солдатам - часто не выполнял свои обязанности и даже письменно сообщал солдатам, что они не обязаны платить алименты, а принудительные меры немецких судов не были поддержаны или поддержаны штабом США.

Во многих случаях немецкие суды даже не могли установить, была ли вообще вручена повестка или постановление о выплате. Или они получали отрывистый ответ, что, несмотря на точные данные о его личности, обвиняемый солдат не был найден штабом. Или же дела прекращались в связи с тем, что военный служащий был откомандирован. После его отъезда в США, например, невозможно было продолжить рассмотрение претензий по содержанию. Юридическая помощь, даже между

штатами внутри США, была необычной. Не существовало ни обязательной регистрации, ни судов для бедных, которые могли бы оплатить услуги неплатежеспособного отца.

Американские оккупационные войска пытались использовать всевозможные уловки. В одном случае штаб в Гейдельберге сообщил местному суду в Мюнхене, что, по его мнению, обвиняемый не обязан являться на слушания по установлению отцовства, поскольку он считает, что мать ребенка - проститутка. Когда было указано, что проститутки также имеют юридические права, обвиняемый явился, но отрицал факт полового акта и утверждал, что у матери было много сексуальных партнеров. Был назначен анализ крови, после чего обвиняемый был отправлен обратно в США. Предлог, что женщина спала с несколькими мужчинами, был популярным оправданием. В случае необходимости солдаты были готовы даже представить свидетелей. Если выдавался исполнительный лист, то пристава просто не пускали в казарму. А если все остальное не помогало, солдата спешно отправляли обратно в США.^{[72](#)}

США были не единственной страной, отказавшейся оплачивать последствия изнасилований, совершенных ее солдатами. В решении Высокого суда от 24 июля 1950 года англичане также подтвердили, что иски о выплате алиментов отцу незаконнорожденного ребенка, родившегося от немецкой матери в Германии, не могут быть предъявлены в Англии. Решение немецкого суда о выплате алиментов подлежало исполнению в Англии только в том случае, если обвиняемый находился в Германии на момент возбуждения дела или добровольно признал немецкую юрисдикцию.

Военнослужащие оккупационных сил в принципе исключаются, даже если они признают отцовство.

Как было сказано, Франция обещала заботиться о детях французских солдат, но матери должны были уступить все права на своих детей, а обещание, что ребенок будет с биологическим отцом, не было выполнено. Вместо этого Французский Красный Крест отдал детей на усыновление. В 1955 году было разрешено подавать иски о взыскании алиментов с отцов, и немецкие матери могли добиться того, чтобы решение об опеке в Германии было проверено гражданским судом по месту жительства отца, но это обычно затягивалось и чаще всего оказывалось безрезультатным.^{[73](#)}

Как и американская и британская, советская военная администрация также отказалась заботиться о детях оккупации. У нее было достаточно своих собственных сирот, и она не хотела видеть "детей врага" в своей стране. В любом случае, признания отцовства и выплаты алиментов в Советском Союзе не существовало. Хотя Гражданский кодекс, согласно которому отец обязан выплачивать алименты, распространялся на советскую оккупированную зону, советская военная администрация пыталась препятствовать осуществлению этого права. Более поздние постановления в связи с соглашениями о размещении войск и договором о суверенитете после 1955 года вообще не распространялись на требования о содержании детей, ставших результатом изнасилования в конце войны.^{[74](#)}

О ДРУГИХ ЖЕРТВАХ ТАКЖЕ ПОЗАБОТИЛИСЬ".

Изнасилованные женщины, родившие ребенка, поначалу не получали никакой поддержки от немецкого государства, кроме обычного социального обеспечения, которое зависело от дохода матери. Но справедливо ли, что женщины, ставшие жертвами изнасилования во время войны, должны страдать не только психически, но и материально? Не были ли женщины в этой ситуации доверенным лицом побежденной нации? Разве их жертва была настолько менее значимой, чем жертвы, принесенные солдатами и инвалидами войны, перемещенными лицами и беженцами? Разве они не имели такого же права на пособие на ребенка, как и воевавшие мужчины? Эти вопросы обсуждались в течение десятилетия после войны.

В литературе часто утверждается, что после 1949 года вопрос о массовых изнасилованиях немецких женщин почти не обсуждался - совсем не обсуждался в советской оккупированной зоне / Восточной Германии и все меньше и меньше в Западной Германии.^{[75](#)} В качестве опровержения этого утверждения уже упоминалась документация о бегстве и высылке Федерального министерства по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны. Гораздо более важным аспектом публичного обсуждения на Западе изнасилований немецких женщин солдатами союзников является отношение общества к этим вопросам и их последствиям, а именно к детям. Обсуждение велось не за закрытыми дверями, а в парламенте и СМИ. Вопрос о справедливости в отношении забеременевших жертв изнасилования все больше волновал послевоенное общество, но не потому, что общество им особенно сочувствовало, а потому, что он затрагивал важную тему

буржуазной семейной морали. Муж одной из жертв ясно дал понять это в обращении к федеральным властям: "Если не подвергать сомнению принцип справедливости, то матери, которые брошены на произвол судьбы и несут жертву, не имея возможности избавиться от бремени, как другие, не должны быть лишены и толики благодарности и помощи". О жертвах и пострадавших в ходе боевых действий на Востоке также заботится правительство.⁷⁶

По сути, речь идет о признании обществом решения против аборт и в пользу ребенка, зачатого в результате войны и насилия. Против этого, однако, был страх, что государство может оказаться финансово обремененным все новыми и новыми группами жертв войны. Оно не могло или не хотело выплачивать еще больше репараций. По этой причине в самом начале было решено, что жертвы изнасилования не относятся к той же категории, что и инвалиды войны, и поэтому не имеют права на пенсию или компенсацию за боль и страдания, даже если это деяние было совершено во время боевых действий или в результате войны. Для того чтобы жертвы войны получили финансовое признание, необходимо было получить физическую или психическую травму, а изнасилование таковым не считалось.

Материнство незаконнорожденного ребенка или обязанность заботиться о ребенке не могут рассматриваться как личный вред. Этот вариант не был открыт для пострадавших женщин. Однако оставались сомнения, закончится ли на этом дискуссия.

Забота о буржуазной семье

Особая трудность для жертв изнасилования заключается в том, что в результате изнасилования рождаются дети, матери которых состоят в законном браке, но их мужья пропали без вести или находятся в плену. Хотя эти дети были законными по закону, они не имели права на пособие для сирот, в результате чего государственное социальное обеспечение было доступно матерям только в случае явных трудностей. Законные дети получали как военные пенсии, так и пенсии по инвалидности из-за правовой связи с погибшим отцом. Это также означало, что вернувшийся солдат, чья жена была изнасилована, должен был обеспечивать не своего ребенка до тех пор, пока его доход был выше уровня, дающего ему право на социальное обеспечение.

Эта несправедливость по отношению к немецким мужчинам в конечном итоге стимулировала обсуждение после 1950 года вопроса о возможной компенсации за изнасилованных детей. К этому добавилось растущее давление со стороны жертв и организаций жертв войны. Ассоциации, лоббирующие интересы тех, кто пострадал от войны, подчеркивали, в частности, военную и патриотическую жертву изнасилованных женщин как способ продвижения своих требований. Разумеется, их больше всего интересовали случаи из бывшей восточной Германии. Так, Судетское ландсманшафт, Рейхсбунд кriegс- и цивильбешдигтен, социалрентнер и хинтерблибенен и Вербанд кriegсбешдигтен (VdK) обратились к представителям государства с призывом сделать что-нибудь с жертвами изнасилования, имеющими детей. Многие из этих женщин были военнослужащими армии, штаба, разведки, флота,

зенитных войск, противовоздушной обороны, вспомогательных подразделений СС и медсестрами Красного Креста, которые оказались в советском плену, где их изнасиловали и сделали беременными. Эти случаи, по их мнению, были явным результатом войны и имели право на компенсацию в виде пенсий или терапевтической помощи. В противном случае они зависели от социального обеспечения, поскольку часто были безработными. Однако если они работали, то поддержка прекращалась. Такое обращение было несправедливым и недостойным "цивилизованного государства". Кроме того, утверждает VdK, существовала опасность, что пострадают материнские чувства.

Поэтому следует искать пути компенсации этих трудностей: "Мы обязаны это сделать несчастным немецким женщинам и девочкам, которые каждый день имеют живое доказательство того, что время их самого глубокого унижения как женщин" ⁷⁷.

Изначально очень немногие политики и администраторы разделяли эту точку зрения. Не отрицалось, что многие дети были зачаты в результате изнасилования и поэтому могут считаться жертвами войны или ее последствий, но предположение, что государство должно нести ответственность за этих "нежеланных" детей, было неверным, утверждали оппоненты. Мать по-прежнему биологически связана с нежеланным ребенком и поэтому несет ответственность за его воспитание и благополучие.

Не "просто незамужняя мать".

Развязав дискуссию, ее уже невозможно было сдержать. Отдельные женщины и мужья, считавшие, что их предали,

лично обращались к властям и политикам, чтобы заявить о своих финансовых претензиях, а также восстановить свою честь. В июне 1951 года М. К. из Бремена подала дисциплинарную жалобу на федерального министра по делам перемещенных лиц, беженцев и жертв войны, поскольку он не ответил на несколько ее заявлений. Она была родом из Восточной Пруссии и тщетно пыталась бежать в январе 1945 года вместе с родителями и братьями и сестрами. Ее мать умерла в феврале 1945 года, а отец умер от голода два года спустя. В сентябре 1945 года она была изнасилована русским солдатом в Зельветене в Восточной Пруссии (ныне Егорьевское) в присутствии своих сестер. На тот момент ей было двадцать два года, и она была "цела". 19 апреля 1946 года родился ее сын Ганс-Дитер. Теперь, после того как ее приняли в Западной Германии как позднего репатрианта, к ней относились как к "обычной незамужней матери". Она не могла понять, почему государство помогает тем, кто потерял члена семьи в результате войны, но не помогает тем, кто обрел его по той же причине. Она считала себя такой же жертвой войны, как и те, кто получил физические увечья или материальные потери. Для нее было особенно важно, чтобы ее не объединяли с женщинами, которые, по ее мнению, просто "братались".

С женщинами и девушками, которые бросались в объятия наступающих войск в обмен на шоколад или сигареты и в результате с ребенком, обращались не иначе, чем со мной. Это унижение моего статуса, против которого я выступаю. Я не просто одна из большого числа незамужних матерей, а отношусь к особой категории жертв войны и требую, чтобы государство не отказывало мне в этом моральном признании.
[78.](#)

Сочетание судьбы перемещенных лиц и этических принципов породило риторику, в которой бегство и изгнание с бывшего немецкого востока использовалось в качестве решающего аргумента, чтобы отличить этих женщин от тех, кто якобы "бросился в объятия" западных союзников. Возможно, это единственное законное объяснение самоуверенности изнасилованных матерей. Э. Б. из Средней Франконии писала в апреле 1951 года Элли Хойсс-Кнапп, в то время жене президента, что ее выгнали из Верхней Силезии "как животное"; "Мы были во власти этих грубиянов, чьи бесчинства не ограничивались старухами и детьми". Ее дочь Ингрид, о которой никто не заботился, была результатом изнасилования. Она получала пенсию вдовы войны в размере 27 марок и не могла ничего заработать в дополнение к ней, так как была сильно искалечена физически в результате пережитого. На дочь она получала 18 марок в месяц. Она не знала, как сможет прокормить и одеть детей.
[79](#)

Эта тема обсуждалась и в парламенте. Член СДПГ от Билефельда и "мать конституции" Фрида Надиг выступила, в частности, в защиту жертв изнасилования и спросила, можно ли предоставить помощь детям.
[80](#) Проблема возложения этого

вопроса на органы социального обеспечения игнорирует человеческую трагедию, пережитую этими женщинами, поскольку решение изнасилованной женщины все же родить ребенка является признаком глубоко укоренившейся морали. Однако Федеральное министерство внутренних дел сочло достаточным существующий механизм социального обеспечения, что заставило газету *Bielefeld Freie Presse* заметить, что это был жалкий ответ.

Случай беременности после изнасилования американским солдатом также рассматривался парламентским комитетом по петициям. П. С. из Герольдсберга под Нюрнбергом заявила 22 ноября 1955 года, что ее дочь Б. С. была изнасилована в Нюрнберге 4 августа 1946 года в возрасте девятнадцати лет американским солдатом А. W. Н. Она родила дочь. Заявление о выплате компенсации в размере 45 000 марок, поданное 31 января 1950 года в группу 7728 Бюро претензий, было отклонено по существенным причинам. Тогда отец жертвы, как опекун ребенка, обратился с письмом к федеральному президенту и различным федеральным министерствам с просьбой предоставить содержание его подопечной и компенсацию за дочь. Ему сообщили, что компенсация возможна только в том случае, если мать ребенка получила физическую травму или ее здоровье было подорвано. Закон о возмещении вреда, причиненного в результате изнасилования, не допускает компенсации расходов, понесенных матерью на содержание и воспитание ребенка, поскольку закон предусматривает возмещение только тех расходов, которые возникли в результате увеличения потребностей жертвы, например, в результате лечения. Сам ребенок также не мог

требовать какой-либо компенсации, поскольку не было случая ущерба, подлежащего возмещению, так как в результате изнасилования ребенку не был причинен физический вред и не пострадало его здоровье. Ущерб, понесенный ребенком из-за того, что биологический отец не выплачивал алименты, не является ущербом от профессиональной деятельности.⁸¹

Но сопротивление внутри администрации стало ослабевать по мере того, как она стала испытывать растущее давление со стороны другой дискуссии, а именно восстановления семейных ценностей. В конце концов, настроение изменилось в пользу компенсации за вынужденное материнство. В Северном Рейне-Вестфалии региональные ассоциации социального обеспечения решили предложить изнасилованным женщинам и девушкам специальные социальные выплаты, которые можно было получить даже в том случае, если законность ребенка не оспаривалась мужем изнасилованной женщины, но его доходы и имущество не позволяли ему содержать ребенка в одиночку. Таким образом, утверждалось, что "в некоторых случаях ребенок может остаться в семье без оспаривания законности со стороны мужа и необходимости помещения ребенка в приют".⁸² В меморандуме, направленном региональным властям, Федеральное министерство внутренних дел также считало желательным оказывать щедрую помощь семьям в тех случаях, когда жены или матери могли убедительно доказать, что они были невинными жертвами изнасилования. Это входило в обязанности органов социального обеспечения на региональном уровне.

На мой взгляд, такое изменение отношения со стороны федеральных властей произошло не из-за обоснованной

озабоченности правовым положением детей в результате изнасилования. Жертвы изнасилования и их эмоциональное состояние также не были в центре внимания. Политики и чиновники были больше всего озабочены защитой семьи, которая в 1950-е годы имела большое значение в дискуссии о восстановлении моральных ценностей в Западной Германии. Решающим аргументом было то, что мужья не должны финансировать чужих детей от изнасилования, так как в противном случае семья может распасться, что приведет к еще большему числу одиноких женщин и незаконнорожденных детей.

Протестантская церковь использовала аналогичные аргументы в пользу компенсации изнасилованным матерям. Ландесвербанд внутренней миссии евангелическо-лютеранской церкви в Баварии подкрепил свою просьбу о выплате алиментов особенно ярким примером:

Маргарете Ф., замужняя женщина, родила 27 февраля 1946 года ребенка-полукровку в результате изнасилования негром. И мать, и ее родители были крайне подавлены ситуацией и с трудом смирились с ней. Сразу после рождения ребенок был помещен в дом престарелых, а при нашем посредничестве попал в приемную семью в Винкельхайде-бай-Альтдорфе.

Тем не менее, изнасилованная женщина должна была платить 30 марок в месяц на содержание ребенка. Муж развелся с ней после возвращения с войны и не платил алиментов ни жене, ни своему законному ребенку. Теперь госпожа Ф. хотела снова выйти замуж, но новый муж отказался платить алименты на этого "черномазого ребенка". Поэтому мать прекратила выплаты, в результате чего местный орган социального

обеспечения выставил счет отцу матери ребенка. Дедушка был пенсионером с желудочным расстройством. Его жена, которая также была больна, продолжала работать, чтобы улучшить материальное положение семьи.⁸³ По мнению церковника, это моральные и человеческие трудности, с которыми государство должно покончить. Таким образом, предметом спора был вопрос дальнейшего существования семьи, а не пережитое женщиной насилие.

Все еще оставался конфликт между желанием защитить семью и страхом угрозы для семьи со стороны женщин, не обладающих буржуазной моралью. Подозрение, что матери-одиночки "братались", а затем заявляли, что были изнасилованы, чтобы предъявить необоснованные требования, продолжало держаться. Те, кто имел дело непосредственно с жертвами, были очень нерешительны. Так, например, по запросу Министерства внутренних дел Баварии Рабочий комитет баварских земельных союзов социального обеспечения счел, что в случае изнасилования "специальные меры социального обеспечения для женщин и их детей в целом неприменимы", поскольку невозможно представить доказательства обратного, что открывает возможности для злоупотребления (государственными субсидиями). Государство было готово действовать вместо неплательщика алиментов в интересах защиты и поощрения семьи только в том случае, если "моральный облик" женщины был безупречен. Спор между различными сторонами по поводу компенсационных выплат забеременевшим жертвам изнасилования, который продолжался до середины 1950-х годов, в конечном итоге можно свести к этому социальному

противоречию: с одной стороны, гендерная модель, предполагающая, что даже изнасилованные женщины в основном имели низкую сексуальную мораль и поэтому сами несли ответственность за свою судьбу; с другой стороны, необходимость назвать страдания, причиненные врагом, и таким образом, возможно, загладить собственную вину Германии, а также, прежде всего, укрепить "здоровую" семью.

Никакого возмещения за страдания жертв, но компенсация для детей

Еще в июне 1956 года федеральный министр внутренних дел Герхард Шрёдер из консервативной партии ХДС отказался выплачивать компенсации женщинам, забеременевшим в результате изнасилования военными иностранными армий. 17 декабря того же года было принято окончательное решение. На основании Закона о компенсации оккупационного ущерба, при определенных обстоятельствах из федеральных фондов может быть предоставлена компенсация на содержание детей, ставших жертвами изнасилования военными оккупационных войск. Размер компенсации определялся в зависимости от суммы, которую отец должен был выплатить в соответствии с законом.

В течение длительного времени постановление постоянно корректировалось. Ограничив его оккупационными детьми в узком смысле, т.е. детьми, зачатыми против воли матери на территории будущей Западной Германии в период с 1 августа 1945 года по 5 мая 1955 года, вскоре стало очевидно, что большое количество матерей ничего не получают - а именно все те, кто был изнасилован при бегстве в последние недели войны. Берлинский сенатор по финансам в марте 1957 года

немедленно пожаловался, что все известные 200 "русских детей", проживающих в (Западном) Берлине, не получают никакой компенсации при таких обстоятельствах. ⁸⁴ Постановление было пересмотрено.

Число женщин, имеющих право на компенсацию, постепенно увеличивалось. Теперь заявления на получение компенсации могли подавать матери, изнасилованные до официального начала оккупации; матери, изнасилованные на бывших колониальных территориях на Востоке; матери, депортированные и вынужденные работать на Востоке, изнасилованные и забеременевшие там; матери, изнасилованные военнослужащими оккупационных войск, которые не были солдатами, а были гражданскими лицами или их иждивенцами; беженцы, изгнанные и бежавшие и получившие немецкое гражданство только в 1950-х годах. Общим критерием было то, что изнасилование и беременность были обусловлены военной и послевоенной ситуацией. Срок выплаты ежемесячного пособия, первоначально ограниченный окончанием шестнадцатилетнего возраста ребенка, позднее был продлен до окончания обучения или достижения двадцатичетырехлетнего возраста. Утверждением заявлений занимался Amt für Verteidigungslasten [отдел по возмещению убытков, понесенных иностранными военными].

Не обсуждался вопрос о реальной компенсации за страдания, причиненные изнасилованием. В августе 1956 года в письме Федерального министерства внутренних дел в Федеральное министерство финансов было признано, что даже если изнасилование не нанесло внешних повреждений, оно нанесло эмоциональный ущерб, "поскольку побочные эффекты акта

насилия [могут] привести к чрезвычайно сильному эмоциональному шоку",⁸⁵ и поэтому можно рассмотреть вопрос о компенсации за страдания. Однако это никогда не могло быть реализовано на практике, поскольку число потенциально имеющих на это право женщин было слишком велико. Федеральный министр финансов хорошо знал, почему он выступал против выплат жертвам изнасилования: следовало опасаться, что расширение круга действий, подлежащих компенсации, нанесет ущерб другим случаям; иными словами, могут существовать другие группы жертв, которые надеются на компенсацию за травму, полученную в военное время.

По этой причине в конце декабря 1956 года было принято решение о том, что матерям изнасилованных детей будет выплачиваться только вышеупомянутая компенсация на основе компенсации, выплачиваемой за ущерб, причиненный оккупации. Министерство внутренних дел и Министерство финансов согласились, что компенсация должна иметь две цели: "50 процентов на содержание ребенка и 50 процентов на компенсацию нематериального ущерба матери ребенка".⁸⁶ После долгих колебаний вопрос был, наконец, решен - по крайней мере, теоретически.

СНАЧАЛА ФРАНЦУЗЫ, ПОТОМ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОРГАНЫ

Сомнения в достоверности показаний жертв изнасилования все еще практически невозможно устранить. Существовало большое опасение, что некоторые женщины придумают идею, "чтобы мать ребенка заявила и дала показания об изнасиловании без соблюдения необходимых условий, чтобы получить деньги на ребенка".⁸⁷ Другими словами, серьезно считалось, что масса женщин будет ложно утверждать, что их

изнасиловали, только для того, чтобы получить небольшое ежемесячное пособие.

Еще в 1960 году Федеральное министерство финансов рассматривало вопрос о том, как оно может оценить заявление истца. Было недостаточно, чтобы изнасилование было "правдоподобным", так как это лишь демонстрировало "вероятность заявленных фактов, но не являлось доказательством". Поэтому показаний под присягой недостаточно, чтобы установить, что изнасилование действительно имело место. Орган власти не должен удовлетворяться простой вероятностью и ни при каких обстоятельствах не должен принимать решение на основании "инстинктивных размышлений или общих подозрений", а должен установить определенность в соответствии с общеприменимыми эмпирическими правилами установления истины. Хотя окончательные доказательства обычно не могут быть представлены, ребенок должен был стать результатом изнасилования "с вероятностью, граничащей с уверенностью".
[88](#) Но когда заявленное изнасилование действительно является изнасилованием с вероятностью, граничащей с уверенностью?

Правила процедуры гласили, что мать может претендовать на компенсацию только в том случае, если она может описать ход и обстоятельства изнасилования в мельчайших подробностях. Коротких ответов в анкете и показаний под присягой было недостаточно. Преступление считалось совершенным только в том случае, если преступники применяли физическую силу к матери ребенка, чтобы "сломить ее сопротивление", или недвусмысленную и серьезную психологическую угрозу. Доказательство этого в случае изнасилования на войне было

нервным делом для женщин, поскольку юристы ставили все в зависимость от доверия матери.

Женщины считались заслуживающими доверия, если они могли описать инцидент связно и без противоречий:

Кроме того, решающее значение имела ее общая личность, о чем свидетельствует ее общий вид и то, как она описывала происшествие. Обычно властям также полезно, если не жизненно необходимо, получить помощь в принятии решения о личности матери ребенка на основе оценки заслуживающих доверия лиц, которые знают ее в течение длительного времени и могут достоверно судить о ее характере.

Еще одним ориентиром при определении того, имело ли место изнасилование, является реакция женщины. Достоверными считались только те, кто немедленно сообщил об этом родственнику или близкому другу и обратился к врачу "хотя бы для того, чтобы предотвратить риск заражения". Кроме того, необходимо учитывать место, где предположительно произошло изнасилование, обстоятельства и то, была ли мать ребенка связана с представителями оккупационных сил.^{[89](#)} Одним словом, если есть сомнения, принимайте решение против заявителя.

Изучение процессов рассмотрения заявлений выявляет удручающие подробности унижительных и рутинных подозрений. В государственном архиве Фрайбурга хранится более 200 заявлений о выплате компенсаций на содержание детей, родившихся в результате изнасилования. Отцами большинства из них были французские солдаты.^{[90](#)} Документы также дают представление о масштабах проблемы изнасилований в период французской оккупации. В 1955 году

во всем Баден-Вюртемберге официально насчитывался 471 оккупационный ребенок, ставший результатом изнасилования. Согласно моей формуле, это эквивалентно 47 100 изнасилованиям, которые неизбежно, из-за большой мобильности в конце войны, не все произошли на юго-западе. [91.](#)

У немецкого народа было историческое предубеждение, в частности, против марокканских, алжирских, тунисских и сенегальских колониальных солдат, восходящее к французской оккупации Рейнской области после Первой мировой войны, периоду, известному в коллективной памяти как "черный позор". Ужасные истории о "марокканских" насильниках были столь же укоренившимися, как и предубеждения против насилующих "монголов". Встречи населения юго-западной Германии с французскими солдатами, очевидно, следовали той же заранее разработанной хореографии, что и на Востоке, в Берлине и Верхней Баварии.

В приграничных районах, однако, также было много сочувствия и чувства родства со своими близкими соседями, и отвращение к содеянному было столь же велико, как у берлинских коммунистов по отношению к Красной Армии или среди тех, кто вначале так тепло приветствовал американцев в отношении действий военнослужащих. Женщина из Фрайбурга с возмущением писала французскому военному правительству, что до сих пор она всегда уважала французов: "Потом пришли вы... и что теперь? Ваши черные солдаты насильовали целые деревни женщин. Ваши офицеры ничего с этим не сделали и сами отдавали приказы или участвовали в этих зверствах" [92.](#)

Известно, что изнасилования имели место в Штутгарте, Фройденштадте и Констанце.⁹³ Особенно в тех местах, где армия встречала сильное сопротивление, проводились "свободные ночи", когда солдаты могли использовать немецкого врага во всех отношениях в течение сорока восьми часов.⁹⁴ Французский историк Марк Хиллел считает, что в Констанце было 385 изнасилований, 600 в Брухзале и 500 во Фройденштадте. Как и в архиепископстве Мюнхен-Фрайзинг, католические священники в епископстве Фрайбург зафиксировали сотни случаев. Во многих деревнях были зафиксированы десятки случаев сексуальных нападений.⁹⁵ В ответ на насильственные эксцессы французские власти заявили, что они поступают точно так же, как вермахт и СС поступали в оккупированной Франции. Тем не менее, были предприняты попытки восстановить дисциплину. Были открыты публичные дома, а армейское руководство иногда подавало пример и казнило осужденного насильника. В 1946 году французский парламентский комитет по расследованию пришел к выводу, что во время вторжения имели место "прискорбные отклонения".⁹⁶ Однако многие преступления были совершены не сразу после боев, а позже, во время оккупации.

После принятия указа о выплате компенсаций за детей, рожденных в результате изнасилования, стали поступать заявления от женщин из самых маленьких деревень и хуторов, которые против своей воли забеременели от оккупационного солдата. Возможно, благодаря особой юго-западной немецкой набожности, истории жертв расследовались и рассматривались

с суровой и скрупулезной тщательностью и строгостью. Одобрение было крайне редким явлением.

Женщинам было недостаточно описать обстоятельства изнасилования и даже назвать имя преступника. Чиновники собирали дополнительные, предположительно более объективные показания, чтобы получить достоверную картину происшествия и, прежде всего, характера заявителя. В конечном счете, определяющими были характеристики от работников социального обеспечения и показания соседей, врачей и родственников - другими словами, решающее значение имели буржуазная респектабельность и семейное происхождение женщины. Критерии оценки происшествий в любом случае не имели значения: важен был образ жизни женщин, их ведение домашнего хозяйства и уход за детьми - словом, их мораль и чувство семьи, а не несправедливость, от которой они пострадали.

Нельзя повторять достаточно часто, что оценки работников социального обеспечения, экспертов, свидетелей, лиц, принимающих решения в офисах и судах, и описания самих жертв - все это источники, требующие определенной критической исторической проницательности. Все эти действующие лица следовали своим собственным планам и использовали риторическую аргументацию. Сегодня мы не можем сказать, кто говорил правду; мы знаем только мотивы. Что мы можем с уверенностью заключить из этих источников, так это унижительные и рутинные подозрения, которым подвергались женщины. Это дает нам представление о подлом мировоззрении работников социального обеспечения, психиатров и чиновников в 1950-х годах.

Как незамужнюю мать, Ф. Ф.⁹⁷ из Альтенхайма в районе Кель, которая даже смогла назвать имя преступника, некоего Али Б. из Туниса, регулярно посещали работники социального обеспечения. Их впечатления помогли решить вопрос о том, имеет ли она право на компенсацию в связи с изнасилованием и беременностью, вызванными войной:

Нет никаких жалоб на воспитание ребенка, который воспитывается настолько хорошо, насколько это возможно в доме Ф. Мать в настоящее время безработная и поэтому находится дома, что не мешает ей продолжать встречаться с цветными членами оккупационной службы и открыто признавать, что она получает от них вещи, необходимые ей для существования. Тем не менее, в доме чистота и порядок.... Ребенок хорошо развит для своего возраста. Поскольку это ребенок цветной профессии, он часто является причиной конфликтов в семье. Отчим также не является хорошим отцом в этом отношении... отказывается вносить свой вклад в воспитание ребенка.

Социальный работник добавил, что ребенок хорошо развивается, он большой, сильный и трудолюбивый, но всего лишь средний ученик, готовый пуститься на любые уловки, помогающий по хозяйству и по соседству. Несмотря на плохие обстоятельства, она может без проблем оставаться в своем нынешнем окружении.

Тем не менее, создавалось впечатление.

что изнасилование не имело места. Фрау Ф. также родила своего первого ребенка, не будучи замужем, поэтому можно предположить, что ребенок Г. был зачат с согласия истца, тем более, если учесть заключение государственного департамента здравоохранения в Келе: "Хотя мораль и приличия не являются важными акцентами в доме Ф., ничего нельзя сказать о воспитании ребенка"⁹⁸.

Однако речь шла не о благополучии ребенка, а о моральных качествах его матери. Факт наличия еще одного незаконнорожденного ребенка был достаточным для того, чтобы власти поставили под сомнение факт изнасилования.

Дети не должны узнавать об обстоятельствах своего зачатия

Изнасилование не было достаточно доказано и в случае с Х.-М. Т. из Виллингена. В больнице не было записей, подтверждающих, что после акта был проведен осмотр. Жертва не освободила своего врача от обязательства соблюдать конфиденциальность, а другой свидетель был слишком стар, чтобы помнить. Предполагаемый преступник, Азиз Т., адъютант французской армии, также отказался признать отцовство. Сама жертва забрала свою историю в региональном управлении Южного Бадена, заявив, что она не может предоставить никаких доказательств. Первоначально она никому не рассказывала об изнасиловании. Когда она обнаружила, что беременна, то даже заявила, что это произошло по ее собственной воле: "Я продолжаю делать это и сегодня, потому что хочу во что бы то ни стало не допустить, чтобы моя дочь узнала, каким образом она была зачата. Девочке и так тяжело смириться со своей "непохожестью", и

нужно много сил, но и много любви, чтобы понять и смириться с этим".⁹⁹ Жертва изнасилования молчала из соображений о своей дочери и теперь страдает от последствий. При рассмотрении дела благополучие ребенка было наименее важным аргументом.

Основания для принятия решений ясно показывают, насколько важен для властей личный внешний вид, "хорошее впечатление" заявителей. В качестве примера можно привести А. А. из Нензингена/Штокаха. Она получала 60 марок в месяц, пока ее дочери не исполнилось шестнадцать лет. Заявительница смогла представить не только свидетельство об изнасиловании "цветным" французом в свинарнике в мае 1945 года, но и подтверждение от двух врачей о том, что она подала заявление на аборт, которое было бы одобрено, если бы не соображения здоровья. Когда девочке исполнилось пять лет, мать вышла замуж, и дочь была узаконена. В этом случае власти были удовлетворены тем, что имело место изнасилование. Помимо самих фактов, решающую роль могла сыграть "ресоциализация" через брак и защита новой семьи.

I. 3. также поверили. Согласно протоколу, ее заявление заслуживает доверия, поскольку она говорила нерешительно и только после ряда вопросов. Подробности явно смущали ее, и у социального работника не сложилось впечатления, "что она произносит заготовленную речь". Более того, в целом она производила впечатление скромной, простой, но уверенной в себе женщины, не обладающей достаточным воображением или актерскими способностями, чтобы самостоятельно придумать основные моменты истории. Можно предположить, что она действительно была жертвой изнасилования".¹⁰⁰

'Изнасилование наносит гораздо меньший ущерб репутации, чем половой акт по обоюдному согласию'

Особенностью французской оккупации было то, что солдат размещали в частных домах. (Близость гражданского населения и размещенных солдат не только повышала опасность для местных жителей, но и затрудняла для жертв возможность поверить в их рассказы о насилии. Так произошло с И. З., помощницей диетолога из Баден-Бадена, чья апелляция против отклонения ее заявления была отклонена в феврале 1962 года региональным управлением Южного Бадена. Ее муж, врач, погиб на войне. Осенью 1945 года она, 27-летняя, жила с родителями, где был расквартирован и Деде. Солдат жил в комнате, отделенной от семьи стеклянной дверью. Через несколько месяцев он ворвался ночью в спальню З. и изнасиловал ее под дулом пистолета. Вскоре после этого он ушел. Он сказал просто: "C'est la guerre!".

И. З. не позвала на помощь и не сообщила впоследствии властям. Она родила ребенка вдали от своего дома, чтобы избежать позора от друзей и соседей за то, что ее увидели беременной и незамужней. Она расценивала изнасилование как "позор", который останется с ней навсегда и который никогда не сможет искупить, как пятно на репутации ее высокочтимой и уважаемой семьи: "Любой преступник может вернуться к нормальной жизни и вернуть уважение после отбытия наказания. Я никогда не смогу восстановить хорошую репутацию нашей семьи".

Ее отцу удалось выяснить, где живет Деде. И. З. отправилась во Францию, чтобы напомнить отцу своей дочери о его обязанности по содержанию. От матери Деде она узнала, что он

женат и имеет двоих детей, но готов взять к себе младшую дочь: "Моя бедная дочь была подавлена мыслью о том, что ей придется уехать во Францию и жить в примитивных французских условиях, намного, намного отличающихся от наших". Запланированный брак с немцем сорвался, так как жених не смог пережить изнасилование: "Я все время спрашиваю себя, чем я заслужила это. Я не смогла вернуться на работу... Возможно, я могла бы снова выйти замуж... А что, если со мной что-то случится? Детский дом был бы единственным решением". Ее дочь была "восхитительным ребенком", хорошо воспитанным, с любящим и честным характером. Она посещала среднюю школу.

Но все это не возымело действия. Юристы отказались принять ее аргумент о том, что она хотела защитить свою репутацию и репутацию своей семьи и поэтому не сообщила властям об изнасиловании. Они считали обратное, считая "правильным и естественным" информировать власти после изнасилования, поскольку "быть жертвой недобровольного полового акта гораздо менее вредно для репутации, чем внебрачный половой акт по обоюдному согласию".^{[101](#)}

Вера в то, что изнасилование наносит меньший ущерб репутации, чем секс по обоюдному согласию с военным служащим оккупационных войск, является показательной. Даже в конце 1950-х годов, похоже, существовали противоречивые взгляды на мораль. С одной стороны, общество стремилось защитить семью и сексуальную мораль, поэтому изнасилование солдатом было более приемлемым, чем добровольный секс с ним. С другой стороны, жертвы изнасилования считали моральное давление, которое

ляжет на них и их детей, если станут известны обстоятельства зачатия, невыносимо позорным, поскольку они знали, что их достоверность будет поставлена под сомнение. Неразрешимая дилемма.

I. З. описала неразумность властей как "немировую". Мало того, что не было принято никаких мер против нападений оккупационных войск осенью 1945 года; мало того, что в то время она не могла "эмоционально справиться" со стрессом, связанным с составлением отчета - в ее глазах, было бы "оскорблением хорошего вкуса" распространяться о таком постыдном инциденте. Кроме того, документы об усыновлении и опеке будут доступны ребенку, когда он достигнет совершеннолетия, "и только по этой причине изнасилование не должно быть в деле, потому что оно может вызвать у ребенка чувство неполноценности и привести к эмоциональному шоку". Но власти остались непреклонны: "заявление принято, но не удовлетворено".^{[102](#)}

Заявление А. М., напротив, было удовлетворено. Она была неоднократно изнасилована в течение длительного периода времени русским солдатом в Западной Пруссии. Возможно, восточногерманская жертва солдата Красной армии могла рассчитывать на большее сочувствие во Фрайбурге, чем обычная незамужняя местная женщина, изнасилованная французом.^{[103](#)} Эта гипотеза подтверждается следующей историей болезни. Ж. Р. заявила, что впервые была изнасилована в 9.30 вечера 9 июня 1945 года французским адъютантом Луи М. В то время она работала во французской офицерской столовой. Нападение повторилось три раза в июне 1945 года. Для властей это означало, что "по крайней мере,

последующие инциденты не могут рассматриваться как изнасилование". Из-за короткого периода, в течение которого происходили инциденты (один месяц), невозможно определить, по какому случаю был зачат ребенок". Но заявительница настаивает на том, что все половые акты с французом были произвольными: "Я не знала, как от него отделаться. Мне сказали, что они заставят меня вернуться и работать в столовой, если я уйду.... Я никогда ничего не говорила об этом половом акте, потому что в то время он не признавался".

Ей по-прежнему отказывали в признании. Напротив, теперь ее обвинили в супружеской измене. Были "существенные основания для подозрений": трехкратное повторение полового акта с французом и отказ предпринять серьезные усилия, чтобы выйти из ситуации, оставив работу, свидетельствовали о "молчании нечистой совести" со стороны обвиняемой. В конечном итоге Дж. Р. не был осужден за супружескую измену, поскольку судьи не смогли исключить запугивание из-за "нервирующих впечатлений войны и краха".¹⁰⁴ Оглядываясь назад, мы, конечно, не можем сказать, кто был прав: истец, над которым обвинение в "братании" висело как дамоклов меч, или власти с их скептицизмом. Но такие формулировки, как "молчание нечистой совести" и предубеждения относительно того, как должна реагировать женщина после изнасилования, показывают инквизиторскую мораль властей.

Особенно страдали в этом отношении сексуально неопытные девочки. П. Р. из Оффенбурга работала воспитательницей в детском саду в Эттенхайме и спала в комнате с четырьмя детьми, за которыми она присматривала, в возрасте от одного

до восьми лет. Из-за детей дверь должна была оставаться незапертой, что дало возможность трем французам, разместившимся в доме. Она была настолько потрясена, что никому не рассказала об изнасиловании, даже своим работодателям. Только через восемь дней после этого она обратилась к врачу, который сказал ей, что она должна вернуться через месяц. Когда она это сделала, врач сообщил ей, что аборты запрещены. Она обратилась к священнику в Эттенхайме, но и он не смог мне помочь. В конце октября 1946 года она родила сына. В своем заявлении на получение алиментов в январе 1958 года она написала: "Я подтверждаю под присягой, что у меня никогда не было полового акта. По этой причине это было ужасно для меня, и [я] не могла никому рассказать. Сегодня я знаю, что это была ложная скромность". Это заявление также было отклонено.^{[105](#)}

Добровольная связь с чернокожим мужчиной не поддается воображению

Помимо удручающих историй женщин, документы регионального управления Южного Бадена и налогового управления Фрайбурга показывают, что немецкое общество в 1950-х годах еще не было готово отказаться от своих предрассудков и строгих моральных критериев. Не было желания попытаться понять ситуацию этих женщин и детей; не было и терпимости к другим этническим группам.

Поскольку у Т. С. уже был незаконнорожденный ребенок, первоначально не считалось, что она была изнасилована. В ноябре 1962 года налоговая служба пересмотрела это мнение - ребенок был чернокожим. Аргумент, что у нее уже был незаконнорожденный ребенок, был правомерен только "если

бы это был белый член оккупационных войск того времени... Для женщины, у которой уже был ребенок, добровольная интимная связь с мужчиной, вероятно, не беспокоила бы ее". Именно эта мысль, в частности, убедила нас в том, что заявление заявительницы было правдивым".[106.](#)

Несколько других случаев подтверждают, что решения о том, должна ли изнасилованная женщина получить компенсацию за своего ребенка или нет, открыто основывались на расистских критериях. Предрассудки в отношении чернокожих солдат были характерны не только для юго-западной Германии. Представители налогового управления Нюрнберга в августе 1959 года обратились к федеральному министру финансов с письмом о местном инциденте, в котором Р. М. из Аллерсберга была изнасилована в ноябре 1945 года чернокожим американским солдатом. Она происходила из приличной семьи, ее отец и брат работали на почте, и она не обратилась сразу к врачу или в полицию из стыда и учитывая "сельские обстоятельства". Тем не менее, власти были готовы поверить жертве, поскольку "маловероятно, что заявительница добровольно отдалась негру". На это предположение наводит, прежде всего, ее репутация и репутация ее семьи".[107.](#)

"Я ЛЮБЛЮ ЭТОГО РЕБЕНКА ТАК ЖЕ, КАК И ДРУГИХ".

Здесь также можно коснуться влияния изнасилования на отношения между женщиной и детьми. В заявлениях о выплате алиментов часто встречаются ссылки на то, что мать любила изнасилованных детей так же сильно, как и законных. Это, конечно, тоже целевые заявления, так как женщины, надеющиеся на компенсацию, должны были также продемонстрировать свои материнские инстинкты. Например,

Х. Р. написала в январе 1959 года федеральному министру по делам семьи, что она бежала из Померании в 1945 году с четырьмя детьми в возрасте от трех до десяти лет. Пятый ребенок был результатом изнасилования, и, будучи вдовой военного, она просила о таком же отношении к нему, как и к законным детям: "Я спрашиваю вас, министр, разве эти дети изгои, с которыми нужно обращаться как со скотом? Я люблю этого ребенка так же, как и других, потому что я тоже носила его под сердцем".^{[108](#)} И. Д. из Кобурга также написала, что всем сердцем заботилась о своем ребенке, который появился в результате изнасилования: "Я люблю своего ребенка, даже если он был зачат в акте жестокого и грубого насилия, и я даже не видела отца своими глазами, потому что меня заставили лечь на пол, когда я сопротивлялась и лишила его сознания, чтобы легче подчиниться его незаконным требованиям".^{[109](#)}

В следующем случае ребенок, появившийся в результате изнасилования, был даже описан как замена умерших законных детей женщины. Х. С. была изнасилована во время трехлетнего русского плена в Восточной Пруссии. Ее законные дети, в возрасте шести и десяти лет, умерли в течение недели друг от друга. Ее родители также умерли от голода. Сын от изнасилования, писала Х.С., был для нее всем и вся: "Я так больна, что не могу больше иметь детей". До 1948 года у ребенка не было ни молока, ни сахара. Он был совершенно недоедающим. Он девять месяцев пролежал в больнице в гипсе с тяжелым сколиозом. Мой муж написал, что я должна поехать к нему, но без ребенка. Как мать я не могла этого сделать. Он объявил мальчика незаконнорожденным и не обеспечивает его".^{[110](#)}

Однако мы также слышим от отцов, которые приняли изнасилованного ребенка как своего собственного. Одна мать написала федеральному президенту Теодору Хойсу, что она считает особенно похвальным то, что ее муж, перемещенное лицо, вел себя по отношению к ребенку должным образом во всех отношениях и не относился к нему иначе, чем к своим собственным детям: "В конце концов, этот ребенок - даже если он был зачат в результате насилия - тоже живое существо, имеющее право через рождение на существование, и поэтому он требует и должен требовать моего неустанного материнского долга"[111](#).

Иногда, конечно, встречаются проблески менее благородных материнских инстинктов. Некоторые женщины явно надеялись, что французские оккупационные власти заберут ребенка. Как уже упоминалось, Франция была единственной страной-победительницей после войны, готовой по демографическим причинам принять детей оккупантов и воспитывать их как французских граждан. Интерес Франции к детям был хорошо известен, и даже ходили слухи, что у бедных матерей забирали детей, даже если они этого не хотели. Призывы французской администрации сообщать о таких детях усиливали страх перед похищением детей.[112](#)

В некоторых случаях давление все же оказывалось. М. Т. из Краухенвиса под Зигмарингеном в своем обращении к федеральному президенту Хойсу написала, что, когда ее сыну было шесть месяцев, двое мужчин из Тюбингена спросили, не хочет ли она отдать его на воспитание во французскую семью. Какая мать отдаст своего ребенка? В любом случае, Германии они тоже нужны", - возмущенно писала она.[113](#)

М. Л. из Бад-Кроцингена вела долгую и трудную борьбу с властями. После неудачной попытки сделать аборт она не хотела "ни при каких обстоятельствах" оставлять ребенка, родившегося в результате изнасилования французским офицером. Во время войны она была медсестрой Красного Креста в России, занимала руководящую должность и, по словам властей, пользовалась большим уважением в своем окружении. Все, что 37-летняя женщина знала об отце, это то, что он алжирец и был отправлен на службу на следующий день после изнасилования.

Государственный отдел здравоохранения во Фрайбурге подтвердил М. Л. в октябре 1947 года, что ребенка можно усыновить во Франции. М. Л. ответила, что не хочет оставлять ребенка ни на минуту, так как она все еще слишком сильно любит своего мужа, погибшего на войне, чтобы воспитывать других детей. Она уже пожертвовала своим здоровьем, работая медсестрой Красного Креста, и теперь от нее ожидали, что она будет содержать ребенка, которого ей навязали.

Не может быть и речи. Я не могу найти в этом никакой любви. И я не думаю, что это правильно, что эти люди должны так легко выйти сухими из воды, просто вернувшись во Францию, в то время как другие должны посмотреть, как они могут справиться... Я, конечно, не заслужила, чтобы моя жизнь сложилась таким образом, в моем возрасте и, конечно, не из-за такого мерзкого негодяя".

Она вызывающе повторила: "У меня нет времени на ребенка, и я не буду пытаться заботиться о нем".

12 января 1948 года опеку над ребенком взял на себя районный отдел по делам несовершеннолетних в Мюльхайме.

Только через две недели мать заявила, что хочет воспитывать ребенка. Мать и бабушка получают от него столько удовольствия и преданы ему", - говорилось в записях районного отдела социального обеспечения. В 1955 году М. Л. вышла замуж за бизнесмена из Эттенхайма и вместе с ребенком переехала к нему. Через год новый муж усыновил мальчика.^{[114](#)}

Истории болезни предлагают шокирующие свидетельства тяжелой жизни детей-насильников. У матерей отбирали детей, хотя за ними явно хорошо ухаживали, просто потому, что они выглядели "негроидно". Один мальчик был помещен в детский дом в Констанце, а затем в Виллингене, где его должны были передать оккупационным войскам. Работник социального обеспечения писал 24 марта 1950 года: "Из того, что я узнал до сих пор о матери ребенка и ее родителях, они совершенно не хотят принимать ребенка в свой дом. Л. С. не проявляет никаких материнских чувств или любви к ребенку". 2 мая 1950 года мать была лишена права опеки. В 1951 году ребенок был отдан на усыновление, но приемные родители не могли решить, усыновлять ли его. В январе 1953 года Л. С. женился на часовщице. Через два года она умерла от сердечного приступа. Только после ее смерти муж узнал о существовании ребенка. Хотя неизменно негативное отношение матери ребенка и ее родителей к незаконнорожденному ребенку было непростительным, его можно было понять, учитывая, что в юности она была изнасилована и "не хотела, чтобы через ребенка ей постоянно напоминали об этом ужасном опыте".^{[115](#)}

Переход от опеки к отдаче детей, полученных в результате изнасилования, не был редкостью. В зависимости от ситуации, некоторые изнасилованные женщины отдавали ребенка

собственным родителям, особенно если они не были замужем и вынуждены были работать; другие отдавали детей в дома престарелых, потому что хотели создать новую семью. Помещение ребенка в дом престарелых, по-видимому, использовалось как угроза, если дети создавали трудности. Э. Х. из Ахерна была изнасилована двумя пьяными французскими солдатами во время ее десятиминутной прогулки на работу. Когда дочери Ф. было шесть лет, она ушла жить к бабушке и дедушке, потому что новый муж не хотел, чтобы девочка была с ним. Ей сказали, что если у нее возникнут трудности, то ее отдадут в дом престарелых. Социальный работник отметил, что девочка обещала вести себя хорошо и до сих пор не создавала никаких проблем. Она помогала бабушке по дому, и в школе на нее не жаловались, "хотя учительница не очень довольна ее присутствием". После восьми лет обучения в школе ее все же отдали в дом престарелых, "где ее обучают всем необходимым заданиям". Она явно нуждалась в строгом воспитании с хорошим руководством и обучением. [116](#)

Таким образом, страдания жертв изнасилования переносились на следующее поколение. Это начиналось с самого изнасилования, продолжалось отказом в просьбе об аборте, делая жертву зависимой от социального обеспечения, и заканчивалось во многих случаях заключениями экспертов и адвокатов, которые в принципе считали жертв неискренними. Хорошо это или плохо, но изнасилованные женщины и их дети часто десятилетиями находились во власти произвола властей - сначала иностранных солдат, затем немецких чиновников.

Очевидно, что до сих пор отношение к менталитету матерей, забеременевших в результате изнасилования, было слишком

одномерным. Неверно, что основными мотивами желания сделать аборт были расовые. Отношение к детям, появившимся в результате изнасилования, также было амбивалентным, причем чувства варьировались от полного неприятия до любви, рассматриваемой как утешение в тяжелые времена. Цвет кожи ребенка не обязательно был предметом озабоченности. Напротив, встречи женщин с немецкими властями были неоднократно окрашены явным расизмом и узколобой моралью.

Примечания

- [1.](#) Köpp, *Warum war ich bloss ein Mädchen?*, p. 137.
- [2.](#) Маргрет С. 12 декабря 1958 г. Федеральному министру по социальным вопросам, BA Koblenz B/126/5548.
- [3.](#) BA Koblenz B/126/5548, ходатайство в Федеральное министерство внутренних дел от 12 июня 1951 года, пособие на детей, появившихся в результате изнасилования врагом.
- [4.](#) Landesarchiv Nordrhein-Westfalen, Amt für Verteidigungslasten Düsseldorf, BR 2076 No. 412.
- [5.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 923; см. также Susanne zur Nieden, 'Erotische Fraternisierung: Der Mythos von der schnellen Kapitulation der deutschen Frauen im May 1945", in: Hagemann et al. (eds.), *Heimat-Front*, pp. 313-25.
- [6.](#) Klaus-Dietmar Henke, *Die amerikanische Besatzung Deutschlands* (Munich 1996), p. 188.

- [7.](#) См. Petra Goedde, 'From Villains to Victims: Братание и феминизация Германии, 1945-1947', в: *Diplomatic History* 23, 1 (зима 1999), pp. 1-20.
- [8.](#) Бодлианская библиотека (ред.), *Инструкции для британских военнослужащих в Германии*, изданные Министерством иностранных дел, Лондон, стр. 42-3, 63.
- [9.](#) См. Maria Höhn, *GIs and Fräuleins: The German-American Encounter in 1950s West Germany* (Chapel Hill and London 2002), особенно pp. 126-54.
- [10.](#) *Fränkischer Tag* от 21 сентября 1945 года, цитируется в Peter Zorn, "Ami-Liebchen and "Veronika Dankeschön" - Bamberg 1945-1952: Deutsche Frauen und amerikanische Soldaten", in: *Geschichte quer* 11 (2003), pp. 39-42, здесь p. 41.
- [11.](#) См. также Barbara Willenbacher, "Zerrüttung und Bewährung der Nachkriegsfamilie", in: Martin Broszat, Klaus-Dietmar Henke, Hans Woller et al. (eds.), *Von Stalingrad zur Währungsreform: zur Sozialgeschichte des Umbruchs in Deutschland* (Munich 1990), pp. 595-614.
- [12.](#) Almuth Roelfs, "Ami-Liebchen und Berufsbräute": Prostitution, Geschlechtskrankheiten und Besatzung in der Nachkriegszeit', in: Günter Kronenbitter et al. (eds.), *Besatzung, Funktion und Gestalt militärischer Fremdherrschaft von der Antike bis zum 20. Jahrhundert* (Paderborn et al. 2006), pp. 201-10, здесь p. 205.
- [13.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 668.
- [14.](#) Там же, стр. 832.

- [15.](#) Henke, *Die amerikanische Besatzung Deutschlands*, в частности, pp. 190-6.
- [16.](#) Саган, *Кризис 1945*.
- [17.](#) Даже если и было большое количество незарегистрированных случаев, это "не так уж много, учитывая тот факт, что, например, в 1939 году 900 человек были осуждены за изнасилование или что в 1950 году полиция только в Баварии расследовала дела более 500 немецких граждан по обвинению в изнасиловании. Эти цифры ясно показывают относительное отсутствие насилия со стороны американской армии по отношению к гражданскому населению во время оккупации Германии". Сравнение, конечно, ложное. Во-первых, автор использует в качестве параметра площадь (вместо мужского населения), что не имеет смысла, поскольку американцы не были расквартированы по всей Германии. Кроме того, случаи изнасилования, о которых сообщалось в полицию до и после войны, нельзя сравнивать с задокументированными случаями в конце войны, поскольку немецким гражданским лицам было практически невозможно сообщать о преступлениях. См. Henke, *Die amerikanische Besatzung Deutschlands*, pp. 1038-9.
- [18.](#) Там же, стр. 44.
- [19.](#) Dietrich Güstrow, *In jenen Jahren: Aufzeichnungen eines 'befreiten' Deutschen* (Munich 1983), p. 34.
- [20.](#) Письмо солдата из батальона полевой артиллерии 99-й пехотной дивизии, цитируется в Henke, *Die amerikanische Besatzung Deutschlands*, p. 195.

21. Таким образом, на мой взгляд, предположение о том, что среди американских оккупантов было мало случаев изнасилования, а скорее сексуальные отношения происходили по обоюдному согласию, основано на крайне неясных источниках. Показания в то время почти всегда давались предвзятыми свидетелями: мужчинами, потерпевшими поражение в бою и превратившими свое военное поражение в моральное поражение своих женщин, или солдатами армии-завоевателя, выставлявшими напоказ свои героические сексуальные подвиги. Сообщения о якобы имевших место сексуальных контактах по обоюдному согласию также исходили от солдат, которые были заражены венерическими заболеваниями и вынуждены были терпеть неудобные вопросы врачей, или - еще один часто цитируемый источник - от духовных или иных авторитетов (например, американских феминисток, выступавших против проституции, представителей американского "движения за социальную чистоту"), у которых также была своя моральная повестка дня.

22. Konrad Jarausch, *Die Umkehr: Deutsche Wandlungen 1945-1995* (Мюнхен 2004), p. 141.

23. Дженнифер В. Эванс, "Защита от защитника, дела военного трибунала и беззаконие оккупации в контролируемом американцами Берлине", в: Maulucci and Junker, *GIs in Germany*, pp. 212-33, здесь p. 233.

24. См. Sybille Steinbacher, *Wie der Sex nach Deutschland kam: Der Kampf um Sittlichkeit und Anstand in der frühen Bundesrepublik* (Munich 2011), pp. 21-134; Eva-Maria Silies, *Liebe, Lust und*

Last: Die Pille als weibliche Generationserfahrung in der Bundesrepublik 1960-1980 (Göttingen 2010), pp. 37-61.

[25.](#) См. Höhn, *GIs and Fräuleins*, pp. 153-4.

[26.](#) См. Jens Hacke, *Philosophie der Bürgerlichkeit: Die liberalkonservative Gründung der Bundesrepublik* (Göttingen 2006), pp. 14-15, 36. О стремлении к внутренней стабильности см. также Ulrich Herbert, "Liberalisierung als Lernprozess: Die Bundesrepublik in der deutschen Geschichte - eine Skizze", in: Herbert (ed.), *Wandlungsprozesse in Westdeutschland: Belastung, Integration, Liberalisierung 1945-1980* (Göttingen 2003), pp. 7-49.

[27.](#) Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, pp. 602-3.

[28.](#) Экспозиция Георга Пфистера от 19 июля 1945 года в Pfister, *Das Ende des Zweiten Weltkriegs*, p. 465.

[29.](#) См. Elizabeth Heineman, "The Hour of the Woman: Воспоминания о "кризисных годах" в Германии и западногерманская национальная идентичность", в: *The American Historical Review*, 101, 2 (April 1966), pp. 354-95.

[30.](#) Цитируется в Eva Gehltoholt and Sabine Hering, *Das verwahrloste Kind: Diagnostik and Fürsorge in der Jugendhilfe zwischen Kriegsende und Reform (1945-1965)* (Opladen 2005), pp. 174-5.

[31.](#) 'Die Bedeutung der Kriegs- und Nachkriegszeit für die Entwicklung des Kindes, Referat von Werner Villinger (Marburg/L.)', in: *Monatsschrift für Kinderheilkunde* 103, 2 (January 1955), Verhandlung der 54. Ordentlichen

Versammlung der Deutschen Gesellschaft für Kinderheilkunde in Essen 1954, pp. 65-72.

[32.](#) Gehltholt and Hering, *Das verwahrloste Kind*, p. 123.

[33.](#) Там же, стр. 41.

[34.](#) Staatsarchiv München RA 77674.

[35.](#) Там же.

[36.](#) Staatsarchiv München, LRA Traunstein, Kriminalpolizei, Sicherheitszustand im Land Bayern, Lagebericht für November 1946.

[37.](#) *Kriegsende und Neubeginn im Landkreis Eichsfeld 1945/46: Eine zeitgenössische Dokumentation - im Auftrag des Landkreises Eichsfeld, der Stadt Heilbad Heiligenstadt und des Bischöflichen Geistlichen Kommissariates Heiligenstadt* (Eichsfeld 2003), p. 210.

[38.](#) Ландесархив Берлина, DQ/1/1027.

[39.](#) Bundesarchiv Lichterfeld DQ1 No. 1610, Bekämpfung von Geschlechtskrankheiten.

[40.](#) Элизабет Д. Хайнеман, *Какая разница в муже? Женщины и семейное положение в нацистской и послевоенной Германии* (Беркли 1999), стр. 102.

[41.](#) Бундесархив Лихтерфельд DQ1 № 1610.

[42.](#) Goedde, *GIs and Germans*, p. 92.

[43.](#) Бундесархив Лихтерфельд DQ1 № 1610.

- [44.](#) Bundesarchiv Lichterfeld DQ1 No. 16, Zur Mitarbeit der Ärzteschaft im Kampf gegen die Geschlechtskrankheiten by Dr. Teller, 7 September 1946.
- [45.](#) Stefan Grüner, 'Nachkriegszeit 1945-1957: Alltag, Besatzung, politischer und wirtschaftlicher Neuaufbau', in: Volker Dotterweich and Karl Filser (eds.), *Landsberg in der Zeitgeschichte, Zeitgeschichte in Landsberg* (Munich 2010), pp. 351-400.
- [46.](#) Landesarchiv Berlin, Ministerium des Innern, Bestand Nr. 9, Der Polizeipräsident in Berlin, Ereignismeldungen - Meldungen an die Präsidialabteilung über wichtige Ereignisse aus den Inspektionsbereichen, 9/0284 an den Polizeipräsidenten von Berlin.
- [47.](#) Else Baumann-Meyer, *"Manches vergisst man eben nie" - Aus dem Leben einer Arbeiterin* (Oldenburg 2000), pp. 53-6.
- [48.](#) В советской оккупационной зоне существовали не только медицинские и этические, но и социальные показания. Для органов здравоохранения социальное положение беременной женщины было определяющим фактором при принятии решения о разрешении на аборт; см. Silke Satjukov, 'Besatzungskinder: Nachkommen deutscher Frauen und alliierter Soldaten seit 1945', in: *Geschichte und Gesellschaft* 37 (2011), pp. 1-33, здесь p. 6.
- [49.](#) Джейкобс, *Freiwild*, стр. 72-4.
- [50.](#) См. Kirsten Poutrous, "Von den Massenvergewaltigungen zum Mutterschutzgesetz: Abtreibungspolitik und Abtreibungspraxis in Ostdeutschland, 1945-1950", в Richard Bessel and Ralph

Jessen (eds.), *Die Grenzen der Diktatur: Staat und Gesellschaft in der DDR* (Göttingen 1996), pp. 170-98.

[51.](#) Гроссманн, *Вопрос молчания*, стр. 44-5.

[52.](#) См. Poutrous, "Von den Massenvergewaltigungen zum Mutterschutzgesetz".

[53.](#) Там же.

[54.](#) В этом отношении мое исследование также не согласуется с Satjukow, "Besatzungskinder", как по количеству, так и по частоте аборт и институционализации.

[55.](#) Karl-Heinz Mehlan, *Die Problematik der Schwangerschaftsunterbrechung auf Grund der sozialen Indikation* (Berlin 1956), pp. 131-2. О правовой ситуации в советской оккупационной зоне и в Восточной Германии см. Poutrous, "Von den Massenvergewaltigungen zum Mutterschutzgesetz".

[556.](#) Фриц Натон, "Schwangerschaftsunterbrechung nach Sittlichkeitsverbrechen", диссертация, Мюнхенский университет Людвига Максимилиана, 5 апреля 1952 года.

[57.](#) Satjukow, 'Besatzungskinder', p. 6.

[58.](#) Государственный отдел здравоохранения Гармиш-Партенкирхена от 6 декабря 1945 года в Военное правительство, BayHStA5086a, Министерство внутренних дел земли Бавария о прерывании беременности, абортах, преждевременных родах и выкидышах.

- [59.](#) Hauptstaatsarchiv Stuttgart OMGUS 12/27-1-9/5, внутренняя служебная записка от 6 апреля 1946 года, цитируется в Satjukow, 'Besatzungskinder', p. 6.
- [60.](#) К. С. Военному правительству в Мюнхене 18 сентября 1946 г., BayHStA 5086a.
- [61.](#) Медицинский совет Баварии в Министерство внутренних дел Баварии 18 октября 1945 года, BayHStA 5086a, Министерство внутренних дел Баварии относительно прерывания беременности, аборт, преждевременных родов и выкидышей.
- [62.](#) Там же, И. О. Американскому военному правительству 1 октября 1945 года.
- [63.](#) Там же, письмо от 17 декабря 1946 года.
- [64.](#) Там же, Министерство юстиции Баварии от 19 декабря 1946 года прокурорам Мюнхена, Нюрнберга и Бамберга.
- [65.](#) Письмо врача начальнику Государственного отдела здравоохранения от 22 января 1948 года.
- [66.](#) Все следующие случаи: Landesarchiv Berlin, Neukölln Department of Health, affidavits, Rep. 214 № 94.
- [67.](#) BayHStaA MInn 81091 6726 - Рассмотрение исков о выплате алиментов на детей военнослужащим иностранных вооруженных сил 1958-60 гг.
- [68.](#) BayHStaA MInn 81091 - Отчет отделов по делам несовершеннолетних за 1953 год, дополнение к 6726.

- [69.](#) Из 100 белых и полукастовых незаконнорожденных оккупационных детей в Баварии в 1954 году 70 и 61, соответственно, жили с матерями, 16 и 10 - с родственниками, 9 и 14 - с дальними родственниками, 5 и 15 - в домах. Таким образом, 95 процентов и 85 процентов соответственно жили с близкими родственниками. В отчетах прямо указывается, что передача детей из полукасты в приемные семьи "в целом не встретила сопротивления, которого первоначально опасались": BayHStA MInn 81094, Supp. no. 3 - 67261.
- [70.](#) BA Koblenz B 153/342.
- [71.](#) Там же.
- [72.](#) Министерство юстиции земли Бавария 23 апреля 1956 г. Федеральному министру юстиции, BayHStA MInn 81087.
- [73.](#) Satjukow, 'Besatzungskinder', p. 11.
- [74.](#) Там же, стр. 14.
- [75.](#) См. Наймарк, *Русские и немцы*, стр. 205.
- [76.](#) G. и E. против H. в письме в Комитет по петициям немецкого Бундестага от 24 февраля 1958 года, BA Koblenz B/126/5548.
- [77.](#) BA Koblenz B/126/5548, Заявления в Федеральное министерство финансов о предоставлении компенсации за изнасилования до 1 августа и за пределами федеральной территории; письмо от 5 марта 1951 года.

- [78.](#) BA Koblenz B/126/5548, Заявление в Федеральное министерство внутренних дел от 12 июня 1951 года, содержание детей в результате изнасилования врагом.
- [79.](#) BA Koblenz B/126/5548, письмо от 27 апреля 1951 года.
- [80.](#) Пресс-служба СДПГ, август 1856 года. Надиг была членом Комитета по британской оккупационной зоне. В 1948 году она была назначена членом Парламентского совета и работала над Основным законом. Она была одной из женщин, ответственных за статью 3 (Равенство перед законом), и боролась, хотя и безуспешно, за равную оплату мужчин и женщин за равный труд и за равенство перед законом для незаконнорожденных детей.
- [81.](#) В Комитет по петициям Бундестага Германии, 27 июля 1956 года, Оккупационный ущерб, заявление Пауля Скриве, Герольдсберг-бей-Нюрнберг от 22 ноября 1955 года, BNStaA MIInn 81085.
- [82.](#) BayHStA MIInn, 81085, suppl. no. 1 - 6726.
- [83.](#) BayHStA MIInn 81085.
- [84.](#) BA Koblenz B 126/28038, Берлинский сенатор по финансам, 28 марта 1957 года.
- [85.](#) Федеральное министерство внутренних дел - Федеральному министерству финансов от 28 августа 1956 года; BA Koblenz B 126/28038.
- [86.](#) Письмо Федерального министерства внутренних дел от 5 июля 1960 года.

- [87.](#) BayHStA MInn 81086, 26 марта 1954 года, федеральный министр внутренних дел - земельному министерству Баварии.
- [88.](#) BayHStA MInn 81086.
- [89.](#) Там же.
- [90.](#) См. Бернд Сергер, Карин-Анна Бёттхер и Герд Р. Уебершер (ред.), *Südbaden unter Hakenkreuz und Trikolore: Zeitzeugen berichten über das Kriegsende und die französische Besetzung 1945* (Freiburg 2006).
- [91.](#) BA Koblenz 153/342, Statistisches Landesamt Baden-Württemberg, перепись незаконнорожденных детей от 30 мая 1955 года.
- [92.](#) Цитируется в Edgar Wolfrum, 'Das Bild der "düsteren Franzosenzeit": Alltagsnot, Meinungsklima und Demokratisierungspolitik in der französischen Besatzungszone nach 1945', in: Stefan Martens (ed.), *Vom 'Erbfeind' zum 'Erneuerer': Aspekte und Motive der französischen Deutschlandpolitik nach dem Zweiten Weltkrieg* (suppl. to *Francia* 27, edited by Deutsches Historisches Institut Paris) (Sigmaringen 1993), pp. 87-113.
- [93.](#) Marc Hillel, *L'occupation française en Allemagne, 1945-49* (Saint-Armand-Montrand 1983), pp. 83, 108-11, цитируется в Perry Biddiscombe, 'Dangerous Liaisons: Антибратское движение в американских оккупационных зонах Германии и Австрии, 1945-1948 гг: *Journal of Social History* 34, 3 (2001), p. 635.
- [94.](#) Serger et al., *Südbaden unter Hakenkreuz*, p. 311.

- [95.](#) Schwendemann, 'Das Kriegsende in Ostpreussen', p. 105.
- [96.](#) Цитируется в *ibid.*, p. 106.
- [97.](#) Ввиду того, что некоторые деревни и села очень маленькие, я изменил инициалы жертв. Следующие дела взяты из Landesarchiv Baden-Württemberg / Staatsarchiv Freiburg, Bestand D 5/1 Einzelfälle.
- [98.](#) Staatsarchiv Freiburg, компенсационный суд, отдельные дела; письма социального работника от 12 декабря 1948 года, 17 апреля 1951 года, D 5/1 5295.
- [99.](#) Там же, D 5/1 5387.
- [100.](#) Там же, D 5/1 5606.
- [101.](#) Там же, D 5/1 5228.
- [102.](#) Там же.
- [103.](#) Там же, D 5/1 5421.
- [104.](#) Там же, D 5/1 5408.
- [105.](#) Там же, D 5/1 5517.
- [106.](#) Там же, D 5/1 4925.
- [107.](#) BA Koblenz B/126/28038.
- [108.](#) Г. Р. Федеральному министру финансов 14 января 1959 года, Б. А. Кобленц.
- [109.](#) I. D. 19 июля 1957 г. Федеральному министру финансов, BA Koblenz B/126/5548.

[110.](#) Н. S. 25 июля 1959 г. Федеральному канцлеру, BA Koblenz B/126/5548.

[111.](#) Письмо федеральному министру по делам семьи Францу-Йозефу Вюрмелингу, BA Koblenz B/126/5548.

[112.](#) Satjukow, 'Besatzungskinder', p. 10.

[113.](#) Федеральному президенту Хойсу, BA Koblenz 28 ноября 1957 года, BA Koblenz B/126/5548.

[114.](#) Staatsarchiv Freiburg, компенсационный суд, отдельные дела, D 5/1 5047.

[115.](#) Там же, D 5/1 5325.

[116.](#) Там же, D 5/1 5312.

ДЛИННАЯ ТЕНЬ

А потом он спросил меня: "Кто из них это сделал?".

Я посмотрел на них, на всех семерых или восьмерых, и подумал: "Сейчас у вас есть шанс вернуть свое - за всю боль, за смертельный страх, за эти унижения и клеймо". Это была моя первая мысль. Второй мыслью было: "Ева, возьми себя в руки. Они тоже люди. Они - те русские, которых ты ждала". Я переводила взгляд с одного на другого, узнавала их всех, включая маленького толстяка, который был особенно злым. Я посмотрел им всем в глаза, и в их глазах я увидел только одно: страх. Я сказал себе: "Не стоит, чтобы хоть одна жизнь была потеряна из-за тебя и из-за позора, который они на тебя навлекли".

Ева Эбнер в своих воспоминаниях о расстановке красноармейцев 1

По словам соседей, она по-прежнему звала на помощь по ночам.

Психиатрический отчет о пациентке, изнасилованной французами 2

ПОСЛЕДСТВИЯ ПЕРЕЖИТОГО НАСИЛИЯ

Какова была последующая жизнь жертв изнасилования? Были ли они клейменены навсегда, или они были способны вести полноценную жизнь, несмотря на пережитое? Последствия сексуального насилия зависят от ряда факторов, личных и внешних: от ресурсов для противостояния ему, от индивидуальной жизненной ситуации, а также от коллективной интерпретации и - не в последнюю очередь - от признания жертв обществом.

Мы неоднократно слышали о женщинах, у которых не было сил жить дальше. Ходят слухи о десятках и даже сотнях женщин в некоторых районах Берлина, в восточных районах, а также в деревнях Верхней Баварии, которые покончили с собой после того, что с ними сделали. Особенно молодым девушкам, религиозным и пожилым женщинам, а также тем, кто не мог идентифицировать себя с другими людьми, которых постигла та же участь, было трудно смириться с опытом насилия и унижительными последствиями. Литературный критик Марсель Райх-Раницкий однажды прокомментировал вопрос о том, действительно ли журналист Илья Эренбург призывал солдат Красной армии систематически насиловать немецких женщин, сказав, что призыв к изнасилованию не так плох, как призыв к убийству (примеров чему из-под пера Эренбурга было предостаточно). 3 Учитывая многочисленные самоубийства и тяжелые психологические последствия, этот комментарий, по меньшей мере, двусмысленен. 4

Психиатр Альбин Сегмюллер сразу после войны написал докторскую диссертацию о "реактивных самоубийствах и попытках самоубийства в послевоенный период". Описанные

им случаи демонстрируют страдания женщин после случившегося. Двадцатилетняя девушка пыталась покончить с собой с помощью двадцати транквилизаторов "Бромурал" из-за страха перед обследованием в американском военном госпитале. Сорокалетняя пациентка приняла таблетки и порезала себе вены, потому что боялась, что после гибели мужа на войне она заразилась гонореей от американского солдата. Другая пациентка покончила с собой из-за "нежелательной беременности от негра". Среди женщин-жертв Сегмюллер выделил типичную судьбу беженцев как причину самоубийства: бездомные, потерявшие всю семью, безработные, изнасилованные, зараженные венерической болезнью или беременные. А затем унижение от позорного медицинского обследования по приказу оккупационных властей, на котором жертва должна была описать, что произошло. 5.

Мы знаем о жертвах, получивших физические и психологические травмы на всю жизнь. Сегодня мы бы назвали это посттравматическим стрессовым расстройством. Психиатры и психологи теперь различают объективные и субъективные факторы травмы - например, то, насколько человек тревожен в целом, в сравнении с объективной степенью угрозы. По этой причине невозможно обобщить последствия. Те немногие исследователи, которые изучали психологический стресс, вызванный изнасилованиями немецких женщин во время войны (к сожалению, только жертв красноармейцев), считают, что около половины жертв страдали посттравматическим стрессовым расстройством. Такой высокий показатель объясняется тем, что жертвы

подвергались и другим травмам, связанным с войной, таким как бомбардировки и другие формы военных действий, изгнание из дома, потеря семьи, друзей и родственников: "Многочисленные и последовательные травмы, полученные в результате военных действий, в целом увеличивали вероятность развития посттравматического расстройства. Значительные требования повседневной послевоенной жизни, восстановление собственного существования и существования их семей были дополнительным бременем". 6.

Среди острых признаков посттравматического стресса - депрессия, нарушение социального поведения, например, вспышки гнева, тревожность и нервозность, чувство вины, эмоциональное онемение, амнезия, нарушения сна и кошмары, а также психосоматические проблемы. Симптомы могут проявиться спустя годы после события, например, после накопления негативного опыта или когда текущие события, такие как сообщения о массовых изнасилованиях во время современных конфликтов, пробуждают воспоминания о прошлом. Пожилые люди, очевидно, особенно подвержены риску развития или повторного развития посттравматического стрессового синдрома, поскольку психическая и психологическая устойчивость с возрастом ослабевает, в сочетании с дисбалансирующим воздействием резких перемен в жизни и приближающейся смерти.

Психологи Свеня Эйххорн и Филипп Куверт выявили последствия даже в среднем возрасте восьмидесяти лет у случайной выборки из двадцати семи женщин, изнасилованных советскими солдатами. Они включали пожизненное ухудшение сексуальной жизни, трудности в

отношениях с членами семьи и общее снижение удовольствия от жизни. Исследователи также изучили стратегии совладания жертв. Более трети пытались подавить пережитое, в то время как около пятой части активно пытались смириться с этим. 7.

Однако после войны у жертв было мало возможностей примириться со своей судьбой таким образом - не потому, что эта тема вдруг стала запретной, а потому, что в те времена люди просто не говорили о своих психических проблемах. Это не было частью немецкой общественной культуры, и социальный климат не способствовал этому. Людей воспитывали так, чтобы они "справлялись с жизнью"; их "закаляли" в детстве и учили избегать впечатления чрезмерной чувствительности к боли и эмоциональности. 8 Неумение говорить о переживаниях, чувствах, физических и эмоциональных страданиях было "настоящим культурным феноменом послевоенных лет". 9 Последствия войны были интернализированы, с ними должны были справляться сами жертвы, у которых почти не было языка для этого.

Страдание без слов

Многие женщины никогда не рассказывали о своем изнасиловании. Как мы видели в некоторых заявлениях о компенсации, молодые женщины, никогда не имевшие секса, даже не сообщили о своем несчастье родителям. Позже им часто приходилось объяснять, почему они сразу не рассказали об этом.

Если женщина забеременела и не смогла или не захотела прервать беременность, она больше не могла об этом молчать. Были случаи, когда жертвы изнасилования придумывали

сексуальный контакт по обоюдному согласию. Хотя общество считало, что быть изнасилованной более "почетно", чем добровольно вступить в половую связь с оккупационным солдатом, сами женщины, видимо, иногда считали иначе. Изнасилование было настолько постыдным, что они предпочитали не вспоминать о нем. Жертвы хотели защитить свои семьи и в некоторых случаях, как мы видим из записей во Фрайбурге, шли на то, чтобы родить ребенка в другом месте. Вероятно, это были не единичные случаи, поскольку незаконные беременности до Второй мировой войны часто сохранялись в тайне подобным образом.

Если в результате изнасилования рождался ребенок, матери, как мы уже видели, часто молчали по другой причине: они хотели избавить своего ребенка от знания о том, каким образом он был зачат. Они не хотели навязывать следующему поколению те страдания, которые жертвы часто испытывали до конца жизни, и отвержение со стороны общества. Уже было достаточно плохо, когда тебя клеймили как "русское отродье" или "негритянский ребенок". Сомнительно, что эта политика замалчивания была успешной.

Сегодня существуют организации, которые помогают этим детям найти своих отцов.^{[10](#)}

Помимо страха перед общественным порицанием и семейным "позором", многие женщины хранили молчание еще и потому, что изнасилование на войне часто трактовалось как братание. Обратное бремя доказывания - жертва, а не нападавший, должна была доказать свою невиновность - было обременительным, поскольку от обвинения в сексуальных контактах с оккупационными солдатами было трудно

избавиться. Мы также знаем, что некоторых жертв изнасилования их семьи убеждали молчать о своей судьбе.

Особенно показателен случай Габи Кёпп, которая, как уже говорилось выше, была несколько раз изнасилована в пятнадцатилетнем возрасте, когда она бежала из Позена (Познань) в Гамбург. Ее мать не могла и не хотела помочь ей примириться с этим травматическим опытом, говоря дочери, что если ей есть что сказать, она должна это записать. Габи Кёпп рассказывает, каково это было - не иметь возможности говорить. В какой-то момент она резко прекратила вести дневник, потому что больше не могла выносить повторяющиеся кошмары, вызванные интенсивными воспоминаниями об ужасном опыте. Ей пришлось начать с того, чтобы попытаться забыть о том, о чем ей не разрешалось говорить.

Кёпп позже писала о своей первой попытке признать свою ситуацию: "Оглядываясь назад, я вижу сегодня, что моя выдержка инстинктивно длилась достаточно долго, чтобы я смогла пережить худшую часть моего полета, записав все это".¹¹ Тот факт, что этот дневник вообще существовал, был предметом разногласий в семье: "Как будто я сделала что-то плохое, история, рассказанная на этих плотно исписанных страницах, была объявлена запретной". Она хранила документ в сейфе. Только в начале 2005 года, в шестидесятую годовщину освобождения Освенцима, она открыла этот "ящик Пандоры" и начала переписывать тетрадь на компьютер. Новая конфронтация с тем, что она пережила в полете, стала возможной только после многих лет психоанализа.

Нет диагностической категории

Прежде чем слишком поспешно обвинять семьи и послевоенное общество в общей бесчувственности, следует вспомнить, что идея о том, что изнасилование может вызвать тяжелую психологическую травму, еще не была принята. Концепция посттравматического стресса стала официальной диагностической категорией в психиатрии только в 1980 году. До этого времени не верилось, что психика может быть патологически нарушена в результате неудачного опыта. Не в последнюю очередь потому, что послевоенное общество не хотело назначать пенсии за душевные страдания, связанные с войной, в Германии "невроты" репатриантов также приписывались личности человека, а не самому пережитому.^{[12](#)} Предполагалось, что человек, страдающий от последствий травмы, должен был иметь уже существующее психическое заболевание.^{[13](#)} Как мы видели, это относилось и к жертвам изнасилования на войне. Поскольку у них не было физических повреждений, они не надеялись на пенсию по военной инвалидности или компенсацию за боль и страдания, если у них не было психического заболевания.

Экспертное заключение психиатрического отделения в Райхенау в 1957 году иллюстрирует неопределенность в отношении проблемы жертв изнасилования. Г. Ф.^{[14](#)} из района Брайсгау/Хохшварцвальд, работавшая прачкой в привокзальной гостинице в Иммендингене, была жестоко изнасилована четыре раза французскими солдатами 8 декабря 1950 года. Ее били головой об пол машины французской скорой помощи до потери сознания, зажимали рот, душили, избивали и, наконец, через полчаса выбросили на улицу. Случайно мимо

проходил врач, который сообщил в полицию (немецкую), чтобы она сделала заявление. В то время Г. Ф. было пятьдесят два года.

Она была помещена в психиатрическое отделение не потому, что ей был поставлен диагноз "травма", а потому, что, как говорили, она странно вела себя в больнице в Мёрингене, куда ее первоначально привезли. В медицинском заключении от 16 декабря 1950 года говорится, что она страдала от сильного сотрясения мозга с рвотой и замедленным пульсом, разрыва связок и боли в суставах, а также сильных синяков, ушибов и порезов: "Эмоционально пациентка полностью истощена и говорит, что думала, что ее убьют". Это восприятие смертельной опасности, как мы лучше знаем сегодня, вероятно, и стало причиной продолжительного психического стресса.

Врачи в то время решили поместить ее в психиатрическое отделение, потому что Г. Ф. представляла опасность для себя и окружающих. Она вела себя "неуправляемо", разрушала предметы и отказывалась от еды, боясь отравиться. Однако после консультации с психиатрическим отделением больницы общего профиля пришлось признать, что медсестра, лечившая ее, была не очень дружелюбна и что пациентка на самом деле ничего не разрушала. Г. Ф. была выписана в январе 1951 года.

Семь лет спустя психиатрическое отделение в Райхенау отметило, что ее состояние после пережитого ужаса не улучшилось. По словам соседей, она по-прежнему звала по ночам на помощь и мысленно переживала случившееся - типичный симптом посттравматического синдрома. Она не восстановила свой "внутренний мир". Ей присудили 6 230

марок за потерю заработка и расходы на лечение на основании компенсации за "ущерб профессии".¹⁵

Историк Свенья Гольтерманн исследовала, в какой степени доступные в то время диагностические инструменты влияли на врачей и психиатров и как общество оценивало опыт насилия, пережитый репатриантами. Эти выводы применимы и к жертвам изнасилования. Вопрос о том, повлияло ли современное состояние психиатрических знаний на восприятие самих жертв, как утверждает Гольтерманн, открыт для обсуждения. Вопрос в том, не означает ли невозможность выразить физический опыт на техническом языке с помощью таких терминов, как травма и посттравматические расстройства, что жертвы переживали событие по-другому. Против этой конструктивистской точки зрения говорит тот факт, что опыт насилия создал долгосрочные физические и психологические структуры, которые не могут быть сформулированы словами, но все же поднимаются на поверхность даже спустя десятилетия и выражаются в виде симптомов. В любом случае, Гольтерманн права в своем выводе о том, что существовавшее в то время убеждение, что внешние события не могут быть причиной психического заболевания, не позволяло обществу проявить сочувствие.¹⁶

МИФ О ЖЕНСКОЙ НЕУЯЗВИМОСТИ

Не только родственники и врачи разделяли общее непонимание жертв массовых изнасилований. Учитывая то, что мы знаем сегодня - что, вероятно, сотни тысяч жертв изнасилований, связанных с войной, страдали от долгосрочных психологических последствий - трудно понять, как непринужденно и как настойчиво послевоенное общество

говорило о последствиях массовых изнасилований. Существует мощный тезис того времени, актуальный и сегодня, относительно индивидуальных реакций на злодеяние, гласящий, что пережитое не нанесло жертвам особого долговременного ущерба. Большинство женщин не только не оказали сопротивления и не бросили себя на произвол судьбы, но и "удивительно быстро" смирились с пережитым насилием. В качестве причины называется то, что они смогли интерпретировать свою индивидуальную судьбу как общий опыт, как "коллективную судьбу".¹⁷ Даже известные феминистские ученые сегодня продолжают утверждать, что нацистская идеология, чувство общности и огромное презрение к якобы неполноценным народам, таким как Советский Союз, давали возможность сопротивляться травме.

¹⁸

Это явно противоречит недавно изученным мною источникам, в которых почти нет упоминаний о покорности или чудесной коллективной стойкости жертв. Верно, что женщины не были не готовы к этому событию, которое было широко предсказано нацистской пропагандой, особенно в отношении Советов и черных колониальных солдат. Также, вероятно, верно, что многие женщины смирились со своей участью, потому что у них не было другого выбора. Но есть также многочисленные сообщения о том, что женщины оказывали решительное сопротивление, несмотря на вооруженное превосходство солдат. Мы должны помнить, что записи об изнасилованиях отражают то, как подобные акты насилия описывались и интерпретировались в то время, и что репортеры находились под влиянием гендерных стереотипов мужчины-завоевателя и

пассивной женщины-добычи. Это может помочь объяснить, почему почти нет упоминаний о том, что мальчиков и мужчин также насиловали, возможно, при участии женщин-солдат.^{[19](#)}

Еще менее правдоподобным мне кажется мнение, что жертвы изнасилования справились с тем, что произошло, потому что они воспринимали свои страдания как коллективную судьбу женщин. Самым известным сторонником этого тезиса был послевоенный журналист. Эрих Куби был одним из первых немцев, написавших о доверии к очевидцам в серии статей в *Der Spiegel* и в монографии о массовых изнасилованиях. Его порой грубые взгляды и сегодня влияют на дискуссии.^{[20](#)}

В то время Куби сосредоточился только на Берлине и Советской Армии, где женщины, осознав опасность нападения, проявили невероятную изобретательность в своих оборонительных мерах и уловках, чтобы избежать надвигающейся катастрофы. Они гримировались под стариков, маскировались и уродовали себя, притворялись больными или носили чужих детей в качестве щита. Другие вели себя бесстрашно или особенно непримиримо, ища сильного защитника, чтобы отгородиться от других потенциальных насильников. По мнению Куби, эти женщины даже проявляли нечто вроде понимания солдат и офицеров, которые считали, что в фашистской Германии у них есть свобода действий.^{[21](#)} Советские солдаты были опьянены победой и опытом западной цивилизации и, естественно, жаждали секса после всех безрадостных лет на фронте. В изображении Куби немецкие жертвы изнасилования стали понимающими матерями, которые потом не могли подавить "тихую, очень женственную улыбку" по поводу буйных, но всегда сильных

солдат - "Эти дикие мальчишки не произвели на них такого впечатления"²².

Когда все закончилось, утверждает Куби, жертвы молчали об этом, рассматривая свой опыт насилия как "коллективную судьбу" и справляясь с ним в некоторых случаях "удивительно быстро". Они привыкли говорить в обычной манере, рассказывая "не о себе, а о подвале, доме, многоквартирном доме, больнице, властях или любом другом сообществе, в котором рассказчик чувствовал себя комфортно". Благополучие сообщества было важнее индивидуального опыта. Для мужчин все было совершенно иначе. Они говорили об этом так, как будто ужасные вещи произошли с ними.

Однако при внимательном изучении текстов Куби быстро выясняется, что его интересовали не жертвы изнасилования, а немцы, точнее, немецкие мужчины, которые в конце войны образовали группу "пассивно терпеливых и страдающих" людей.²³ Изнасилованные женщины служили контрастом; они были жизненно важным полом, дающим надежду на будущее, отличающимся в риторике автора от якобы слабой и ослабленной мужской нации.

Образ слабого мужчины характерен для послевоенного периода, часто встречается и в годы после 1945 года. Согласно этой теории, поражение в войне положило конец периоду "мужской гегемонии", поскольку мужчины явно не справились с ролью защитников семьи, дома и очага.²⁴ Волна изнасилований усугубила это ощущение, лишив мужчин последнего остатка их легитимности.²⁵ До этого времени мужественность была связана с честью и, следовательно, со способностью защитить женщину. Огромный рост числа

разводов, женщины с якобы распущенной сексуальной моралью и вид мужчин, получивших физические повреждения на войне, еще больше подрывали имидж мужчины в обществе. Разница между упитанными солдатами оккупационных войск и несчастными возвращенцами с войны воспринималась как удручающая и унижительная. Новый образ мужчины в обществе еще не был найден и постепенно сформировался только в 1950-е годы в виде отца и семейного патриарха.²⁶

Все это в определенной степени правда, но была ли слабость мужчин также силой женщин? Вот несколько примеров свидетельств очевидцев, собранных в Heimatmuseum Charlottenburg.

Е. А. воспринимала отношения с мужем как совместное страдание:

Я думаю, мы все были в шоке и были счастливы, что все позади и нам больше не угрожает опасность. Я никогда не воспринимала это как сексуальный акт - я ничего об этом не знала; я воспринимала это просто как нападение и то, что мне удалось спастись живой. Я встретила своего мужа позже, в начале 1950-х годов. Он тоже был солдатом и пережил ужасное время в плену, и я рассказала ему - но только ему - о своем прошлом, и он был очень нежен.

С. С. также говорила о своем изнасиловании в основном с мужем и членами своей семьи, не в последнюю очередь потому, что в то время не было экспертов, таких как психиатры или психотерапевты, которым она могла бы рассказать о своих переживаниях.

Сначала Г. К. попыталась поговорить с отцом о том, что с ней произошло: "Я все ему рассказала. Он был очень смущен и беспомощен и не знал, что делать или говорить. Мне было очень жаль его. Никто из нас не мог найти нужных слов. Я до сих пор жалею, что так мучила его". Затем она обратилась к своему учителю, которым восхищалась в детстве: "Я нашла его в его неотопливаемой квартире, лежащим в постели в пальто, шарфе и шапке. Я рассказала ему, что произошло. Он погладил меня по голове и сказал, что я должна попытаться поверить, что все это произошло не со мной, а с кем-то другим. Мне стало немного легче, но я не могла представить, что это случилось не со мной". В конце концов она нашла дружеский отклик в лице супружеской пары: "Они знали меня с детства. Я тоже рассказала им, но на этот раз все было совершенно по-другому. Некоторые вещи показались им настолько нелепыми, что они начали смеяться. Мы не могли остановиться, и я продолжал придумывать другие смешные моменты, пока не обессилел от смеха. Так мне удалось это пережить".²⁷

Естественно, изнасилование жен стало проблемой и для мужей, одним из многих разочарований воссоединившихся после войны пар. У обоих партнеров были амбициозные ожидания, которые практически невозможно было оправдать. Женщины больше не хотели без лишних слов возвращаться к роли домохозяек, а мужчины не могли снова взять на себя роль кормильцев. За годы самостоятельной жизни женщины стали более независимыми, но при этом устали, были перегружены и нуждались в ласке, в то время как мужчины часто были лишь тенью своего прежнего "я". Их истощенный и изможденный внешний вид не соответствовал фантазиям, которые мужчины

годами лелеяли о своих женах. Годы разлуки также разрушили интимные отношения между супругами.²⁸ Мужчины не были уверены в верности своих жен, а женщины имели все основания полагать, что их мужья также подвергали женщин насилию во время войны.

Интервью с очевидцами свидетельствуют о существовании непреодолимых конфликтов на почве изнасилований. Некоторые из наших собеседников не могли смириться с этим и оставались сексуально фригидными в течение многих лет. Некоторые мужчины даже требовали развода", - рассказывают Сибилле Майер и Ева Шульце.²⁹ Новости о сексуальном соперничестве обрушились на мужчин в то время, когда они в любом случае чувствовали себя особенно уязвимыми после поражения в войне. К этому добавилось отсутствие привычных ориентиров, таких как общество, семья и работа. Мужчины утратили свои политические идеалы, значительную часть своей власти над женами и детьми, их здоровье было подорвано, некоторые из них нуждались в уходе и зависели от своих жен. Женщины, с другой стороны, имели лучший контакт с детьми, чем их мужья, и переживали их возвращение как нарушение этих отношений и дополнительную обязанность. Наблюдалась амбивалентность между зависимостью мужчин от силы женщин и необходимостью адаптироваться к этой ситуации и осознанием женщинами собственной силы и разочарованием по поводу отсутствия помощи со стороны мужей, но также необходимостью действовать прагматично."³⁰

Гизела Кох, родившаяся в 1920 году и вышедшая замуж в 1939 году за Филиппа Коха, пережила возвращение мужа в 1946 году как полное отчуждение.

Мы почти не виделись шесть лет. Когда он вернулся, мы, конечно, сначала пытались согреться друг другом. Я рассказала ему обо всем, что со мной произошло, пока его не было, в том числе о том, что меня несколько раз изнасиловали в Померании в конце войны. Мне было очень трудно снова говорить об этом, но я подумала, что он должен знать. Я спросила его, хочет ли он по-прежнему жить со мной. Он был так потрясен тем, что я ему рассказала, что попросил дать ему время подумать. Он не знал, как ему принять решение.^{[31](#)}

Только после того, как мужчины вернулись к работе и смогли сосредоточиться на карьере и роли кормильца, отношения "нормализовались", по крайней мере, до степени принятия с большим или меньшим энтузиазмом ограничений патриархального брака с одним кормильцем.

Тем не менее, я не разделяю мнения, что с возвращением военнопленных и "ремаскулинизацией" немецкого общества тема изнасилования перешла в руки мужчин, а воспоминания о содеянном были заменены метафорой изнасилованной нации, подразумевающей, что крах следует понимать как нападение на западную цивилизацию жестокой советской или азиатской культуры.^{[32](#)} Таким образом, немецкое мужское общество предписывало женщинам молчать о личном опыте изнасилования или предлагало им стилизовать себя под беспомощные жертвы вражеских солдат и подчеркнуть свою уязвимость.^{[33](#)}

Верно, что при нацистах женщинам отводилась роль воспроизводителей и товарищей, а мужчинам - роль суровых бойцов. Это затруднило примирение двух сторон после войны. Если мужчины все же вынесли тему изнасилований на войну на

всеобщее обозрение и поддерживали женщин в их попытках получить компенсацию, то, возможно, это было сделано не столько из сочувствия, сколько из двойного расчета. С одной стороны, они хотели восстановить честь своих женщин (прежде всего, чтобы отличить их от аморальных "Вероник Данкешонс"); с другой стороны, их, безусловно, привлекала перспектива выплаты алиментов и компенсации за боль и страдания. Возможно, сыграла свою роль и возможность моральной компенсации собственных военных преступлений. История о жестоких изнасилованиях немецких женщин солдатами союзников была идеальным противовесом преступлениям вермахта. Однако больше всего мужчины были заинтересованы в восстановлении своего прежнего положения *pater familias*.

Женщина как безмолвный страдалец

Куби, чьи привязанные ко времени высказывания рассматриваются здесь так подробно, потому что они и сегодня влияют на исследования этой темы и влияют на популярный взгляд на эти события, описывает женщин того времени, используя христианскую идею о женщинах как молчаливых страдальцах и идеал самопожертвования, который был неизменным компонентом образа женственности в 1950-х и 1960-х годах. Именно этот образ породил миф о *Trümmerfrauen* ("женщинах-обломках"), тех удивительно многострадальных и крепких женщинах, которые сразу после войны приступили к работе и начали разгребать последствия - в буквальном и метафорическом смысле.

Женщины Куби в послевоенный период помогали в восстановлении и были важны как потребители для

Wirtschaftswunder ("экономического чуда"), но их главной ролью была роль матери в семье, которую так сильно потрепала война. Если она и появлялась в детских яслях, на кухне или в церкви, то только как "духовная мать", использующая свои женские навыки заботы.³⁴ Идеальной женщиной во времена Куби была та, которая вела домашнее хозяйство, воспитывала детей и способствовала социальному прогрессу семьи, терпеливо и спокойно стоя рядом с работающим мужем, не привлекая к себе внимания.

Эти социальные нормы были не просто фантазией, а нормами, которые предлагали женщинам возможность идентифицировать себя с ними. Поэтому неудивительно, что и женщины порой вели себя подобным образом. Таким образом, миф о товарище и *труммерфрау*, которая храбро молчит о своих страданиях, плавно встал на свое место. Он влиял на коллективное отношение к травме изнасилования и в то же время мешал отдельным женщинам справиться с ней.³⁵

Изнасилование как коллективный опыт?

По мнению историка Регины Мюльхойзер, изнасилования не обязательно вызывали чувство стыда. Они также могли рассматриваться как подтверждение культурного превосходства немцев по сравнению со "среднеазиатскими грубиянами" и, возможно, даже как оправдание преступлений, совершенных немцами против своих врагов.³⁶ Они также могли релятивизировать другие и гораздо более страшные вещи, пережитые женщинами в то время. Например, изнасилование считалось менее значимым, чем потеря ребенка.

Такая позиция вполне мыслима, и мы действительно можем найти подтверждение в источниках - как и почти для всего, что мы хотим утверждать. Однако я скептически отношусь к этому тезису. Во-первых, в источниках есть множество доказательств обратного, прежде всего в других регионах, помимо Берлина. Идея коллективного опыта могла быть полезной для женщин, которые таким образом смогли найти способ повествования в общенациональной дискуссии о высылке с восточных территорий и ее восприятии как преступления, но для многих других это объяснение было неприменимо. Учитывая различные обстоятельства и места, где происходили массовые изнасилования в Германии, мне кажется более вероятным, что факт изнасилования в берлинском подвале, на отдаленной ферме во время бегства или в горной хижине в Верхней Баварии по-разному повлиял на жертв - не говоря уже о других факторах, таких как личный характер жертвы, отношение к сексуальности, политическое самосознание и ценности, а также реакция окружающих.

Например, пример Габи Кёпп, описанный ранее, никак не подтверждает предполагаемую коллективную стойкость жертв изнасилования. Идея сообщества жертв в ее случае совершенно не применима; напротив, ей пришлось столкнуться с изоляцией в группе людей, которые делали все, чтобы спасти свои шкуры, и ничего, чтобы помочь друг другу. Многие женщины, кроме Габи Кёпп, пережили свое изнасилование как ситуацию клаустрофобии и неволи, будучи преданными другими женщинами, в страхе за свою жизнь и непонятыми окружающими. Это не очень хорошая основа для того, чтобы "справиться" с тем, что произошло. Как показывают

современные исследования травмы, тезис о том, что переживания ужаса уравнивают друг друга, также весьма шаток. Напротив, сегодня считается, что более вероятна кумулятивная травма.

Очевидно, что недостаточно искать отдельные примеры, чтобы поддержать или опровергнуть тезис о коллективной неуязвимости изнасилованных женщин. Проблема заключается в самом исходном материале. Существует автобиографическая литература, в которой действительно лаконично упоминается этот опыт: "Я шла за сахаром к Г., когда появились двое мужчин и затащили меня в подъезд. Ложись, юбку подними! Это было неприятно, но этого следовало ожидать".³⁷ Но эти тексты следует читать между строк как описания, которые также говорят об обратном.

На дальнейшую жизнь жертвы и вопрос равновесия также могла повлиять тяжесть последствий изнасилования. Одним из особенно впечатляющих примеров того, как ужасный опыт обретает смысл, является случай Евы Эбнер, процитированный в начале этой главы. Актриса и ассистент режиссера родилась в Данциге в 1922 году. После группового изнасилования у нее была возможность добиться того, чтобы ее обидчики понесли суровое наказание. Военный начальник организовал опознание, и она поняла, что в ее власти приговорить виновных к смерти: "Я смотрела от одного к другому, узнала их всех, включая маленького толстяка, который был особенно злым. Я посмотрела им всем в глаза, и в их глазах я увидела только одно: страх. Я сказала себе: "Не стоит того, чтобы из-за тебя и из-за позора, который они на тебя навлекли, погибла хоть одна жизнь. Ева, ты переживешь это. Возьми себя в руки.

Забудь о мести". Я снова посмотрела на них и сказала офицеру: "Это был не один из них..."³⁸

Мы не знаем, была ли Ева Эбнер особенно стойкой, но, во всяком случае, ее последующая интерпретация своего поступка как доброго дела, предотвратившего дальнейшую несправедливость, несомненно, помогла ей. Действительно, были женщины, которые решили не относиться к этому вопросу так серьезно. Помимо личного оправдания, веских причин для молчания, возможности идентифицировать себя с принятым образом женственности и неспособности говорить о своих внутренних переживаниях, вероятно, были и такие жертвы, которых события не тронули. Но эти женщины были исключением.

Не помогло и то, что изнасилованные женщины занимали довольно низкое место в иерархии жертв. Прежде всего, героический мужчина-жертва считался более важным, чем страдающая женщина-жертва, как отметил Франк Бисс.³⁹ Кроме того, гендерный порядок, который делал идеалом брак товарищей, общество, которое ценило безразличие к боли и подавление чувства привязанности, и моральная культура, которая придавала большее значение опасющейся аморальности женщин, чем разрушению цивилизации нацистами, уменьшали возможности жертв изнасилования говорить о том, что с ними произошло.

Конечно, мы должны удержаться от соблазна нарисовать анахроничную картину послевоенного мира. Только массовые изнасилования во время войны в Югославии повысили нашу осведомленность о сексуальном насилии, связанном с войной. И до сих пор существует большое несоответствие между

усовершенствованной международной правовой базой и конкретными возможностями жертвы добиться признания своих прав. Моника Хаузер из гуманитарной организации *medica mondiale*, которая оказывает поддержку жертвам сексуального насилия, связанного с войной, по всему миру, жалуется, что сексуальное насилие все еще редко рассматривается как военное преступление. Вместо этого изнасилование рассматривается как побочный ущерб, а инциденты замалчиваются, что приводит к постстрессовой травме, которая распространяется на будущие поколения.^{[40](#)}

АНОНИМНОСТЬ И ЦЕНЗУРА ПАМЯТИ

Самым известным личным свидетельством массовых изнасилований в конце Второй мировой войны является дневник "Анонима" под названием *"Женщина в Берлине"*. История этой книги дает хорошее представление о том, как относились к изнасилованиям, связанным с войной, в конце 1950-х годов. Дневник был опубликован в середине 1950-х годов на семи языках с большим успехом, но немецкое издание в 1959 году не привлекло особого внимания. Затем он почти на полвека исчез из продажи, пока не был переиздан в 2003 году. На этот раз она в течение восьми недель оставалась на вершине списка бестселлеров журнала *Spiegel* - и снова встретила сопротивление. Что же так расстроило людей в этой книге? Было ли это связано с самим произведением?

После того, как немецкая версия была опубликована впервые, предполагаемая аморальность берлинского автора, пожелавшего остаться неизвестным, была использована против нее в конце 1950-х и начале 1960-х годов. Ее обвиняли в "сомнительной капитализации" национальной катастрофы,

включая массовые изнасилования. *Der Spiegel* выступил в ее защиту, написав, что текст был очень душевным и описывал события, фигуры и чувства "русской эпохи с пониманием и чувством реальности". Ужас, оцепенение, наступившее после стольких изнасилований, и пораженческий "юмор изнасилования" были типичны для тех дней в Берлине, считает журнал. Дневник, возможно, не является литературой, но его не следует отвергать как дешевую сенсацию.^{[41](#)} *Telegraf*, берлинская газета, покровительственно похвалила берлинскую женщину за то, что она "без истерики" рассказала о коллективной судьбе немецких женщин.^{[42](#)}

Однако большинство откликов были негативными. Газета *Tagesspiegel* была типичной: только высокие показатели продаж за рубежом (294 000 экземпляров в США, 210 000 в Великобритании, 120 000 в Нидерландах, 30 000 в Швеции, 7 000 в Норвегии, 5 000 в Дании и 4 500 в Италии) заставили рецензента подробно изучить книгу. Ее раздражало откровенное описание того, что было всего лишь "эпизодами". То, как подруги обсуждали эту тему, было настолько отталкивающим для нее, что она не смогла подкрепить свое суждение цитатами из книги. Таким образом, читателям *Tagesspiegel* пришлось довольствоваться сообщением о том, что эта книга является сальной и порочит всех женщин, оказавшихся в подобной ситуации.^{[43](#)}

Таким образом, не сама тема была проблемой, когда книга была впервые опубликована. Это также не было нарушением табу, поскольку об этом уже писали крупные газеты, и существовал большой проект документации о бегстве и высылке, в котором содержались сотни сообщений об

изнасилованиях. Правда, документация была написана мужчинами, имевшими научную лицензию на "разоблачение" страданий женщин и пролитие света на них в интересах немецкого вопроса и конфликта между Востоком и Западом. В 1950-е годы не существовало тайны о том, что происходило, как это часто утверждается, но были определенные правила о том, кто должен помнить, что и как. То, как "Аноним" описал эти дни в Берлине, очевидно, нарушило эти правила.

Другие жертвы также обнаружили, что рассказ об изнасилованиях в 1950-е годы ставил их в двусмысленное положение. Их обвиняли в том, что они слишком быстро сблизилась с советскими людьми, или в том, что это было в их характере. Они считали невозможным говорить о своем эмоциональном состоянии. У Е. А. был такой опыт: "Люди думали, что я, вероятно, не совсем безупречна, поэтому лучше было ничего не говорить. Это имело такой негативный образ, что люди держали это в себе". К. С. также испытала в основном негативную реакцию:

Они оглядывали меня с ног до головы, показывали на меня пальцем. Или я даже слышала, как люди говорили: "У нее русское отродье", или что-то в этом роде. Меня это задевало, но я думала, что не буду показывать, что я расстроена, просто проигнорирую это. Нужно иметь толстую кожу. А когда я начал показывать, я с гордостью пересекал двор. Мы жили в задней части длинного здания. Люди могли видеть меня из окна, и иногда я слышала грязные замечания: "Ты и твое русское отродье", и я поднимала платье и говорила им, чтобы они поцеловали меня в задницу. Это было мое русское отродье, а не их. Как вы думаете, отличались ли женщины, которые были с американцами или англичанами? Все было точно так же. Не говоря уже о тех, кто был с африканцами, а потом появился маленький полукровка. Вы можете себе представить, каково это было. Были и те, кому было все равно, но в основном люди не смотрели вам в глаза.⁴⁴

Поэтому даже в Берлине, где жило так много жертв, они не могли публично демонстрировать свои душевные травмы. Общество ожидало от них, что они загрызут пулю, и женщины, вероятно, тоже ожидали, что именно так им следует поступить. Книга "Анонима" идет вразрез с потребностями общества того времени, которое стремилось смотреть в будущее, а не в прошлое.

Снова под подозрением

После почти пятидесятилетней спячки "*Женщина в Берлине*" была переиздана на немецком языке в 2003 году и, согласно Википедии, стала бестселлером сезона.⁴⁵ Книга была "уникальной" и "заслуживала самого пристального внимания", писала *Frankfurter Allgemeine Zeitung*.⁴⁶ Но, опять же, были и

серьезные оговорки. В частности, Йенс Биски, написавший для *Süddeutsche Zeitung*, назвал книгу "никчемной". По его словам, она была небрежно отредактирована и, возможно, даже не написана самой "Анонимкой".⁴⁷ Однако вопрос о подлинности был лишь предлогом. Под сомнение было поставлено не доверие к источнику, а скорее к автору и, следовательно, к историческим событиям.

Дневник "Анонима" предлагает личный взгляд с почти бесстрастной самоуверенностью. Как мы теперь знаем, автор была "раскрыта" против своей воли и оказалась журналисткой в возрасте около тридцати лет, хорошо путешествовавшей и знакомой с разными языками и культурами, включая советскую. Она вела независимую жизнь, отвернулась от традиционной церкви, изучала искусство и историю в Сорбонне и работала внештатным журналистом - все, что угодно, только не обычная жизнь женщины ее поколения. "Анонимка" (так как автор пожелала остаться неизвестной, мы сохраним это имя здесь) осознавала, что принадлежит к элите. Она хотела дистанцироваться от "стадного инстинкта, механизма сохранения вида", и именно поэтому она ненавидела спускаться в бомбоубежище.⁴⁸ Ее жизненные силы поднимались при каждой угрозе ее жизни, и она горела еще яростнее, чем до воздушных налетов, потому что осознавала, что переживает историю из первых рук: "Каждый новый день жизни - это день триумфа. Вы снова выжили. Ты непокорен".⁴⁹

Но даже ей не удалось избежать насильников. После первых двух нападений она пошла к коменданту и пожаловалась. Затем она очень точно описывает, как пыталась отрешиться от пережитого: "Мое истинное "я" просто оставляло мое тело

позади, мое бедное, запятнанное, оскорбленное тело. Отделяюсь и улетаю, неиспорченная, в белый потусторонний мир. Не может быть, чтобы это происходило со мной".⁵⁰ Таким образом она, похоже, релятивизировала изнасилование: "Это звучит как абсолютное худшее, конец всему - но это не так". В следующий раз она закрывала глаза и сжимала зубы. И только когда один из насильников уронил ей в рот каплю слюны, она с отвращением опустила на землю.⁵¹ Именно тогда она решила: "Я должна найти волка-одиночку, чтобы отбить стаю. Офицера, как можно более высокого ранга, коменданта, генерала - все, что я смогу. В конце концов, для чего мне мои мозги, мое слабое знание языка врага?". Теперь она чувствовала себя лучше, потому что что-то делала и планировала, и больше не была безмолвной добычей, а приручила одного из волков, "самого сильного в стае".⁵²

Ее образ русских окрашен современными стереотипами: красноармейцы были либо круглоголовыми крестьянами, детскими, нелюдимыми, любившими шнапс, иногда также добродушными и легко поддающимися манипуляциям, либо высокообразованными, музыкальными, меланхоличными аристократами. Образ, сложившийся у "Анонима", - это образ антибуржуазной женщины 1920-х годов, который культивировался в нацистскую эпоху и сохранился в 1950-е годы. Она была разумной, прагматичной, оппортунистической, озабоченной только самым важным, жизненно важным и всегда стремилась управлять своей жизнью - в духе "что меня не убивает, то делает меня сильнее".⁵³ Пройдя через разные руки, "Анонимка" в конце концов попадает к майору, который кормит и защищает ее и сравнительно дружелюбен, потому что

его интересует не только секс, но и женский разговор. Она спрашивает себя (и читателя), должна ли она чувствовать себя проституткой, но отбрасывает свои угрызения, утверждая, что это вопрос выживания. В какой-то момент она даже видит себя эмансипированной женщиной: "Немецкий мужчина всегда хочет быть умнее, всегда хочет быть в состоянии научить свою маленькую женщину. Но это то, о чем советские мужчины не знают - идея маленькой женщины, которая занимается своим уютным домом"⁵⁴.

Правда, даже сегодня это амбивалентная книга с ее стереотипными русскими, непоколебимой национальной гордостью и претензией на превосходство, дарвиновским мировоззрением, деревенским женским идеалом. Неудивительно, что она была непопулярна в 1950-е годы, когда люди искали спасения в буржуазной довоенной идее семьи. К этому добавилось откровенное обсуждение секса. Аноним" говорил об ограниченном сексуальном опыте красноармейцев ("когда дело доходит до эротических вопросов, они все еще с Адамом и Евой"),⁵⁵, а также о своей собственной сексуальности, о том, как она была раньше, как она стала фригидной из-за всех этих принудительных половых актов, как она также развила теплые чувства к своему "русскому" и была опечалена, когда ее защитника отправили обратно в Советский Союз.

Фильм *"Женщина в Берлине"* проходит через все оттенки серого: от жесточайшего сексуального насилия до секса по расчету в качестве одолжения, проституции и секса по обоюдному согласию; в нем речь идет о венерических заболеваниях и абортах и, в конечном счете, об уязвленной

гордости вернувшихся мужчин, которые не позволяют женской судьбе коснуться их: 'Вы все превратились в кучку бесстыжих сучек, все до одной в этом здании. Неужели вы этого не понимаете?' - спрашивает Герд, морально превосходящий солдат, вернувшийся с фронта, у "аморальных" берлинских выживших.^{[56](#)} Это то, что "Аноним" и другие жертвы изнасилования могли ожидать в качестве отношения к своему опыту в 1950-х годах: депрессивный климат, в котором женщина молча страдает ради своей семьи и брака.

А как же упрек в том, что дневник является сомнительным историческим источником, как утверждает Йенс Биски в своей рецензии на книгу? "Анонимка" сначала делала записи о событиях между 20 апреля и 22 июня 1945 года в школьных тетрадях. После войны она напечатала их и отдала своему другу, популярному писателю К. У. Кераму, который организовал их публикацию. За первым изданием на английском языке в 1954 году последовали дальнейшие переводы, пока, наконец, в 1959 году небольшое женевское издательство не опубликовало книгу на немецком языке.

Йенс Биски пожаловался, что различные этапы работы над текстом переиздания, которое было опубликовано в 2003 году в рамках "Andere Bibliothek" Ханса Магнуса Энценбергера, не были достаточно прозрачными, и именно по этой причине книга "ничего не стоит как исторический документ" и свидетельствует лишь об усилиях издателя, истинным мотивом которого было представить искаженную картину коммунистов. По его словам, "*Женщина в Берлине*" не является историческим документом, и вполне возможно, что автора даже не существует.^{[57](#)}

Когда Биски с детективным рвением проследил за своими подозрениями, он обнаружил журналистку, родившуюся в 1911 году в Билефельде. Сначала она флиртовала с коммунизмом, затем стала членом молодежной секции Национал-социалистической женской лиги и работала "как мелкий пропагандист Третьего рейха", написав о прядильной вискозе, военно-морском флоте и рейхском автобане. Биски рассуждает о ее отношении к нацизму: "Как и большинство людей, она находила недостатки то тут, то там, но приветствовала активизм, современность и чувство принадлежности".⁵⁸

Биски отказался принять дневник в качестве исторического источника и рассматривал его скорее как литературное произведение нон-фикшн, в котором невозможно понять, что было написано автором, а что другими. Вполне возможно, говорит он, что именно Керам превратил рукопись в книгу. Объективная оценка была невозможна, что также означало, что то, что автор писала о своем опыте массового изнасилования в Берлине, вполне могло быть полностью вымышленным.

Биски прав, исследуя текст и задаваясь вопросом о том, как он был написан, но его неявное предположение о том, что исторически достоверный дневник может быть вне подозрений как исторический источник, нелогично. Дневники всегда подвергаются целому ряду процессов редактирования и публикации и никогда не являются истинным отражением исторической реальности.⁵⁹

Известные дневники о массовых изнасилованиях в Берлине, которые неоднократно использовались в качестве основы для исторической реконструкции событий, например, книга "Анонима", а также книга Маргрет Бовери "*Tage des Überlebens*",

были несколько раз пересмотрены и адаптированы для публикации. Даже если дневники или воспоминания не обязательно были написаны от имени ассоциации изгнанников или других заинтересованных групп, для их публикации было много других причин, выходящих за рамки прямого повествования и направленных на попытку справиться с тем, что произошло. Дневники и подобные записные книжки служили для управления кризисом и, по сути, являются кризисным жанром как таковым. Они обращены к вынужденному молчанию и предлагают возможность противостоять потрясениям, нанесенным личной идентичности. Они всегда направлены, по крайней мере, на одного человека - в случае изнасилованных женщин часто на их собственных мужей, - перед которым писательница открывается. Сочинение включает в себя самооправдание, размышления о будущем, а также адаптацию пережитого к социально принятым стандартам. Типичные мотивы включают возведение индивидуального свидетельства в ранг события "всемирно-исторического значения" или продвижение идеи о личной "жертве ради Германии".⁶⁰

Стратегия повествования во многих рассказах о завоевании Берлина очень структурирована и явно написана для внешней аудитории. Переживания личного насилия и бессилия призваны проиллюстрировать то, что произошло с немцами в целом - а именно унижительное поражение от презируемого врага. Чувства авторов трудно отличить от предположений о том, как общество ожидает такого повествования. Короче говоря, подобные дневники нельзя читать только как источники вспоминаемых фактов. Это скорее документы о том,

как изнасилованные женщины хотели, чтобы их самих и то, что они пережили, воспринимали другие.

При всех ограничениях автобиографических свидетельств (и других источников, если на то пошло), в случае с "Анонимом" примечательно, что через пятьдесят лет после массового изнасилования союзными войсками доверие к очевидцу может быть поставлено под сомнение на основании незначительных филологических проблем, которые он поднимает. Даже в 2003 году все еще казалось провокационным, что женщины не только воспринимали вступление Красной армии в Берлин как волнующую "весну освобождения" (Биски), но и были, по крайней мере, амбивалентны, если не предвзяты в своих политических суждениях и не определились в своих чувствах и потребностях. Вынужденное раскрытие ее личности, исследование ее политического прошлого и мужчин, окружавших ее, показывают, что политические последствия изнасилования в конце войны остаются весьма чувствительным вопросом и сегодня. Для связности нашего собственного мировоззрения прискорбно, что сомнения должны быть брошены на репутацию автора и издателей - испытанный и проверенный метод устранения нежелательной правды.

ОБЯЗАННОСТИ ЛОЯЛЬНОСТИ

Помимо психических и психо-исторических условий послевоенной эпохи, на политическом уровне именно властные конstellляции после 1945 года долгое время стояли на пути постепенного осознания массового изнасилования. В конце концов, армии преступников были также армиями освободителей и новых союзников. В советской

оккупированной зоне, а затем и в Восточной Германии, поведение Красной Армии, продвигавшейся к Германии, рано оправдывалось ссылками на "изначальную вину" немцев.^{[61](#)} Освобождение немецкого народа от фашизма Советами было в Восточной Германии аксиоматической истиной и пресекало любые жалобы на массовые изнасилования в зародыше. Некоторые, как пишет Конрад Ярауш, также искренне верили, что коммунисты обеспечили наиболее эффективный разрыв с нацистским прошлым, что было достаточной причиной, чтобы не замечать ошибок этой оккупационной власти.^{[62](#)}

Миф об освобождении повлиял на то, как люди относились друг к другу; советские и восточные немцы объясняли свои жертвы тем, что это была цена за победу над фашизмом, и из этого вытекало чувство сплоченности и лояльности друг к другу. В поздравительной телеграмме по случаю основания Восточной Германии в 1949 году Сталин заявил, что оба народа принесли огромные жертвы в войне и продемонстрировали величайший потенциал "для совершения великих деяний мирового значения", что делает их победителями истории.^{[63](#)} Народу Восточной Германии едва ли удалось избавиться от мысли о глобальном значении победы Красной армии: она стала частью их повседневной жизни, укоренилась в ритуалах, не только 8 мая, но и в памятниках, школьных учебниках и политическом образовании. Монументальная статуя красноармейца с ребенком на руках в Трептов-парке буквально затмевает менее героический личный опыт общения людей с советскими солдатами. Поэтому не было никаких шансов, что идея "старшего брата" будет пересмотрена в Восточной Германии.

В советской оккупационной зоне и в Восточной Германии не было даже цинизма, распространенного на Западе, когда женщины либо становились жертвами "красных зверей", либо вели себя как аморальные любовницы янки. Сам акт - бесчисленные нападения Красной армии - в недемократическом восточногерманском обществе даже не обсуждался. Из-за хода боевых действий на Востоке было мало показателей, касающихся нападений западных солдат. В Восточной Германии ничего не говорилось о том, что западные союзники действовали так же, как мародерствующие и насилующие солдаты Красной армии. Порабощение Германии как героическая победа над фашизмом было достаточным *смыслом существования*.

По словам Силке Сатюков, СЕПГ грубо подавляла немногочисленные попытки публично рассказать о переживаниях женщин-жертв. Как выразился один из функционеров Министерства культуры:

Во многих случаях не было никакого "изнасилования"; немецкие женщины, дестабилизированные войной, "бросались" на солдат, чтобы получить еду. Странный инцидент и случайный ребенок были быстро забыты....тем, кто настаивал на этом в 1945/46 годах, мы доказывали, возможно, немного грубо, что делать детей, пусть и не совсем добровольно, лучше, чем убивать их.⁶⁴

Здесь можно провести аналогию с суждением о женщинах на Западе как о "любовницах янки", в котором нюансы насилия, потребности и согласия игнорируются. Очевидно, что сексуальный контакт с собственными союзниками, собственным "старшим братом", всегда был особенно

предосудительным. Ярауш интерпретирует это, сексуальный контакт с "освободителями", как особенно болезненный симптом потери власти.⁶⁵

Как уже упоминалось ранее, случаи изнасилования западными союзниками не вызвали большого возмущения и в Западной Германии. Холодная война требовала от обеих сторон, западных и восточных немцев, "однозначного внутри- и внешнеполитического заявления в пользу либо "свободного мира", либо социализма".⁶⁶ Западные политики в большинстве случаев воспринимали жалобы на изнасилования как вежливые просьбы, которые они обосновывали тем, что это в интересах оккупантов и репутации западных оккупационных войск в совместном проекте демократизации и присоединения Германии к Западу. Это был аргумент, который имел смысл для американцев, британцев и французов, взявших на себя обязательства по перевоспитанию и демократизации Германии.

В 1950-е годы в лучшем случае раздавалось тихое бормотание, как в случае с Вернером Фридманом, который в январе 1952 года написал в газете *Süddeutsche Zeitung* в связи с нападениями американских солдат, что в последнее время все большее число американских солдат, прибывающих в Баварию, теперь называются силами обороны, а не оккупационными силами, что должно было успокоить опасения населения. В то же время росло число нападений солдат на немцев. По этой причине в последнее время на жизнь вместе с "послами американской оборонительной готовности" была брошена мрачная тень, настолько, что было неясно.

действительно ли эти солдаты здесь для того, чтобы защищать нас, или иногда нам самим нужно защищаться от них. По всей стране участились случаи нападения на таксистов, женщин и граждан. Сообщения об актах насилия и жестокости поступают ежедневно. Только в одном Мюнхене в 1951 году произошло 222 серьезных инцидента, включая восемьдесят нападений, не считая мелких эпизодов.

Даже если рассматривать эти цифры беспристрастно, продолжал он, принимая во внимание тот факт, что солдаты - грубые типы, проводящие свободное время с алкоголем и сомнительными женщинами, все равно необходимо что-то срочно предпринять. Это, кстати, не означает, что игнорирует доброжелательность и искреннюю дружбу, которые часто встречаются среди военнослужащих оккупационных сил. [67.](#)

Фридманн и другие современные комментаторы прибегали к странным ухищрениям, чтобы понять поступки военнослужащих. Такое объяснение, как то, что мужчины в США привыкли только к "разбавленному" алкоголю и им было скучно в Германии, уже было для них достаточно правдоподобным. В октябре того же года, после изнасилования двух женщин двумя американскими военнослужащими в кабинете врача в Хоэнлиндене под Мюнхеном, газета *Süddeutsche Zeitung* (SZ) язвительно заметила, что это, к сожалению, факт.

молодые солдаты всех национальностей... ищут хоть какую-то физическую компенсацию после завершения своей более или менее праведной военной работы". Но этот романтизм заканчивается после прочтения ежедневных полицейских сводок: таксисты грабят, прохожие намеренно сбивают людей, женщины насилуют. И так далее. Может быть, это потому, что солдаты из-за рубежа приезжают сюда с неправильным представлением о нас? Возможно, некоторые из них приезжают из техасской глубинки с мыслью, что мы все еще живем в 1945 году и что им меньше всего хочется привлекать к себе внимание своим бойким ковбойским поведением. Они ошибаются! Они должны... скорее учить оккупационные войска и, по возможности, не посылать на фронт пехотинцев и кустарей.[68.](#)

Введенный в конце 1953 года полуночный комендантский час для американских солдат ничего не изменил в ситуации в Мюнхене. Это побудило известного журналиста газеты *SZ* Эрнста Мюллера-Мейнингена-младшего назвать американцев "племенем дикарей": "Напряженные своей исторической судьбой и собственной виной, немцы нуждаются в предметном уроке - основанном на ценностях, а не на отсутствии ценностей великого американского народа.... Ситуация до сих пор не была идеальной: военнотружущие, у которых было слишком много свободного времени и денег, чьи огромные автомобили и сигареты легко продавались, недорогие "вероники" и развлекательные бары, предлагающие блестящую жизнь - по сравнению с их личным положением - особенно способствовали эксцессам. "[69.](#)

Это имеет тон антиамериканизма, который позже будет озвучен не только в Восточной Германии, но и все чаще на Западе. Критика гегемониальной политики, предполагаемого отсутствия культуры и материализма уже звучала в обсуждении братания немецких женщин и была, по крайней мере, одним из основополагающих вопросов в немецко-американских отношениях, наряду с большим восхищением американским образом жизни. Изнасилования американских солдат рассматривались как типичные черты нации хамоватых обывателей, недисциплинированных, развратных и невежественных, и часто высокомерных в своем отношении к немецкому населению.⁷⁰ Таким образом, тривиальные гендерные стереотипы сочетались со стереотипными образами американцев.

К концу 1950-х годов общественная критика нарушений мира американскими войсками стала более явной. Оправдание солдата, обвиненного в изнасиловании 12-летней девочки, вызвало поток возмущенных писем в газете *Münchener Merkur*.⁷¹ По этому случаю газета также сообщила о появившемся в США плакате о наборе в армию, адресованном чернокожим мужчинам. В качестве солдат, говорилось на плакате, они могли путешествовать за границу и зарабатывать больше, чем местное население, в результате чего белые девушки в Германии и Великобритании выстраивались в очередь за чернокожими солдатами. Слух был воспринят настолько серьезно, что члены парламента и церковные лидеры обратились в Министерство иностранных дел с письмом, в котором просили американцев изменить такую форму вербовки ради безопасности немецких женщин и девушек.

Министерство ответило, что подобных плакатов никогда не существовало, и они были всего лишь коммунистической и нацистской пропагандой.⁷² Даже если это правда в данном случае, мы теперь знаем, что потенциальная военная премия в виде европейской женщины действительно использовалась армией США в качестве аргумента для вербовки. Но время для конфликта со "старшим братом" не пришло ни на Востоке, ни на Западе.

ПЕРВЫЕ ФЕМИНИСТСКИЕ ПРОТЕСТЫ

Тема изнасилования в целом, и на войне в частности, не привлекала большого внимания до 1970-х годов, когда возникла необходимость обсудить связь между двумя проблемами - гендерными ролями и войной. Новое отношение стало результатом недавнего феминистского движения в США. Журналистка Сьюзен Браунмиллер в 1975 году опубликовала стандартный справочник *"Против нашей воли"*, в котором рассказала о значении изнасилований для поддержания патриархального общества.⁷³ Она подкрепила свои тезисы историческими событиями, в том числе массовыми изнасилованиями во время и после Второй мировой войны. Именно эта новаторская феминистская работа впервые позволила рассмотреть феномен изнасилования в исторической перспективе - другими словами, вывести его из биологических и квазиприродных рамок и связать с конкретной формой правления, а именно патриархатом.

Браунмиллер описал сексуальное насилие как одну из самых ранних форм мужской связи, а групповое изнасилование - как основное оружие мужской силы, главный проводник его воли и ее страха:

Его насильственное проникновение в ее тело, несмотря на ее физические протесты и борьбу, стало средством его победоносного покорения ее существа, окончательным испытанием его превосходящей силы, триумфом его мужественности. Открытие человеком того, что его гениталии могут служить оружием, вызывающим страх, должно стать одним из самых важных открытий доисторической эпохи, наряду с использованием огня и первого грубого каменного топора.^{[74](#)}

Война предоставила мужчинам идеальный психологический фон для выражения своего презрения к женщинам. Сама мужская сущность армии, грубая сила оружия, находящегося исключительно в их руках, духовная связь мужчин за оружием, мужская дисциплина приказов, которые отдаются и выполняются, подтверждали им, что женщины - это периферия: "Простое правило войны гласит, что побеждает та сторона, которая насилует".^{[75](#)} Это также дает понять завоеванной стране, что изнасилование "их" женщин - это высшее унижение.^{[76](#)}

Удивительно, но Браунмиллер уже упоминала в качестве исторического примера изнасилования американскими солдатами во время Второй мировой войны и оккупационного периода и критиковала жалкое стандартное оправдание армии, что во время оккупации происходит больше изнасилований, потому что у солдат много свободного времени. Ее попытка объяснить изнасилование как форму женской обусловленности также была новаторской. Она утверждает, что простое знание детьми слова "изнасилование" заставляет их осознать структуру гендерной власти.^{[77](#)}

Интересно, что феминистская дискуссия о сексуальном насилии, которая является одним из признаков Нового женского движения в Германии, не смогла привлечь внимание общественности к изнасилованиям, связанным с войной. Хотя соответствующие издания и ведущие фигуры, такие как Алиса Шварцер, неоднократно поднимают тему сексуального насилия, основное внимание уделяется изнасилованию гражданских лиц, и особенно сексуальному насилию среди друзей и в браке. Это требует объяснения, особенно учитывая тот факт, что Шварцер, ведущая немецкая феминистка, пишет в своей биографии, что ее мать едва избежала изнасилования американским солдатом.⁷⁸ Таким образом, если бы старые феминистки 1970-х годов просто спросили своих собственных матерей - в буквальном смысле слова - у них было бы достаточно оснований для возмущения и сочувствия. Но по разным причинам в то время им не удалось решить этот очевидный вопрос.

Вопрос об изнасиловании принял частный оборот, поскольку тезис о том, что все мужчины являются потенциальными насильниками, а все женщины - потенциальными жертвами, дал объяснение женскому угнетению и массовому привлечению женщин в феминистский проект. Кроме того, изнасилования, связанные с войной, рассматривались в Германии в первую очередь как проблема Красной армии и, следовательно, как часть конфликта между Востоком и Западом. Однако Новое женское движение было продуктом Новых левых и не могло или не хотело обжечь себе пальцы, затрагивая эту тему. Именно таким образом феминистки 1970-х годов упустили возможность обратиться к крупнейшему в

истории массовому изнасилованию, жертвами которого стали их собственные матери.^{[79](#)}

ХЕЛЬКЕ САНДЕР "БЕФРЕЙТОР" И ДЕБАТЫ О ЖЕРТВАХ В ГЕРМАНИИ

Прошло еще почти двадцать пять лет, прежде чем немецкая феминистка наконец взяла быка за рога. Хельке Зандер уже привлекла к себе внимание в сентябре 1968 года, когда она появилась на собрании Социалистического немецкого студенческого союза (СДС) во Франкфурте в качестве соучредителя Aktionsrat zur Befreiung der Frauen [Комитета действий за освобождение женщин] и объявила его манифест. Женщины не могут ждать до революции и преобразования экономических и политических обстоятельств, чтобы достичь равенства, сказала она едва воодушевленным студентам. Пришло время отказаться от междоусобиц и поместить личные и политические трудности в правильный контекст: "Почему вы здесь говорите о классовой борьбе, а дома - о проблемах оргазма? Разве это не представляет интерес и для SDS?"^{[80](#)} Когда ее речь не произвела ожидаемого эффекта, один из соратников Сандера забросал помидорами следующего оратора. Этот поступок стал символической начальной искрой для Нового женского движения в Германии.^{[81](#)}

Ее документальный фильм и сопровождающая его книга *BeFreier und Befreite* в 1992 году, наконец, вызвали обсуждение послевоенных изнасилований. Спор, который она вызвала, подчеркивает важность ее новаторского поступка. Она и ее коллеги-исследователи попытались восстановить основные аспекты событий в мельчайших подробностях, представить первые статистические данные, опросить не только немецких

жертв, но и русских мужчин и вписать произошедшее в современный феминистский дискурс о насилии. Как уже упоминалось ранее, Сандер, вероятно, преувеличила число участников, но это не умаляет значимости ее проекта. Скорее, ее исключительная сосредоточенность на Берлине и Красной армии сделала ее рассмотрение темы односторонним.

Удивительно, но этот односторонний подход никогда не был использован против нее. Напротив, ее критиковали за то, как она обращалась со свидетельскими показаниями, которые представляла без комментариев, включая грубые высказывания одного из интервьюируемых, который сравнил события с Холокостом. Особенно ее порицали за то, что она позволила выступить еврейской жертве и тем самым, как утверждалось, релятивизировала преступления немцев против евреев, сравнивая их с преступлениями (советских) мужчин против женщин.^{[82](#)}

Американский историк Атина Гроссманн, упомянутая ранее, особенно критиковала работу Сандер. Она обвинила ее в умышленном подсчете числа жертв с целью релятивизации Холокоста, а также противопоставила проекту Сандер свою собственную интерпретацию, согласно которой изнасилованные и впоследствии прервавшие беременность женщины были расистками. Тем самым она заменила обвинение в исторической релятивизации на собственную релятивизацию. Приписав жертвам нацистскую идеологию, она превратила женщин в преступниц, которые, следовательно, не заслуживают сочувствия. И снова на карту поставлено доверие к жертвам.

По сравнению с чрезмерной критикой, влияние первого крупномасштабного систематического исследования связанных с войной изнасилований немецких женщин было недолгим. Норман М. Наймарк считает, что полемика вокруг работы Сандера, возможно, не столько пролила свет на массовые изнасилования, сколько помогла рассмотреть вопрос о соучастии женщин в преступлениях нацистов, которые впоследствии действительно изучались более широко (дебаты, известные как "спор женщин-историков").^{[83](#)}

Критика Гроссманном исследования Сандера о массовых изнасилованиях может быть понята только в контексте проблем левых либералов с немецким "дискурсом жертвы". Концепция "дискурса жертвы" напоминает о том, что после войны и вплоть до 1950-х годов немцы поначалу также представляли себя жертвами нацистов и войны, а не виновниками страданий, последствия которых они теперь обязаны нести.^{[84](#)} После 1945 года было довольно распространено инвертирование причинно-следственных связей и противопоставление потерь Германии потерям врага, уничтожению евреев, синти и цыган и других меньшинств, а также военным преступлениям вермахта и СС. Приведем лишь один пример: кардинал Йозеф Фаульхабер в год капитуляции сказал, что освобожденные концентрационные лагеря, конечно, не были приятным зрелищем, но и Мюнхен после вражеских воздушных налетов тоже не был приятным.

Этот послевоенный "дискурс жертвы" продолжает вызывать подозрения и сегодня. Немцев подозревают в том, что они по-прежнему подчеркивают свои собственные страдания только для того, чтобы отвлечь внимание от своей исторической

ответственности за зачастую гораздо большие страдания, которые они принесли половине мира. Критики "дискурса жертвы" утверждают, что все разговоры о немецких страданиях в конечном итоге являются ревизионистскими, что такие книги, как *Der Brand* Йорга Фридриха (2002) о бомбардировках немецких городов, такие популярные фильмы, как *Die Gustloff* (2008) о потоплении судна с немецкими беженцами с Востока с гибелью 9000 человек, или *March of Millions* (2007) о бегстве с немецких территорий на Востоке, или такие романы, как *Crabwalk* Гюнтера Грасса (2002), предназначены для релятивизации немецкой вины.

Они устанавливают связь во времени между единством Германии, опасным возрождением национальной гордости и новой версией "дискурса жертвы". После фазы неведения непосредственно после войны и "примирения с прошлым" посредством (бессмысленных) ритуалов поминовения под лозунгом "никогда больше Освенцима", тема немецких жертв войны, говорят критики, теперь используется, чтобы "сбросить оковы врожденной вины", как выразилась психоаналитик и историк Гудрун Брокхаус.^{[85](#)} Социальный психолог Харальд Вельцер считает даже новый интерес к "военному детству" всего лишь выдумкой и уклонением поколения 1968 года, которое просто хотело казаться важным.^{[86](#)} В конечном итоге, опасается он, все так или иначе считают себя жертвами, тем самым нейтрализуя огромные страдания, которые немцы причинили миру.

Упреждающее самообвинение

Чтобы противостоять этому подозрению, у тех немногих историков, которые вообще изучали массовые изнасилования

немецких женщин, стало принято предварять свои комментарии длинными отступлениями о подобных преступлениях вермахта, армейских борделях и принудительной проституции в концентрационных лагерях.⁸⁷ Только после того, как о злодеяниях немцев было подробно рассказано, разрешается обсуждать немецких жертв. Эта риторика вызывает понимание и сочувствие, хотя она основана на проблематичной, на мой взгляд, причинно-следственной связи: немецкие женщины были изнасилованы потому, что немцы причинили столько разрушений до этого. Эта причинно-следственная аргументация не работает, потому что у американских и канадских солдат не было причин мстить Германии в форме изнасилования, и в любом случае логическая связь должна быть прежде всего продемонстрирована. Солдаты вермахта не совершали сексуальных нападений на женщин по другую сторону Атлантики. Кроме того, одно преступление не узаконивает другое. Это просто не "естественно" - выражать ярость против врага сексуальным нападением на женщин.

Американский историк Гроссманн выбрала другой способ дистанцироваться от "дискурса жертвы". Она релятивизирует произошедшее, говоря, что изнасилованные немецкие женщины не были идеологически лишены вины. Ее неверное утверждение о том, что женщины, забеременевшие в результате изнасилования, абортировали потомство "недочеловеков" по расистским причинам, а именно из-за их непоколебимой веры в нацистскую идеологию, естественно, блокирует всякое сочувствие к жертвам. Это лишает женщин морального права считать себя жертвами. Основное

предположение Гроссмманна уже сомнительно, как мы видели выше. Но даже если мы примем маловероятную предпосылку, что все жертвы изнасилования были убежденными нацистами, что тогда?

Говоря прямо, изменение перспективы "преступник - жертва" было бы недопустимым и, прежде всего, невозможным. С 1990-х годов ни для кого не секрет, что немецкие женщины и дети были не только жертвами. Большинство из них исповедовали нацистскую идеологию и в худших случаях активно участвовали в политике преследования и уничтожения. Без бесчисленных доносов женщин, например, был бы невозможен учет еврейского населения, грабежи, преследования и уничтожение. Они не замедлили донести до якобы неполноценных женщин и народов, что немецкие женщины важны для выживания арийской расы. Женщины были охранниками концлагерей, колонизаторами оккупированных территорий, агитаторами, коллаборационистами, спекулянтами и, по меньшей мере, пассивными наблюдателями нацистских преступлений.

Женщины, не пошедшие добровольно на военную службу, например, на оружейных заводах, "стабилизировали "тыл" благодаря своим "функциям" в доме, своей энергии в семье, выходящей за рамки требований, и своей выносливости до конца".^{[88](#)}

Даже якобы аполитичные домохозяйки верили в превосходство немецкого народа и оправданность войны, надеялись на окончательную победу и поддерживали работу военной техники. Они отправляли посылки и письма на фронт и своей выносливостью облегчали жизнь солдатам: "С одной

стороны, они предпочли бы спрятать своих сыновей и мужей в глубинке, с другой стороны, они не хотели "слабаков" и "халтурщиков" и рассматривали борьбу как "дело воспитания характера", которое "укрепляет душу".⁸⁹ Немецкие женщины пропагандировали военный мужской идеал, жертвой которого они, к сожалению, стали в результате поражения.

Женщины в то время были так же, как и мужчины, убеждены в ужесточении идеологии, необходимости объективности и дистанции, и они воспитывали своих детей соответствующим образом. Надо полагать, что среднестатистические немецкие женщины знали или могли знать об истреблении евреев и зверствах, совершенных вермахтом. Это было видно повсюду: преследование диссидентов и политических противников, преследование и депортация евреев, сожжение синагог. Они общались с рабами и военнопленными, жили, возможно, рядом с концентрационными лагерями, были свидетелями акций эвтаназии и маршей смерти, читали письма с фронта.

Очевидно, что многие жертвы изнасилований были, по крайней мере, потенциальными преступниками. Даже дети не всегда были невинны: они участвовали в преследовании рабов, толпили еврейских школьников и считали себя представителями господствующей расы. Ни женщины, ни дети не были "ни просто молчаливыми и травмированными свидетелями этой войны, ни просто ее невинными жертвами", как отмечает Николас Старгардт.⁹⁰ Но опять же, какое это имеет отношение к их параллельному статусу жертв? Ответ заключается в том, что спустя семьдесят лет после войны мы должны найти способ приспособиться к этой двусмысленности. Мы не можем избежать ловушек ревизионизма, считая

жертвами не немцев, а прежде всего женщин, и, следовательно, якобы невинных. Эта стратегия сбивала с пути нескольких феминистских историков в 1990-х годах. Но мы также не можем отказать немецким жертвам изнасилования в их статусе жертв, поскольку они принадлежали к нации-агрессору.

Эмпатический подход к массовым изнасилованиям требует, чтобы категории гендера и этнической принадлежности рассматривались вместе. Идея о том, что изнасилованные женщины являются представителями "оскверненной" нации, является продуктом националистического мышления XIX века и больше не применима. Мы знаем, что женщины из всех воюющих и оккупированных стран подвергались сексуальному насилию. Они пережили изнасилование как женщины и немки, как побежденная и более слабая нация. Рассказываемая здесь история не является специфически немецкой. Мы рассматриваем немецкую часть этой истории только для того, чтобы изучить, как наше общество (точнее, немецкие общества на Востоке и Западе) справлялось с этим, и что это говорит о культуре и ее влиянии на последующие поколения.

Сексуальное насилие в конце войны не было для жертв "коллективным опытом", как хотели бы утверждать некоторые современные свидетели, да и сегодняшние исследователи. Изнасилованные женщины не могли рационально объяснить свои страдания тем, что их изнасиловали как *немецких* женщин. Даже если эта интерпретация была полезной для некоторых людей на Западе в период соперничества между Востоком и Западом в 1950-х и 1960-х годах, не позднее 1980-х годов она потеряла всякое значение в качестве

оправдательной стратегии. Эта риторика в любом случае была недоступна для восточногерманских женщин.

ПРОШЛОЕ СЕГОДНЯ

По крайней мере, есть некоторые признаки того, что способность и готовность немцев признать собственные военные страдания изменилась с начала нового тысячелетия. Это отражается не только в коллективной памяти, но и в личной терапевтической работе.

Психоаналитик Уве Лангендорф, в качестве примера, привел публикацию "*Крабьей прогулки*" Гюнтера Грасса в феврале 2002 года и серию "*Die Flucht*" в *Der Spiegel* месяцем позже как точку отсчета для своего внезапного осознания того, что некоторые наблюдения за двадцать лет его психотерапевтической практики могут иметь отношение к коллективной военной травме. Несколько месяцев спустя на конференции Немецкого общества психоисторических исследований в Берлине обсуждалась та же тема.⁹¹ Только сейчас Лангендорфа поразило, что более трети его пациентов имели опыт беженцев, либо из собственного детства, либо выросших в семье беженцев. Во многих случаях травма была кумулятивной: потеря дома и имущества и связанная с этим потеря статуса, жестокое обращение и изнасилования во время бегства и высылки, неприятие и презрение со стороны людей, где они поселились, чувство вины за то, что они выжили и оставили дома и могилы предков. Частой семейной констелляцией среди его пациентов были оцепеневшая и депрессивная мать и физически или эмоционально отсутствующий и слабый отец. Став взрослыми, пациенты часто были чрезмерно

амбициозными, не желающими строить отношения, беспокойными и неустроенными.^{[92](#)}

Тем временем внимание общественности было привлечено к трансгенерационным последствиям опыта войны для детей и даже для внуков. Однако до сих пор в этих воспоминаниях преобладают мужчины. Большая часть первых систематических исследований "военного детства" и "взросления без отца" была проведена мужчинами. В отличие от них, о коллективном женском опыте массового изнасилования и его возможных долгосрочных последствиях было сказано мало. Помните, что речь идет как минимум о 860 000 жертв сексуального насилия и еще большем количестве семей их потомков.

Сегодня исследователи сходятся во мнении, что коллективная травма может быть длительной и кумулятивной на протяжении нескольких поколений: "Она является результатом бессознательно остаточных психологических процессов и способствует диссоциированному восприятию и воспоминаниям и, следовательно, многочисленным психологическим и психосоматическим симптомам".^{[93](#)} Считается, что дети и внуки усваивают непроработанные чувства, а значит, и характерные черты личности своих родителей, бабушек и дедушек и неосознанно пытаются решить проблемы за них - например, горе, примирение, восстановление утраты и защиту от бессилия.^{[94](#)}

Однако это не происходит без конфликтов и столкновений с современной реальностью, что приводит к чувству вины потомков за то, что они смогли вырасти в лучшее время, чем их травмированные родители, бабушки и дедушки. Психиатр и

психоаналитик Бертрам фон дер Штайн описывает случай 50-летней одинокой женщины, чья мать была изнасилована солдатом, а ее старшая сестра застрелена другим солдатом. Пациентка отрицала собственную сексуальность и подавляла свою агрессию "в качестве защиты от травмы, передающейся от поколения к поколению". Она считала агрессию и сексуальность опасными для жизни.⁹⁵

Передача семейного стресса, например, возникшего в результате изнасилования на войне, происходит не в форме простой передачи сверху вниз. И старшее, и младшее поколения участвуют в передаче, которая больше напоминает обмен, в ходе которого обсуждаются значимость и принятие культурного наследия.⁹⁶ Таким образом, поздние потомки оказывают влияние на переработку неприятного исторического опыта в своей семье. Психологи считают, что конфронтация с болезненными воспоминаниями является жизненно важной в этом процессе. Травмы прошлого необходимо пережить, восстановить личную семейную историю и терапевтически устранить бессознательные деструктивные последствия. Цель состоит в том, чтобы провести различие между фантазией и реальностью в коллективной истории предыдущих поколений и научиться перестать отождествлять себя со страданиями - даже сегодня. Это делает историю массовых изнасилований после войны по-прежнему актуальной. Только благодаря знаниям "общество выживших" может оправиться от пережитых в то время страданий.

Знания о событиях после 1945 года также по-прежнему важны для немногих оставшихся в живых. По этой причине

гериатрическая сиделка и терапевт сновидений Мартина Бёмер ездит по стране, посещая дома престарелых и дома для слабоумных. Она неоднократно видела, как жертвы изнасилования снова травмируются грубым обращением, стуком дверей в коридоре, бесчувственными ритуалами поминовения в домах престарелых и даже случайными встречами, например, с польским медперсоналом. Она рассказала мне о случае с жительницей дома престарелых, которая отказывалась позволять раздевать и мыть себя, особенно мужчинам, ухаживающим за ней. Она была изнасилована после войны. В другом случае у пожилой женщины были приступы паники, потому что у ее соседки был муж-американец, и ее язык заставил ее вспомнить о давно прошедшем изнасиловании солдатом. Эта последующая травма, говорит Бёмер, часто ошибочно диагностируется как слабоумие и неправильно лечится лекарствами. Только в нескольких институтах, таких как Фонд Генриха и Эммы Бадж под Франкфуртом, где проживают евреи и неевреи, психологов регулярно обучают деликатно работать с этой историей. Было бы полезно, если бы так было во всех домах престарелых в Германии.

Мы можем только предполагать о более общих последствиях массовых изнасилований оккупационными войсками. Как переработанный опыт повлиял в целом на отношение полов друг к другу и на отношение к сексуальному насилию в Германии? Это тема, требующая дальнейшего изучения. Одно можно сказать точно: Немецкие феминистки, как уже говорилось ранее, известны во всем мире тем, что с трудом отказываются от схемы "виновник-жертва" 1970-х годов и

одностороннего подхода к теме сексуального насилия и жестокого обращения. Нет ли здесь непроработанной исторической связующей нити? И есть еще один, возможно, яркий симптом: незадолго до выхода этой книги в Берлине на политическую повестку дня была вновь вынесена давно назревшая проблема - а именно, тот факт, что суды по-прежнему считают изнасилованием только секс без согласия с угрозой насилия. Новый возможный пересмотр закона о сексуальных преступлениях в настоящее время решает проблему свидетельских показаний жертв. Случайно ли, что эта столь необходимая реформа будет проведена в тот момент, когда в страну прибывает большое количество беженцев - в том числе много темнокожих мужчин, которые вызывают старые страхи сексуального насилия?

Прочитав сотни отчетов, которые в нескольких сжатых строках описывают ход изнасилований по всей Германии в более или менее одинаковых выражениях, я вынужден спросить, не бросили ли эти инциденты почти неизбежно длинную тень на чувство безопасности, особенно в случае женщин. В сельских общинах и небольших городах опасность того, что ребенка или женщину средь бела дня, а особенно ночью, затащат с улицы в машину и отвезут в поле или лес, где на них нападет один или несколько солдат, была вездесущей. Определенные места и районы, особенно вблизи казарм, а позднее и мест военной подготовки, были особенно опасны. Обычно не было никакой возможности оказать сопротивление или добиться наказания виновных. Я помню, как в 1970-е годы меня самого предупреждали о всевозможных опасностях, которые мне, подростку, казались неправдоподобными - в частности,

конечно, о барах, которые были известны как притоны оккупационных солдат.

Работая над этой книгой, я постоянно вспоминал о поколениях до меня, которые представляли себе потенциального убийцу или насильника за каждым углом и которые даже в 1970-х годах собирали газетные вырезки о подобных инцидентах как доказательство якобы вездесущей угрозы мужского насилия. В моей семье психологов странное поведение такого рода - например, поведение моей тревожной бабушки из Фрайбурга - рассматривалось как "сексуальная фобия" военной вдовы, которая после ранней смерти мужа, к сожалению окружающих, больше никогда не искала интимного контакта с мужчиной. Сегодня я вспоминаю, что, когда пришли французские оккупационные войска, она была молодой незамужней женщиной. Сейчас я понимаю, что она должна была знать, что может постигнуть женщин и детей в любом месте и в любое время. Возможно ли, что это не повлияло на ее жизнь и жизнь ее потомков?

Примечания

1. Ева Эбнер, ассистент режиссера, работавшая с Фрицем Лангом и Райнером Вернером Фассбиндером, родилась в 1922 году в Данциге/Гданьске в семье еврейской матери. В конце войны она бежала и спряталась в портовом бараче, где ее нашли солдаты Красной Армии и насильничали более двух часов. Она упустила возможность опознать преступников на опознании и наказать их, что, по ее мнению, было лучшим поступком в ее жизни, поскольку таким образом она предотвратила дальнейшие

бессмысленные убийства (Hildebrandt and Kuballa (eds.), *Mein Kriegsende*, pp. 31-2).

2. Штаатсархив Франкфурта, компенсационный суд, отдельные дела, D 5/1 3889.
3. Этот комментарий был сделан во время дискуссии с Вольфом Йобстом Зидлером и Мартином Вальзером в *Die Zeit* под названием: "Können wir uns einen Ilja Ehrenburg leisten?", цитируется в Tischler, "Die Vereinfachungen des Genossen Ehrenburg", pp. 326-39.
4. Segmüller, *Über reactive Selbstmorde und Selbstmordversuche*.
5. Там же, стр. 37.
6. Svenja Eichhorn et al., 'Bewältigungsstrategien und wahrgenommene soziale Unterstützung bei deutschen Langzeitüberlebenden der Verwaltungen am Ende des II. Weltkriegs', in: *Psychiatrische Praxis* 39 (2012), pp. 169-73, здесь p. 169; см. также Eichhorn and Kuwert, *Das Geheimnis der Grossmütter*.
7. Eichhorn and Kuwert, *Das Geheimnis der Grossmütter*, p. 94.
8. См. Miriam Gebhardt, *Die Angst vor dem kindlichen Tyrannen: Eine Geschichte der Erziehung im 20. Jahrhundert* (Мюнхен 2009).
9. Vera Neumann, 'Kampf um Anerkennung: Die westdeutsche Kriegsfolgengesellschaft im Spiegel der Versorgungsämter', in: Naumann, *Nachkrieg in Deutschland*, pp. 364-83.
10. 'Gitrace' (www.gitrace.org), платформа "Дети, рожденные войной" (www.bowin.eu) и Институт Больцмана

(www.bim.lbg.ac.at). В России существует телевизионная программа "Жди меня" для тех, кто ищет родственников.

- [11.](#) Köpp, *Warum war ich bloss ein Mädchen?* p. 9.
- [12.](#) См. Svenja Goltermann, *Die Gesellschaft der Überlebenden: Deutsche Kriegsheimkehrer und ihre Gewalterfahrungen im Zweiten Weltkrieg* (Munich 2009).
- [13.](#) Популярность концепции травмы и ее инфляционное положение сегодня, как в гуманитарных науках, так и в популярном дискурсе, началось в 1970-х годах. О критическом отношении между концепцией клинической травмы и ее присвоением гуманитарными науками см. Harald Weilnböck, "Das Trauma muss dem Gedächtnis unverfügbar bleiben": Trauma-Ontologie und anderer Miss-/Brauch von Traumakzepten in geisteswissenschaftlichen Diskursen", in: *Mittelweg* 36, Zeitschrift des Hamburger Instituts für Sozialforschung (апрель 2007), pp. 2-64.
- [14.](#) Staatsarchiv Freiburg, компенсационный суд, отдельные случаи, 3889; имя сокращено для защиты пациента.
- [15.](#) Там же.
- [16.](#) Svenja Goltermann, 'Im Wahn der Gewalt: Massentod, Opferdiskurs und Psychiatrie 1945-1956', in: Naumann, *Nachkrieg in Deutschland*, pp. 343-63, здесь pp. 358-9.
- [17.](#) Некоторые формулировки повторяются в современной исследовательской литературе, особенно тезис Куби об "удивительно быстром" выздоровлении женщин; см. Naimark, *Die Russen in Deutschland*, pp. 162-3; Sibylle Meyer and Eva Schulze, "Als wir wieder zusammen waren, ging der

Кrieg im Kleinen weiter", in: Niethammer and Plato (eds.), *Wir kriegen jetzt andere Zeiten*, pp. 305-26.

18. Regina Mühlhäuser, 'Massenvergewaltigungen in Berlin 1945 im Gedächtnis betroffener Frauen: Zur Verwobenheit von nationalistischen, rassistischen und geschlechtsspezifischen Diskursen', in: Veronika Aegerter et al. (eds.), *Geschlecht hat Methode: Ansätze und Perspektiven in der Frauen- und Geschlechtergeschichte* (вклад в девятую конференцию швейцарских историков 1988 года) (Zurich 1999), pp. 235-46, здесь p. 239; см. также Mühlhäuser, *Vergewaltigungen in Deutschland 1945*, p. 389; Atina Grossmann, 'Eine Frage des Schweigens: Die Vergewaltigung deutscher Frauen durch Besatzungssoldaten - Zum historischen Hintergrund von Helke Sanders Film *BeFreier und Befreite*', in: *Frauen und Film* 54/55 (1994), pp. 14-28, здесь pp. 19, 21; Grossmann, 'A Question of Silence'; Hsu-Ming Teo, 'The Continuum of Sexual Violence in Occupied Germany, 1945-1949', in: *Women's History Review* 5, 2 (1996), pp. 191-218, здесь p. 193; Sibylle Meyer and Eva Schulze, *Wie wir das alles geschafft haben: Alleinstehende Frauen berichten über ihr Leben nach 1945* (Munich 1993), p. 64; также скептически относится к тезису о жизнестойкости: Naimark, *Die Russen in Deutschland*, pp. 162-3.

19. Полина Нырамасухуко, бывший министр по делам семьи, которая организовывала массовые убийства и поощряла сексуальные нападения на женщин тутси. В Красной Армии также были женщины-солдаты, которые, по крайней мере, были одобрительными сторонними наблюдателями. В гражданской жизни женщины также являются подстрекателями, соучастниками и исполнителями

сексуального насилия в отношении женщин и мужчин. Во время группового изнасилования в Мюнхене в 2014 году две девочки-подростка ублажали двух своих жертв-женщин ложным чувством безопасности, после чего совершили над ними сексуальное насилие, а затем передали их насильникам-мужчинам.

[20.](#) Эрих Куби, 'Die Russen in Berlin', in: *Der Spiegel* 19/1965-24/1965; Kuby, *Die Russen in Berlin*.

[21.](#) Kuby, *Die Russen in Berlin*, p. 213.

[22.](#) Там же, стр. 314-15.

[23.](#) Там же, стр. 308.

[24.](#) Richard Bessel, 'Was bleibt vom Krieg? Deutsche Nachkriegsgeschichte(n) aus geschlechtergeschichtlicher Perspektive: Eine Einführung', in: *Militärgeschichtliche Zeitschrift* 60 (2001), pp. 297-305, здесь p. 298.

[25.](#) Naimark, *Die Russen in Deutschland*, p. 300.

[26.](#) Robert G. Moeller, 'Heimkehr ins Vaterland: Die Remaskulinisierung Westdeutschlands in den fünfziger Jahren', in: *Militärgeschichtliche Zeitschrift* 60 (2001), pp. 403-36.

[27.](#) Heimatmuseum Charlottenburg, выставка "Worüber kaum gesprochen wurde: Frauen und alliierte Soldaten", 3-15 октября 1995 года.

[28.](#) Meyer and Schulze, 'Als wir wieder zusammen waren', p. 313.

[29.](#) Там же, стр. 314.

[30.](#) Там же, стр. 316.

- [31.](#) Сибилле Мейер и Ева Шульце, "О любви говорят все: *Familienalltag in der Nachkriegszeit* (Munich 1985), p. 134.
- [32.](#) Хайнеман, "Час женщины", с. 370.
- [33.](#) Mühlhäuser, 'Vergewaltigungen in Deutschland', pp. 390-1.
- [34.](#) Maria Höhn, 'Frau im Haus and Girl im Spiegel: Дискурс о женщинах в период междуцарствия 1945-1949 гг. и вопрос немецкой идентичности', в: *Central European History* 26, 1 (1993), pp. 57-90, здесь p. 89; см. также Annette Kuhn, 'Power and Powerlessness: Женщины после 1945 года или непрерывность идеологии женственности', in: *German History* 7, 1 (1989), pp. 35-46.
- [35.](#) См. также Leonie Treber, *Mythos Trümmerfrauen: Von der Trümmerbeseitigung in der Kriegs- und Nachkriegszeit und der Entstehung eines deutschen Erinnerungsortes* (Essen 2014).
- [36.](#) Mühlhäuser, 'Massenvergewaltigungen in Berlin', p. 239.
- [37.](#) Цитируется в *ibid.*, p. 389.
- [38.](#) Цитируется в Hildebrandt and Kubella (eds.), *Mein Kriegsende*, p. 32.
- [39.](#) Франк Бисс, "Пионеры новой Германии: Возвращение военнопленных из Советского Союза и формирование граждан Восточной Германии в 1945-1950 годах", in: *Central European History* 32 (2000), p. 166.
- [40.](#) См. выступления и публикации, посвященные десятой годовщине Международного уголовного суда, на сайте *medica mondiale*, www.medicamondiale.org.

- [41.](#) *Der Spiegel*, 30 марта 1960 года.
- [42.](#) *Телеграф*, Берлин, 29 ноября 1959 года.
- [43.](#) *Tagesspiegel*, 6 декабря 1959 г., из коллекции газетных вырезок для выставки "Worüber kaum gesprochen wurde: Frauen und alliierte Soldaten", in: *Material zur Ausstellung des Heimatmuseums Charlottenburg, 3.-15.10.1995*.
- [44.](#) Там же, свидетельства очевидцев в музее Шарлоттенбург.
- [45.](#) https://en.wikipedia.org/wiki/A_Woman_in_Berlin.
- [46.](#) *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 21 июня 2003 г., с. 44.
- [47.](#) Биски, "Wenn Jungen Weltgeschichte spielen."
- [48.](#) Anonymous, *A Woman in Berlin - Eight Weeks in the Conquered City: A Diary* (London 1982).
- [49.](#) Там же.
- [50.](#) Там же.
- [51.](#) Там же.
- [52.](#) Там же.
- [53.](#) Там же.
- [54.](#) Там же.
- [55.](#) Там же.
- [56.](#) Там же.
- [57.](#) Bisky, 'Wenn Jungen Weltgeschichte spielen'.
- [58.](#) Там же.

- [59.](#) Подробное обсуждение оговорок Биски см. также в статье Констанце Яйзер, рецензия на книгу *Anonyma - Eine Frau in Berlin, Tagesbuchaufzeichnungen vom 20. April bis 22. Juni 1945* (Франкфурт 2003), в: *H-Soz-u-Kult*, 5 декабря 2003 г., <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2003-4-128>.
- [60.](#) Susanne zur Nieden, *Alltag im Ausnahmezustand: Frauentagebücher im zerstörten Deutschland 1943 bis 1945* (Berlin 1993). Был опубликован ряд работ, посвященных исследованию личных свидетельств, в том числе и автором; см. например, "Der Fall Clara Geissmar, oder von der Verführungskunst weiblicher Autobiographik", in: Kirsten Heinsohn and Stefanie Schüler-Springorum (eds.), *Deutsch-jüdische Geschichte als Geschlechtergeschichte: Studien zum 19. und 20. Jahrhundert* (Göttingen 2006), pp. 233-49; в более общем плане, Dagmar Günther, "And now for something completely different: prolegomena zur Autobiographie als Quelle der Geschichtswissenschaft", in: *Historische Zeitschrift*, 272 (2001), pp. 25-61.
- [61.](#) Silke Satjukow, *Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945* (Leipzig 2009), p. 7.
- [62.](#) Jarausch, *Die Umkehr*, p. 150.
- [63.](#) Там же, стр. 15-16.
- [64.](#) Эгон Ренцтш, руководитель отдела литературы и книги в Министерстве культуры 27 сентября 1961 года, цитируется в Birgit Dahlke, "Frau Komm! Vergewaltigungen 1945: Zur Geschichte eines Diskurses", in: Dahlke et al. (eds.),

LiteraturGesellschaft DDR: Kanonkämpfe und ihre Geschichte(n) (Stuttgart 2000), pp. 272-311, здесь p. 293.

[65.](#) Jarausch, *Die Umkehr*, p. 46.

[66.](#) Там же, стр. 159.

[67.](#) *Süddeutsche Zeitung*, 9 января 1952 года, BayHStaA, нарушения мира, газетные вырезки, MInn 80210.

[68.](#) *Süddeutsche Zeitung*, 24 октября 1952 года, там же.

[69.](#) 'Die Amerikaner in Deutschland', Ernst Müller-Meiningen в *Süddeutsche Zeitung*, 25/26 апреля 1953 г., там же.

[70.](#) Müller, *US-Truppen und Sowjetarmee in Deutschland*, p. 75.

[71.](#) BayHStaA MInn 91951, нарушение мира иностранными вооруженными силами.

[72.](#) Müller, *US-Truppen und Sowjetarmee in Deutschland*, pp. 78-9.

[73.](#) Сьюзен Браунмиллер, *Против нашей воли: Мужчины, женщины и изнасилование* (Нью-Йорк, 1975).

[74.](#) Там же, стр. 14-15.

[75.](#) Там же, стр. 35.

[76.](#) Актуальность этой точки зрения была продемонстрирована в прошлом году во время войны в Газе, когда профессор университета Бар-Илан в Тель-Авиве заявил в радиointerview, что единственное, что может удержать палестинцев от самоубийств, - это страх, что их женщины будут изнасилованы евреями в отместку; см. <http://forward.com/news/breaking-news/202558/israeli-professor-suggests-rape-wouldserve-as-ter>.

[77.](#) Браунмиллер, *Против нашей воли*, стр. 309.

[78.](#) Пьяный военнослужащий пытался вытащить ее мать из дома, когда она гостила в Штадтлаунгене. За эту "попытку изнасилования" солдат был отдан под трибунал и расстрелян американской военной полицией. Можно задаться вопросом, вызвала бы такая попытка похищения в то время подобную реакцию. Во всяком случае, Шварцер называет это одной из причин своей феминистской позиции в отношении насилия: Алиса Шварцер, *Lebenslauf* (Кельн 2011), с. 31.

[79.](#) Репортаж жертвы в специальном выпуске феминистской газеты *Courage* от 1980 года о повседневной жизни женщин во время войны является одним из немногих исключений в этом отношении; Helga Born, 'Das Vergewaltigen war noch im vollem Gange', *Courage, aktuelle Frauenzeitung* special issue 2, 3 (1980), интернет-издание Friedrich-Ebert-Stiftung, pp. 57-61. Проблема изнасилования остается сегодня одной из величайших феминистских работ. О большинстве инцидентов до сих пор не сообщается, потому что моральное поведение жертв было бы показано в суде в постыдном виде. До конца 1990-х годов критерии изнасилования были чрезвычайно жесткими. Чтобы изнасилование вообще было признано, необходимо было применить значительное насилие. В браке, а также в проституции, не считалось уголовным преступлением, если было получено предварительное согласие на половой акт: "Ограничительное толкование изнасилования особенно удивительно, учитывая, что изнасилование является одним из самых серьезных преступлений в законах,

регулирующих сексуальные преступления, и означает чрезвычайное эмоциональное бремя для жертвы". Судебное мнение об изнасиловании не успевает за развитием общественных взглядов на сексуальность и сексуальную преступность. В нем по-прежнему доминируют патриархальные структуры, которые начали терять свою силу только в последние несколько лет, и традиционное осуждение проституток. В целом, отношение судов к изнасилованию можно считать отсталым". Эти слова о мягкой трактовке изнасилования написала не феминистка, а профессор права Боннского университета: Johannes A. J. Brüggemann, *Entwicklung und Wandel des Sexualstrafrechts in der Geschichte unseres StGB: Die Reform der Sexualdelikte einst und jetzt* (Baden-Baden 2013), pp. 289-90.

[80.](#) Историческую речь Хельке Сандер можно прочитать в Интернете по адресу www.hdg.de/lemo/html/dokumente/Kontinuitaet-UndWandel_redeSandersZurNeuenFrauenbewegung.

[81.](#) См. Мириам Гебхардт, *Alice im Niemandsland: Wie die deutsche Frauenbewegung die Frauen verlor* (Munich 2012).

[82.](#) Natascha Drubek-Meyer, 'Griffiths und Vertovs Wiege: Dziga Vertovs Film *Kolybel'naja* (1937)', in: *Frauen und Film* 54/55 (1994), pp. 31-51.

[83.](#) Наймарк, "Русские и немцы", стр. 206.

[84.](#) См. Moeller, *War Stories*.

[85.](#) Gudrun Brockhaus, 'Kontroversen um die "Kriegskindheit"', in: *Forum Psychoanalyse* № 26 (2010), pp. 313-24, здесь p. 315.

- [86.](#) Harald Welzer, in Hartmut Radebold, Werner Bohleber and Jürgen Zinnecker (eds.), *Transgenerationale Weitergabe kriegsbelasteter Kindheiten* (Weinheim and Munich 2009).
- [87.](#) См. например, Джеффри Бердс, "Сексуальное насилие в Европе во время Второй мировой войны, 1935-1945", в: *Politics and Society* 37, 1 (2009), pp. 35-74.
- [88.](#) Margarete Doerr, 'Mittragen - Mitverantworten? Eine Fallstudie zum Hausfrauenalltag im Zweiten Weltkrieg', in: Hagemann et al., *Heimat-Front*, pp. 275-90, здесь p. 283.
- [89.](#) Там же, стр. 284.
- [90.](#) Nicholas Stargardt, *'Maikäfer, flieg! Hitlers Krieg und die Kinder* (Мюнхен 2006), стр. 13.
- [91.](#) Октябрь 2002 года в Институте психотерапии, Берлин.
- [92.](#) Uwe Langendorf, 'Heimatvertreibung - das stumme Trauma: Spätfolgen von Vertreibung in der zweiten Generation', in: *Analytische Psychologie*, 136/2 (2004), pp. 207-23.
- [93.](#) Bertram von der Stein, "Flüchtlingskinder": Transgenerationale Perspektive von Spätfolgen des Zweiten Weltkrieges bei Nachkommen von Flüchtlingen aus den ehemaligen deutschen Ostgebieten", in: Radebold et al., *Transgenerationale Weitergabe*, pp. 183-91; см. также Jürgen Zinnecker, 'Die "transgenerationale Weitergabe" der Erfahrung des Weltkrieges in der Familie', in: Radebold et al., *Transgenerationale Weitergabe*, pp. 141-54.
- [94.](#) Stein, 'Flüchtlingskinder', p. 185.
- [95.](#) Там же, стр. 187.

[96.](#) Zinnecker, 'Transgenerationale Weitergabe', p. 143.

SOURCES AND SELECTED LITERATURE

Archives

Bundesarchiv Lichterfelde

Landesarchiv Berlin

Heimatismuseum Charlottenburg

Staatsarchiv Freiburg

Staatsarchiv München

Bayerisches Hauptstaatsarchiv München

Institut für Zeitgeschichte

Landesarchiv Nordrhein-Westfalen

Bundesarchiv Koblenz

National Archives, Washington

Literature and references

Andreas-Friedrich, Ruth, *Schauplatz Berlin: Ein deutsches Tagebuch* (Berlin 1964); in English as *Berlin Underground, 1938–1945*, trans. Barrows Mussey (New York, 1947)

Anonymous, *A Woman in Berlin – Eight Weeks in the Conquered City: A Diary* (London 1982)

Beer, Mathias, 'Die Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa (1953–1962): Ein Seismograph bundesdeutscher Erinnerungskultur', in Jörg-Dieter Gauger and Manfred Kittel (eds.), *Die Vertreibung der Deutschen aus dem Osten in der Erinnerungskultur*, Eine Veröffentlichung der

Konrad-Adenauer-Stiftung e.V. und des Instituts für Zeitgeschichte (Sankt Augustin 2004), pp. 17–37

Bessel, Richard, *Germany 1945: From War to Peace* (London 2009)

Biallas, Leonie, *Komm, Frau, raboti: Ich war Kriegsbeute* (Leverkusen 2010)

Biess, Frank, 'Moral Panic in Postwar Germany: The Abduction of Young Germans into the Foreign Legion and French Colonialism in the 1950s', in *Journal of Modern History* 84, 4 (2012), 789–832

Biess, Frank and Moeller, Robert (eds.), *Histories of the Aftermath: The Legacies of the Second World War in Europe* (New York 2012)

Bisky, Jens, 'Wenn Jungen Weltgeschichte spielen, haben Mädchen stumme Rollen: Wer war die Anonyma in Berlin? Frauen, Fakten und Fiktionen – Anmerkungen zu einem grossen Bucherfolg dieses Sommers', in *Süddeutsche Zeitung* (24 September 2003), 16

The Bodleian Library (ed.), *Instructions for British Servicemen in Germany 1944* (Oxford 2007)

Böhmer, Martina, *Erfahrungen sexualisierter Gewalt in der Lebensgeschichte alter Frauen: Ansätze für eine frauenorientierte Altenarbeit* (Frankfurt 2011)

Boveri, Margret, *Tage des Überlebens: Berlin 1945* (Munich 1985 [1966])

Brownmiller, Susan, *Against Our Will: Men, Women, and Rape* (New York 1975)

Bundesministerium für Vertriebene (ed.), *Dokumentation der Vertreibung der Deutschen aus Ost-Mitteleuropa*, vol. I/1 (Bonn 1954–6)

Dudink, Stefan, Hagemann, Karen and Tosh, John, *Masculinities in Politics and War: Gendering Modern History* (Manchester 2004)

Eichhorn, Svenja and Kuwert, Philipp, *Das Geheimnis unserer Grossmütter: Eine empirische Studie über sexualisierte Kriegsgewalt um 1945* (Giessen 2011)

Emsley, Clive, *Soldier, Sailor, Beggarman, Thief: Crime and the British Armed Services since 1914* (Oxford 2013)

Eschebach, Insa and Mühlhäuser, Regina (eds.), *Krieg und Geschlecht: Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern* (Berlin 2008)

Fehrenbach, Heide, 'Ami-Liebchen und Mischlingskinder: Rasse, Geschlecht und Kultur in der deutsch-amerikanischen Begegnung', in Klaus Neumann (ed.), *Nachkrieg in Deutschland* (Hamburg 2001), pp. 178–205

Gebhardt, Miriam, *Alice im Niemandsland: Wie die deutsche Frauenbewegung die Frauen verlor* (Munich 2012)

Gebhardt, Miriam, *Die Angst vor dem kindlichen Tyrannen: Eine Geschichte der Erziehung im 20. Jahrhundert* (Munich 2009)

Gebhardt, Miriam, "Frage des Schweigens"? Forschungsthesen zur Vergewaltigung deutscher Frauen nach Kriegsende', in Silke Satjukow and Barbara Stelzl-Marx (eds.), *Besatzungskinder: Die Nachkommen alliierter Soldaten in Österreich und Deutschland* (Vienna, Cologne and Weimar 2015)

Gelfand, Wladimir, *Deutschland-Tagebuch 1945–1946: Aufzeichnungen eines Rotarmisten* (Berlin 2008)

Goedde, Petra, 'From Villains to Victims: Fraternization and the Feminization of Germany, 1945–1947', in *Diplomatic History* 23, 1 (Winter 1999), 1–20

Goedde, Petra, *GIs and Germans: Die Gesellschaft der Überlebenden – Kriegsheimkehrer und ihre Gewalterfahrungen im Zweiten Weltkrieg* (Munich 2009); in English as *Gis and Germans: Culture, Gender, and Foreign Relations, 1945–1949* (Yale, 2003)

Goeschel, Christian, *Selbstmord im Dritten Reich* (Berlin 2011); in English as *Suicide in Nazi Germany* (Oxford, 2009)

Goltermann, Svenja, *Die Gesellschaft der Überlebenden: Deutsche Kriegsheimkehrer und ihre Gewalterfahrungen im Zweiten Weltkrieg* (Munich 2009)

Goltermann, Svenja, 'Im Wahn der Gewalt: Massentod, Opferdiskurs und Psychiatrie 1945–1956', in Klaus Naumann (ed.), *Nachkrieg in Deutschland* (Hamburg 2001), pp. 343–63

Grossmann, Atina, 'A Question of Silence: The Rape of German Women by Occupation Soldiers', in: *October* 72 (Spring 1995), 43–64

Hagemann, Karen and Pröve, Ralf, *Landsknechte, Soldatenfrauen und Nationalkrieger: Militär, Krieg und Geschlechterordnung im historischen Wandel* (Frankfurt 1998)

Hagemann, Karen, Pröve, Ralf and Schüler-Springorum, Stefanie (eds.), *Heimat-Front: Militär und Geschlechterverhältnisse im Zeitalter der Weltkriege* (Frankfurt 2002); in English as

Home/Front: The Military, War and Gender in Twentieth-century Germany (New York, 2002)

Hamburger Institut f. Sozialforschung, *200 Tage und 1 Jahrhundert: Gewalt und Destruktivität im Spiegel des Jahres 1945* (Hamburg 1995)

Heineman, Elizabeth, 'The Hour of the Woman: Memories of Germany's "Crisis Years" and West German National Identity', in *American Historical Review* 101, 2 (April 1996), 354–95

Henke, Klaus-Dietmar, *Die amerikanische Besatzung Deutschlands* (Munich 1996)

Hildebrandt, Dieter and Kuballa, Felix (eds.), *Mein Kriegsende: Erinnerungen an die Stunde Null* (Berlin 2012)

Hoerning, Erika, 'Frauen als Kriegsbeute: Der Zwei-Fronten-Krieg, Beispiele aus Berlin', in Lutz Niethammer and Alexander von Plato (eds.), *'Wir kriegen jetzt andere Zeiten': Auf der Such nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern* (Bonn 1985), pp. 327–44

Höhn, Maria, *GIs and Fräuleins: The German–American Encounter in 1950s West Germany* (Chapel Hill and London 2002)

Jacobs, Ingeborg, *Freiwild: Das Schicksal deutscher Frauen 1945* (Berlin 2008)

Jaraus, Konrad, *Die Umkehr: Deutsche Wandlungen 1945–1995* (Munich 2004)

Kauders, Anthony, *Der Freud-Komplex: Eine Geschichte der Psychoanalyse in Deutschland* (Berlin 2014)

- Kershaw, Ian, *The End: Hitler's Germany, 1944–45* (London 2011)
- Koop, Volker, *Besetzt: Französische Besatzungspolitik in Deutschland* (Berlin 2005)
- Köpp, Gabi, *Warum war ich bloss ein Mädchen? Das Trauma einer Flucht 1945* (Munich 2010)
- Kossert, Andreas, *Kalte Heimat: Die Geschichte der deutschen Vertriebenen nach 1945* (Munich 2008)
- Kowalczyk, Ilko-Sascha and Wolle, Stefan, *Roter Stern über Deutschland* (Berlin 2001)
- Kuby, Erich, *Die Russen in Berlin* (Munich 1965); in English as *The Russians and Berlin* (London, 1968)
- Kuby, Erich, 'Die Russen in Berlin', in *Der Spiegel* 19–24 (1965)
- Lilly, J. Robert, *Taken by Force: Rape and American GIs in Europe during World War II* (Chippenham 2007)
- Maercker, Andreas, et al., 'Posttraumatische Belastungsstörungen in Deutschland: Ergebnisse einer gesamtdeutschen epidemiologischen Untersuchung', in *Der Nervenarzt* 79 (2008), 577–86
- Maulucci, Thomas and Junker, Detlev (eds.), *GIs in Germany: The Social, Economic, Cultural, and Political History of the American Military Presence* (Cambridge 2013)
- Medica mondiale e.v. and Griesse, Karin (eds.), *Sexualisierte Kriegsgewalt und ihre Folgen* (Berlin 2006)
- Meehah, Patricia, *A Strange Enemy People: Germans under the British 1945–1990* (London 2001)

Merridale, Catherine, *Ivan's War: The Red Army, 1939–1945* (London 2005)

Meyer, Sibylle and Schulze, Eva, *Wie wir das alles geschafft haben: Alleinstehende Frauen berichten über ihr Leben nach 1945* (Munich 1993)

Moeller, Robert G., *War Stories: The Search for a Usable Past in the Federal Republic of Germany* (Berkeley 2001)

Moeller, Robert G. (ed.), *West Germany under Construction: Politics, Society, and Culture in the Adenauer Era* (Michigan 1997)

Mühlhäuser, Regina, *Eroberungen: Sexuelle Gewalttaten und intime Beziehungen deutscher Soldaten in der Sowjetunion 1941–1945* (Hamburg 2010)

Mühlhäuser, Regina, 'Massenvergewaltigungen in Berlin 1945 im Gedächtnis betroffener Frauen: Zur Verwobenheit von nationalistischen, rassistischen und geschlechtsspezifischen Diskursen', in Veronika Aegerter et al. (eds.), *Geschlecht hat Methode: Ansätze und Perspektiven in der Frauen- und Geschlechtergeschichte* (Contribution to the Ninth Swiss Historians' Conference 1988) (Zurich 1999), pp. 235–46

Mühlhäuser, Regina, 'Vergewaltigung' in Christian Gudehus and Michaela Christ (eds.), *Gewalt: Ein interdisziplinäres Handbuch* (Stuttgart 2013), pp. 164–70

Mühlhäuser, Regina, 'Vergewaltigungen in Deutschland 1945: Nationaler Opferdiskurs und individuelles Erinnern betroffener Frauen', in Klaus Naumann (ed.), *Nachkrieg in Deutschland* (Hamburg 2001), pp. 384–408

Mühlhäuser, Regina and Eschebach, Insa, 'Sexuelle Gewalt im Krieg und Sex-Zwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern: Deutungen, Darstellungen, Begriffe', in Mühlhäuser and Eschebach (eds.), *Krieg und Geschlecht: Sexuelle Gewalt im Krieg und Sexzwangsarbeit in NS-Konzentrationslagern* (Berlin 2008), pp. 11–32

Müller, Christian T., *US-Truppen und Sowjetarmee in Deutschland: Erfahrungen, Beziehungen, Konflikte im Vergleich* (Paderborn 2011)

Naimark, Norman, *Die Russen in Deutschland: Die Sowjetische Besatzungszone 1945 bis 1949* (Berlin 1997); in English as *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949* (Harvard, 1997)

Naimark, Norman, 'The Russians and Germans: Rape during the War and Post-Soviet Memories', in Raphaëlle Branche and Fabrice Virgili (eds.), *Rape in Wartime: A History to Be Written* (Basingstoke 2012), pp. 201–19

Naumann, Klaus (ed.), *Nachkrieg in Deutschland* (Hamburg 2001)

Niethammer, Lutz and Plato, Alexander von (eds.), 'Wir kriegen jetzt andere Zeiten': *Auf der Suche nach der Erfahrung des Volkes in nachfaschistischen Ländern* (Bonn 1985)

Pfister, Peter (ed.), *Das Ende des Zweiten Weltkriegs im Erzbistum München und Freising* (Regensburg 2005)

Plato, Alexander von, *Alte Heimat – Neue Zeit: Flüchtlinge, Umgesiedelte, Vertriebene in der Sowjetischen Besatzungszone und in der DDR* (Berlin 1991)

Poutrus, Kirsten, 'Von den Massenvergewaltigungen zum Mutterschutzgesetz: Abtreibungspolitik und Abtreibungspraxis in Ostdeutschland, 1945–1950', in Richard Bessel and Ralph Jessen (eds.), *Die Grenzen der Diktatur: Staat und Gesellschaft in der DDR* (Göttingen 1996), pp. 170–98

Radebold, Hartmut, Bohleber, Werner and Zinnecker, Jürgen (eds.), *Transgenerationale Weitergabe kriegsbelasteter Kindheiten* (Weinheim and Munich 2009)

Reckwitz, Andreas, 'Umkämpfte Maskulinität: Zur historischen Kulturosoziologie männlicher Subjektformen und ihrer Affektivitäten vom Zeitalter der Empfindsamkeit bis zur Postmoderne', in Manuel Borutta and Nina Verheyen (eds.), *Die Präsenz der Gefühle: Männlichkeit und Emotion in der Moderne* (Bielefeld 2010)

Reemtsma, Jan Philipp, 'Trauma und Moral', in *Kursbuch* 126 (1996), 95–112

Roberts, Mary Louise, *What Soldiers Do: Sex and the American GI in World War II France* (Chicago 2013)

Ryan, Cornelius, *The Last Battle* (London 1966)

Sander, Helke and Johr, Barbara (eds.), *BeFreier und Befreite: Krieg, Vergewaltigungen, Kinder* (Munich 1992)

Satjukow, Silke, *Befreiung? Die Ostdeutschen und 1945* (Leipzig 2009)

Satjukow, Silke, *Besatzer: 'Die Russen' in Deutschland 1945–1994* (Göttingen 2008)

Satjukow, Silke, “Besatzungskinder”: Nachkommen deutscher Frauen und alliierter Soldaten seit 1945’, in *Geschichte und Gesellschaft* 37 (2011), 1–33

Satjukow, Silke and Stelzl-Marx, Barbara (eds.), *Besatzungskinder: Die Nachkommen alliierter Soldaten in Österreich und Deutschland* (Vienna, Cologne and Weimar 2015)

Scherstjanoi, Elke (ed.), *Rotarmisten schreiben aus Deutschland: Briefe von der Front (1945) und historische Analysen* (= Texte und Materialien zur Zeitgeschichte, 14, published by Institut für Zeitgeschichte) (Munich 2004)

Schmidt-Harzbach, Ingrid, ‘Doppelt besiegt: Vergewaltigung als Massenschicksal’, in *Frankfurter Frauenblatt* (May 1985), 18–23

Seifert, Ruth, ‘Krieg und Vergewaltigung: Ansätze zu einer Analyse’, in Alexandra Stiglmayer (ed.), *Massenvergewaltigung: Krieg gegen die Frauen* (Freiburg 1993), pp. 85–108; in English as ‘War and Rape: A Preliminary Analysis’, in Alexandra Stiglmayer (ed.), *Mass Rape: The War against Women in Bosnia-Herzegovina* (London, 1994), 54–72.

Seifert, Ruth, ‘Militär und Geschlechtsverhältnisse: Entwicklungslinien einer ambivalenten Debatte’, in Christine Eifler and Ruth Seifert (eds.), *Soziale Konstruktionen – Militär und Geschlechterverhältnis* (Münster 1999), pp. 44–70

Stein, Bertram von der, “Flüchtlingskinder”: Transgenerationale Perspektive von Spätfolgen des Zweiten Weltkrieges bei Nachkommen von Flüchtlingen aus den ehemaligen deutschen Ostgebieten’, in Hartmut Radebold, Werner Bohleber and Jürgen Zinnecker (eds.), *Transgenerationale Weitergabe kriegsbelasteter Kindheiten* (Weinheim and Munich 2009)

Stelzl-Marx, Barbara, *Stalins Soldaten in Österreich: Die Innensicht der sowjetischen Besatzung 1945–1955* (Vienna 2012)

Stiglsmayer, Alexandra (ed.), *Massenvergewaltigung: Krieg gegen die Frauen* (Freiburg 1993); in English as *Mass Rape: The War against Women in Bosnia-Herzegovina* (London, 1994).

Volkman-Steinhardt, Gela, *Eine Stimme aus der pommerschen Passion: Erlebnisse aus dem deutschen Zusammenbruch 1945* (Freiburg i. Brsg. 1993)

Zinnecker, Jürgen, ‘Die “transgenerationale Weitergabe” der Erfahrung des Weltkrieges in der Familie’, in Hartmut Radebold, Werner Bohleber and Jürgen Zinnecker (eds.), *Transgenerationale Weitergabe kriegsbelasteter Kindheiten* (Weinheim and Munich 2009), pp. 141–54

INDEX

A

Abele, Eugen

abortions

Action for No One’s Children project

adoption

African American soldiers

Against Our Will (Brownmiller)

Aktionsrat zur Befreiung der Frauen

Albart, Rudolf

alcohol see [drunkenness](#)

Aldekerk

Algerian soldiers

see also [colonial soldiers](#)

Allesberg

Altenheim

American soldiers

African American

billeting of

children fathered by

compared with Soviet soldiers

crime and indiscipline

curfew imposed on

expectations about

and fraternization

letters

motives for raping

murders committed by

numbers stationed in Germany

propaganda aimed at

public criticism of

rapes committed by

rapes committed in Britain and France

recruitment of

stereotyping of

and venereal disease

Andreas-Friedrich, Ruth

‘Anonymous’: A Woman in Berlin

Antz, Ilse

Aronovic, Michail

Aschaffenburg

‘Asiatic’ soldiers

Axenböck, Ludwig

B

Bad Kissingen

Bad Kronzingen

Bad Reichenhall

Bad Wiessee

Baden

Bamberg

Bangladesh war

Bavaria

BeFreier und Befreite (Sander)

Belgian soldiers

Berlin

betrayal

Biallas, Leonie

Bielefeld

Biess, Frank

billeting of soldiers

Bisky, Jens

‘Black Shame’

blame

Boese, Helena

Böhmer, Martina

Boko Haram

Bolshevism

Borisovic, Michail

Bosnian war

Boveri, Margret

Brand, Der (Friedrich)

Brandenburg

Braun, Eva

Brecht, Bert

Bremen

Bremerhaven

Breslau

British soldiers

billeting of

children fathered by

and fraternization

numbers stationed in Germany

rapes committed by

Brockhaus, Gudrun

Brownmiller, Susan

Bruchsal

Bründel, Martin

brutalization

Buchholz, Horst

C

Carl, Gerda

Carl, Gotthard

Ceram, C. W.

character references

charges see [investigations](#); [prosecutions](#)

child maintenance

see also [compensation claims](#)

Child Protection League

children see [fatherless children](#); [occupation children](#); [young victims](#)

children's homes

Christaller, Jakob

Clarke, Edwin Lee

clergymen

Coburg

Cold War

collective experience

colonial soldiers

Communism

compensation claims

comradeship

concentration camps

conquest

consensual sex

contraception

Conze, Werner

coping strategies

courts see [German courts](#); [military courts](#)

cowardice

Crabwalk (Grass)

credibility

Croatia

cross-examination

Czech soldiers

D

Dambitzen

Damen

Danzig

Darwinism

death penalty

Demmin

democratization

depression

diaries

see also [Woman in Berlin, A](#)

doctors

Dorfen

drunkenness

E

East Prussia

Ebersberg

Ebner, Eva

Ehrenburg, Ilya Grigorievich

Eichenried

Eichhorn, Svenja

Eisenhower, Dwight D.

Elbing

elderly victims

employment

Emsley, Clive

Engl, Jakob

Erding

Erhard, Hans

Ettenheim

eugenics

evacuees

Evans, Jennifer V.

expulsion

see also [refugees](#)

eyewitness accounts see [personal testimonies](#)

F

false accusations

family

fatherless children

Faulhaber, Josef

Faulhaber, Michael

Federal Ministry for Displaced Persons, Refugees and War
Victims documentation

Feldkirchen

Feldmoching

femininity

feminism

flight

see also [refugees](#)

Forster, Josef

Franconia

Frankfurt am Main

Frankfurter Allgemeine Zeitung

fraternization

Freiburg

Freie Presse

Freising

French soldiers

billeting of

children fathered by

colonial soldiers

fear of

and fraternization

rapes committed by

Frettlöh, Ruth Irmgard

Freudenstadt

Friedmann, Werner

Friedrich, Jörg

frustration

Fürsternwalde

G

Gammelsdorf

gang rapes

Gelfand, Vladimir

Gelnhausen

gender equality

gender roles

German courts

German police

Goebbels, Joseph

Goebbels, Magda

Goltermann, Svenja

gonorrhoea

Grafing

Grass, Günter

Greifswald

Grossmann, Atina

Gruber, Josef

Gündlkofen bei Moosburg

Günzlhofen

Gustloff, Die (film)

Güstrow, Dietrich

H

Hagemann, Karen

Hale, Oron J.

Hanover

Hauser, Monika

Henke, Klaus-Dietmar

Henry and Emma Budge Foundation

Heroldsberg

Hesse

Heuss, Theodor

Heuss-Knapp, Elly

Hillel, Marc

historiography

Hitler, Adolf

Hochbrück bei Oberschleissheim

Hoerning, Erika M.

Hohenlinden

Holocaust

Holzendorf-Mümmeldorf

Holzkirchen

homosexuality

Hörgertshausen

Hort, Joseph

Huber, Johann

I

insecurity

internal military structures

investigations

Iraq

Islamic State

Ivanovic, Vasiliy

Ivanovic, Vladimir

J

Jacobs, Ingebord

Japanese soldiers

Jaraus, Konrad

Jastrow

Jetendorf

Jews

see also [Holocaust](#)

Johr, Barbara

K

Kern, Matthias

Kirchdorf bei Haag

Kitzingen

Kleinbartloff

Knef, Hildegard

Koblechner, Josef

Koch, Gisela

Königsberg

Konstanz

Köpp, Gabi

Krauchenwies

Kreutmeier, Anton

‘Kriegsende und Vergangenheitspolitik in Deutschland’ exhibition

Kuby, Erich

Kuhn, Matthias

Kullmann, Oswald

Kunst, Christian

Kuwert, Philipp

L

Landsberg am Lech

Landsberger Presse

Langendorf, Uwe

Last Battle, The (Ryan)

Lauenburg

Lenggries

Lenin, Vladimir

Leningrad

letters

Levin, Meyer

liberation myth

Libya

Lilly, J. Robert

lobby groups

Lochhausen

loneliness

looting

loyalties see [political alliances](#)

Lübeck

M

madness see [psychological effects](#)

Magdeburg

male bonding

male victims

March of Millions (film)

masculinity

Mecklenburg

media reporting

medical examination see [doctors](#)

memory

Merridale, Catherine

Meyer, Sibylle

Michel, Albert

Miesbach

military courts

military police

Mock, Joseph

‘Mongol’ soldiers

Moosach bei Ebersberg

Moosburg an der Isar

morality

Moroccan soldiers

see also [colonial soldiers](#)

motivations, for rape

Mühlhäuser, Regina

Müller, Hermann

Müller-Meiningen, Ernst

Münchener Merkur

Munich

murders

Muttrin

N

Nadig, Frieda

Naimark, Norman M.

Nemmersdorf massacre

Nero Decree

Neumarkt

New Women's Movement

Nigeria

nightmares

Noack, Barbara

Nördlingen

nuns

Nuremberg

O

Oberau

Oberbergkirchen

Obertaufkirchen

Oberwarngau

occupation children

Okorov, Lieutenant-General

Opladen

Otterfing

Oxford Companion to World War II

P

Palling

Paris Agreements

patriarchy

Penzing bei Landsberg

personal testimonies

police see [German police](#); [military police](#)

Polish soldiers

political alliances

political appropriation

political representatives

Pomerania

post-traumatic stress

power

pregnancy

as result of rape

at time of rape

see also [abortions](#); [occupation children](#)

priests see [clergymen](#)

prisoners of war

propaganda, American

German

Soviet

prosecutions

prostitution

psychological effects

psychological therapy

punishments, for rapists

R

racism

rape, definitions of

rape of nation metaphor

rape victims

abortions

blaming of

children resulting from rape

compared with other victims of war

compensation claims

coping strategies

credibility

cross-examination of

defensive strategies

elderly

estimated numbers of

historians' treatment of

male

murder of

personal testimonies

political appropriation of experiences

pregnant as result of rape

pregnant at time of rape

psychological effects upon

resistance by

secondary victimization of

venereal disease infections

silence about

silence of

social exclusion of

suicide of

transgenerational consequences

young

Reckwitz, Andreas

reformatories

refugees

see also [expulsion](#); [flight](#)

Reich-Ranicki, Marcel

Reichling, Gerhard

relativization

resistance

resistance fighters

reunification

revenge

Roberts, Mary Louise

Romania

Rosenthal, Hans

Rössel

Russian soldiers see [Soviet soldiers](#)

‘Russians in Berlin’ articles

Rwanda

Ryan, Cornelius

S

Sagan, Günter

Sander, Helke

Satjukow, Silke

scapegoating

Schausbreitner, Johann

Schellenberg bei Salzburg

Schieder, Theodor

Schiml, Alois

Schmidt-Harzbach, Ingrid

Schmittingen, Peter

Schönberg

Schönlanke

Schröder, Gerhard

Schulze, Eva

Schwarzer, Alice

secondary victimization

Segmüller, Albin

self-sacrifice

Sellwethen

Senegalese soldiers

see also [colonial soldiers](#)

sentences see [punishments, for rapists](#)

Sergeevic, Boris

sexual morality

shaming rituals

Silesia

Simonov, Konstantin

Sino-Japanese War

Sittlichkeit

slave labourers

social class

social exclusion

Soltau

South Württemberg-Hohenzollern

Soviet Control Commission

Soviet Military Administration

Soviet soldiers

‘Asiatic’ and ‘Mongol’ soldiers

billeting of

children fathered by

compared with American soldiers

diaries and letters

discipline and training

and the fall of Berlin

fear of

flight from see [expulsion](#); [flight](#); [refugees](#)

and fraternization

internal military structures

motives for raping

murders committed by

numbers stationed in Germany

propaganda about

propaganda aimed at

rapes committed by

reputation of

stereotyping of

and venereal disease

Spiegel

Stalin, Joseph

Stalingrad

Stargardt, Nicholas

starvation

Stefanskirchen

Stein, Bertram von der

Steinkirchen an der Ilm

stereotyping

sterilization

Stuttgart

Süddeutsche Zeitung

Sudetenland

suicides

syphilis

Syria

T

Tage des Überlebens (Boveri)

Tagesspiegel

Taufkirchen an der Vils

Telegraf

Terry, James

Thiele, Hannelore

Thuringia

Tittmoning

transgenerational effects

trauma

Traunstein

‘Trümmerfrauen’

Tunisian soldiers

see also [colonial soldiers](#)

Two Plus Four Agreement

U

unemployment

University of Greifswald

Unsere Mütter, unsere Väter (TV programme)

Unterstein bei Berchtesgaden

Uris, Leon

V

vagrancy

Vasilevic, Pavel

Veit, Alfons

venereal disease

‘Veronika Dankeschöns’

victim discourse

victims see [rape victims](#)

Vienna

Villingen

Villinger, Werner

Vladimirovna, Anna

Volkmann-Steinhardt, Gela

W

Waldherr, Kaspar

Wall, Georg

‘war childhood’ research

Wasserburg

wealth

welfare homes

welfare services

Welzer, Harald

West Prussia

Westphalia

What Soldiers Do (Roberts)

Woldenberg

Wolfratshausen

Woman in Berlin, A (anon.)

Würzburg

Y

young victims

Yugoslavia

Zaun, Inge

Ziegler, Walter

Zietlow

Zipfel, Gaby

POLITY END USER LICENSE AGREEMENT

Go to www.politybooks.com/eula to access Polity's ebook EULA.